

Футбол в русской
и советской поэзии
1910–1950 годов

Алсу Акмальдинова
Олег Лекманов
Михаил Свердлов

«Ликует форвард на бегу...»

«ЛИКУЕТ ФОРВАРД НА БЕГУ...»

Алсу Акмальдинова
Олег Лекманов
Михаил Свердлов

*Футбол в русской
и советской поэзии
1910–1950 годов*

С Е Р И Я

И С С Л Е Д О В А Н И Я

К У Л Т У Р Ы

В Ы С Ш А Я Ш К О Л А Э К О Н О М И К И

С Е Р И Я
И С С Л Е Д О В А Н И Я
К У Л Ь Т У Р Ы

«ЛИКУЕТ
ФОРВАРД
НА БЕГУ...»

*Футбол в русской
и советской поэзии
1910–1950 годов*

АЛСУ АКМАЛЬДИНОВА
ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ
МИХАИЛ СВЕРДЛОВ

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2016

УДК 82-16
ББК 84(2Рос=Рус)6
А40

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент
кандидат философских наук,
доцент МГУ
ВЯЧЕСЛАВ ДАНИЛОВ

- А40 **Акмальдинова, А. А., Лекманов, О. А., Свердлов, М. И.**
«Ликует форвард на бегу...» Футбол в русской и советской поэзии 1910–1950 годов [Текст] / А. А. Акмальдинова, О. А. Лекманов, М. И. Свердлов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 304 с. — (Исследования культуры). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1366-8 (в пер.).

Монография примыкает к серии работ разных авторов, освещающих освоение русской поэзией XIX–XX веков новых для жизни тогдашнего общества реалий и явлений — телеграфа, кинематографа, телефона, радио. В ней впервые прослеживается эволюция футбольной темы в отечественной поэзии 1910–1950-х годов — все ее основные вехи: как сначала соответствующие мотивы приспосабливались к непривычной среде, почти контрабандой проникая в поэтические тексты, как затем они отвоевывали себе все больше и больше места на страницах журнальных стихотворных подборок и сборников лирики и, наконец, как они постепенно обростали набором устойчивых смысловых ореолов. Еще важнее для авторов было показать, как новые для поэзии мотивы менялись, отражая сиюминутные требования современности, деформируясь под их воздействием, а иногда отчаянно им сопротивляясь. Задача книги — двойная: с одной стороны, собрать вместе и классифицировать как можно больше поэтических строк о футболе, написанных в первой половине XX века; с другой стороны, проанализировать логику разворачивания футбольной темы с точки зрения исторической поэтики.

Книга предназначена как для специалистов-гуманитариев, так и для широкого круга читателей. Ее научные установки вовсе не препятствуют разворачиванию увлекательных сюжетов на стыке футбольной и поэтической истории: это и встречи советских команд с баскской сборной в 1937 году, и турне московского «Динамо» по Великобритании в 1945 году, и противостояние двух великих московских клубов — «Спартака» и «Динамо» в 1930–1940-е годы — в поэтическом преломлении.

УДК 82-16
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7598-1366-8

© Акмальдинова А.А., Лекманов О.А.,
Свердлов М.И., 2016
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРОВ	7
I. «ОДНА ИГРА АНГЛИЙСКАЯ В РОССИЮ К НАМ ПРИШЛА...»: 1910-Е ГОДЫ	9
II. «ЛИЦОМ К ФУТБОЛЬНОМУ МЯЧУ»: 1920-Е ГОДЫ	44
III. «ЭЙ, ВРАТАРЬ, ГОТОВЬСЯ К БОЮ...»: 1930-Е ГОДЫ	161
IV. «ХОЧЕТ МЯЧ ЦЕЛЫЙ МИР ОБЛЕТЕТЬ» (1945–1950)	208
V. ВМЕСТО ЭПИЛОГА	237
СТИХИ РУССКИХ И СОВЕТСКИХ ПОЭТОВ О ФУТБОЛЕ (1910–1950)	293

*Сане и другим товарищам по футбольным играм
с любовью посвящаем*

ОТ АВТОРОВ

Эта небольшая книжка примыкает к серии работ разных авторов, прослеживающих освоение русской поэзией XIX–XX веков новых для жизни тогдашнего общества реалий и явлений — телеграфа, кинематографа, телефона, радио, etc.¹ Чрезвычайно увлекательно следить за тем, как эти мотивы обустроивались в непривычной среде, сначала почти контрабандой проникая в поэтические тексты, затем отвоевывая себе все больше и больше места на страницах журнальных стихотворных подборок и сборников лирики и, наконец, обрстая набором устойчивых смысловых ореолов. Но еще интереснее наблюдать за тем, как новые для поэзии мотивы менялись, отражая сиюминутные требования современности, деформируясь под их воздействием, а иногда отчаянно им сопротивляясь.

Нужно признаться, что авторы ощущали себя не только филологами-классификаторами, но и коллекционерами: нам очень хотелось собрать под одной обложкой все написанные на русском языке поэтические строки 1910–1950-х годов о футболе. Конечно же, мы

¹ Перечислим некоторые из этих работ: *Тименчик Р.Д.* Стихоряд и киноязык в русской культуре начала XX века // *Finitis duoddecim lustris*. Сборник статей к 60-летию проф. Ю.М. Лотмана. Таллин, 1982; *Тименчик Р.Д.* К символике трамвая в русской поэзии // *Труды по знаковым системам*. Ученые записки Тартуского университета. Вып. 754. Тарту, 1987; *Тименчик Р.Д.* К символике телефона в русской поэзии // *Труды по знаковым системам*. Вып. 22. Ученые записки Тартуского университета. Вып. 831. Тарту, 1988; *Хазан В.* Из наблюдений над семантической поэтикой радио и телеграфа в поэзии XX века // *Wiener Slawistischer Almanach*. 2004. Bd. 54; *Лейбов Р.Г.* Телеграф в поэтическом мире Тютчева: тема и жанр // *Лотмановский сборник*. Вып. 3. М., 2004; *Соболев А.Л.* Пишущая машинка в русской поэзии. Заметки к теме // *История литературы. Поэтика. Кино*. Сборник в честь М.О. Чудаковой. М., 2012; *Лекманов О.А.* Русская поэзия в 1913 году. М., 2014.

отдаем себе отчет в том, что многие стихотворения остались в этой работе не учтенными, и будем благодарны за любые уточнения и дополнения (просим присылать их по адресу: lekmanov@mail.ru).

Тех читателей, которым не будет интересно углубляться в дебри наших разборов стихотворений о футболе, а захочется просто ознакомиться с этими стихотворениями, мы приглашаем заглянуть в конец книги, где помещен их хронологически выстроенный список с номерами страниц, где их можно найти. Детские стихотворения, процитированные в нашей книге, в этот список не вошли.

В цитируемых источниках мы сохранили авторскую орфографию и пунктуацию.

Сокращенные варианты трех первых глав этой книги ранее печатались в журналах «Новый мир», «Новое литературное обозрение» и «Волга».

Выражаем глубокую благодарность Эдуарду Вайсбанду, Татьяне Кириллиной, Игорю Лощилу, Роману Давидовичу Тименчику, Александру Соболеву, а также коллегам по школе филологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ за консультации и содействие в работе.

I. «Одна игра английская в Россию к нам пришла...»: 1910-е годы

12 сентября 1893 года на спортивной площадке, располагавшейся неподалеку от петербургского Царскосельского вокзала¹, состоялся один из первых в России футбольных матчей. Он был устроен в перерыве между соревнованиями велосипедистов. Краткий и, что характерно, иронический отчет об этом событии напечатал «Петербургский листок»:

<Б>ыл объявлен антракт. В это время публику развлекали господа спортсмены игрой в ножной мяч (Football). Записалось человек 20, суть игры состоит в том, что одна партия играющих старается загнать шар — подбрасывая ногой, головой, всем, чем угодно, только не руками — в ворота противной партии. Площадь для игры была покрыта сплошь грязью. Господа спортсмены в белых костюмах бегали по грязи, то и дело шлепаясь со всего размаха в грязь, и вскоре превратились в трубочистов. Все время в публике стоял несмолкаемый смех. Игра закончилась победой одной партии над другой...²

Но русской поэзии, чтобы обратить внимание на футбол, понадобилось еще без малого двадцать лет — первое найденное нами отечественное стихотворение, в котором описывается эта игра, «Сквозной ветер» Саши Черного, датировано 1910-м годом:

Графит на крыше раскален.
Окно раскрыто. Душно.
Развесил лапы пыльный клен
И дремлет равнодушно.

¹ Ныне — Пионерская площадь в Санкт-Петербурге.

² Петербургский листок. 1893. 13 сентября.

Собрались мальчишки из школ.
Забыты вмиг тетрадки,
И шумен бешеный футбол
На стриженной площадке.

Горит стекло оранжерей,
Нагрелся подоконник.
Вдруг шальный ветер из дверей
Ворвался, беззаконник.

Смахнул и взвил мои стихи —
Невысохшие строчки.
Внизу ехидное: «хи-хи»
Хозяйской младшей дочки.

Она, как такса, у окна
Сидит в течение суток.
Пускай хихикает она —
Мне вовсе не до шуток.

Забыл, забыл... Сплелись в мозгу
Все рифмы, как химера,
И даже вспомнить не могу
Ни темы, ни размера.

1910, Гейдельберг³

Не стоит удивляться тому, что первое русское стихотворение о футболе было напечатано в журнале, рассчитанном на массовую аудиторию. Честь освоения новых для отечественной поэзии тем и мотивов в начале прошлого столетия нередко выпадала авторам стихотворных фельетонов в периодических изданиях⁴. Авторы эти стремились любыми способами

³ Солнце России. 1910. № 4. С. 15.

⁴ Приведем здесь пронизательную характеристику этого жанра: «Сейчас уже мало кто помнит, что такое стихотворный фельетон в дореволюционной газете: почти ежедневные сорок-пятьдесят строчек бойким размером о чем угодно, а чаще всего ни о чем, только чтобы разнообразить страницу; темы их повторялись вновь и вновь, потому что никто из читателей не помнил предыдущего» (*Гаспаров М.Л. Маршак и время // Гаспаров М.Л. О русской поэзии. СПб., 2001. С. 412*).

оживить газетную или журнальную страницу. Экзотический до поры до времени футбол и все с ним связанное такое внимание обеспечивали почти стопроцентно. Иногда, впрочем, журналисты и фельетонисты расцветывали информацию о новомодной спортивной игре дополнительными эффектными оттенками и деталями.

Например:

Как это ни покажется странным и смешным, но существуют спортсмены-калеки — одноногие футболисты или с поврежденными ногами. А между тем, футбол требует, пожалуй, более других sports хорошего сложения, силы и легкости. Эти «единственные в мире» игроки находятся, конечно, в Америке; все они, за малым исключением, пациенты лечебницы Ренангтона и все безусловно жертвы спорта — всевозможных состязаний. Поистине, «горе от... спорта».

Но все же они не унывают — истинная любовь и истинное призвание к спорту спасают...⁵

Или:

В Петербурге с большим успехом подвизается труппа артистов-лилипотов.

Маленькие артисты очень серьезно и вдумчиво относятся к своему искусству. Играют, как большие... И какой у них разнообразный репертуар — драма, комедия, оперетка и даже обозрение!

Наш фотограф снял любимое развлечение лилипотов — игру в футбол.

Летом, почти весь свой досуг маленькие артисты посвящают этому спорту⁶.

⁵ Синий журнал. 1913. № 2. С. 9. Ср. с неожиданным сопряжением футбольных мотивов с американскими (причем речь идет явно не об американском футболе) в стихотворении астраханца Иеронима Арденина (псевдоним Иеронима Спивака) «American lady (лубок)» (1921): «Мы учились в высшей школе, / Есть у нас диплом, / Приз за первенство в футболе; / Все нам нипочем / Действовать ружьем» (*Арденин И. Любовь извечная*. Пг., 1922. С. 114).

⁶ Синий журнал. 1913. № 31. С. 9.

Или:

Нам сообщают, что бас Шаляпин учится играть в футбол.

«Кикает» он по утрам на сцене большого театра Народного дома, которая по размерам не менее футбольного поля.

Когда у г. Шаляпина окончательно пропадет голос, он будет ездить на гастроли по России в качестве состязающегося в футбол⁷.

Так или иначе, но король стихотворного фельетона Саша Черный будет еще не раз и не два писать и упоминать о футболе в своих стихотворениях⁸.

Играющими в футбол в русских стихах (как и во второй строфе «Сквозного ветра») часто будут изображаться именно гимназисты и школьники — в стихотворении Саши Черного эта естественная связь дополнительно подкрепляется рифмой «школ» — «футбол». Повторится (в стихотворении А.М. Барановского 1913 года, о котором речь еще впереди) и противопоставление — скучная учеба vs. веселая игра: у Саши Черного — забытые «тетрадки» vs. «бешеный футбол», а у Барановского:

Так отроки милы,
Когда в пыли
Под зноем
Несутся роем
И мчит, как конь,

⁷ Осколки. 1915. № 24. С. 7.

⁸ Из эпиграммы «Корней Белинский (Опыт критического шаржа)» (1911): «Кустарит парадокс из парадокса... / Холодный пафос недомолвок — гол, / А хитрый гнев критического бокса / Все рвется в истерический футбол...» (Сатирикон. 1911. № 11. С. 5.); из эпиграммы «А. Белый» (1928): «Каждый месяц две-три книжки, / А король все гол и гол... / Ах, заумный сей футбол / Надоел нам до отрыжки!» (*Черный Саша*. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М., 1996. С. 205); из поэмы «Кому в эмиграции жить хорошо» (1931–1932): «Обычная история... / Как мяч футбольный — бешеный, / Гоняю я по городу / С трамвая на трамвай...» (Там же. С. 403).

Их молодой огонь!
Забыв и «Ять»
«Колы» и «Пять»,
Восторженно они сияют...

Закономерным представляется то обстоятельство, что первыми изображенными русским поэтом игроками в футбол оказались мальчишки-иностранцы: футбол довольно долго воспринимался в России как заграничная и не слишком подходящая для нашего человека забава⁹, но, правда, не немецкая, а английская¹⁰.

«Ф у т б о л (англ. football), вместе с крикетом самая популярн<ая> игра в мяч в Англии», — такую дефиницию футбола в 1909 году предложил «Словарь Брокгауза и Ефрона». «Несмотря на огромные успехи, которые совершает футбол во всех государствах континента, до сих пор образцовой страной для этого вида спорта является родина его Англия, — в 1913 году резюмировал общеизвестное московский специализированный журнал “Русский спорт”. — Только в Англии футболисты проходят правильную школу и с ранних лет ведут осторожный, умеренный образ жизни, которого требует избранный ими спорт»¹¹.

⁹ Вот почему газетная заметка, открывающая эту главу, выдержана в ироническом тоне.

¹⁰ Ср., впрочем, напечатанную в 1913 году в бульварном «Синем журнале» заметку «Футбол немецкого бурша»: «Немецким студентам нельзя отказать в эксцентричности затей. Недавно они устроили во дворе университета спортивный праздник, причем игра в футбол заключалась в том, что требовалось перебросить ногами через стенку одного из участников матча, игравшего роль футбольного мяча!» (Синий журнал. 1913. № 25. С. 8).

¹¹ А. Идеал футболиста // Русский спорт. 1913. № 1. С. 1. Для многих людей, живших в эту эпоху, особенно же для тех, кто не слишком увлекался спортом, футбол навсегда остался в первую очередь именно английской игрой. См., например, эпизод из мемуаров Анатолия Наймана об Анне Ахматовой, относящийся к концу 1950 — началу 1960-х годов: «...когда, заигравшись с приехавшими в Комарове друзьями в фут-

Одержимость англичан футболом настолько удивляла, восхищала и ужасала русскую публику, что рассказам о британских болельщиках отдавали свои страницы отнюдь не только спортивные издания. Прочитируем здесь полностью лишь одну, но чрезвычайно выразительную заметку, озаглавленную «Рабы спорта» и взятую нами из «Синего журнала» за 1915 год:

Спортом не надо злоупотреблять... Увлечение спортом, в особенности, футболом, в Лондоне привело к печальным результатам! «Crystal Palace» устроил на своем плацу состязание. Устроители рассчитывали на 50,000 зрителей, несколько увеличив цифру предыдущего года — каково же было их изумление, когда явилось более 130,000 человек. Если принять во внимание, что входная плата объявлена была в 1 шиллинг, то можно сказать, что на состязании футболистов был установлен рекорд сборов! Но что же делать со всеми «лишними» людьми?

Истые британские спортсмены не хотели пропустить такого важного дня, — состязаний в излюбленном спорте... Все увещевания полиции и организаторов торжества оказались тщетными. Всегда находчивые, ни перед чем не останавливающиеся англичане не потерялись и стали карабкаться на крыши разбросанных вокруг «Crystal Palace» шатров и сараев.

Окончилось все печально — несколько сот человек провалилось сквозь, почти все они оказались ранены и были отправлены в ближайший госпиталь на счет устроителей матча...

Горе от спорта!

Довольно любопытные данные по поводу такого всенародного увлечения спортом в Англии дает газета

бол, я опоздал к часу, в который мы условились сесть за очередной перевод, прибежал разгоряченный и она недовольно пробормотала: “Вы, оказывается, профессиональный спортсмен”, причем “спортсмен” произнесла по-английски» (Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 105). См., впрочем, чуть ниже в этой же книге указание на то, что однажды слово «футбол» в речи Ахматовой прозвучало «уже по-французски» — «футболь» (Там же. С. 106).

«Daily Mail», устроившая специальную анкету по этому вопросу.

— Когда в конце недели устраивается матч football'a, то из 40,000 наших рабочих 20 процентов отсутствуют, — говорит администратор угольных копей в Пенд-либурэ.

— В дни состязаний футболистов мы работаем только полдня, — говорит директор фабрики в Клейтоне, где работает 1,800 человек.

— Наши рабочие, — жалуется владелец стеклянного завода, — становятся сумасшедшими в дни состязаний и совершенно не являются на работу, не считая даже нужным нас предупредить...

Теперь некоторые фабрики постановили предложить официально своим патронам отпускать рабочих в дни состязаний на 3–4 часа.

Поистине Англия устанавливает мировой рекорд любви и увлечения спортом...¹²

Неудивительно, что правило «Мы говорим “футбол”, подразумеваем — “Англия”» (и наоборот) работает во многих русских стихотворениях и фрагментах стихотворений об этом виде спорта, датированных 1910-ми годами, — начиная с неприятзательного фельетона 1912 года, посвященного необходимости срочно урегулировать трения между московской футбольной лигой и футбольным клубом проживавших в Москве британцев:

Нельзя терять и мига,
Оттяжки тут смешны:
Британский клуб и лига
Мир заключить должны!
К чему еще тут споры,
К чему задор лихой?
Ах, лучше доброй ссоры,
Ей Богу, мир плохой!¹³

¹² Блэк. Рабы спорта // Синий журнал. 1913. № 31. С. 13.

¹³ Русский спорт. 1912. № 3. 15 января. С. 12. Это стихотворение входит в состав такой заметки: «Кажется, нам

И завершая упоминанием о футболе в ориентально окрашенной стихотворении Николая Гумилева «Египет» 1918 года:

Пусть хозяева здесь — англичане,
Пьют вино и играют в футбол,
И Хедива в высоком Диване
Уж не властен святой произвол!¹⁴

Для полноты картины нужно еще напомнить, что Англия в начале прошлого века воспринималась в России не только как страна футбола, но и вообще как главная спортивная держава в мире. Лишь в глумливом стихотворении (сатириконца Василия Князева) российский обыватель мог задаваться вопросом-мечтой:

Месье, ужели в сфере спорта
Мы англичан не победим?¹⁵

Серьезный ответ на этот вопрос был таков: англичане, эти «дети холода и спорта»¹⁶, в футболе, теннисе, крокете и гребле недосыгаемы.

скоро придется присутствовать при трогательной картине “мира”. Ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем... т.е., я хотел сказать, ссора британского клуба с футбольной лигой, кажется, приходит к концу. Все зависит только от того, кто к кому сделает “первый шаг”: лига к клубу или клуб к лиге? <...> Обе стороны от этого только выиграли бы. А в особенности — лига. Ибо, в лице британцев она приобрела бы одну из лучших в Москве футбольных команд» (Там же). Заметка была подписана псевдонимом «Старый спортсмен». Об англичанах-спортсменах (в том числе футболистах) в Москве 1910-х годов см. в специальной главе «Missionaries of sport» замечательной книги мемуаров: *Lockhart R.B. Giants Cast Long Shadows. London, 1960.* За указание на этот источник от души благодарим мистера Джона Ральфа Боулса.

¹⁴ Гумилев Н. Шатер. Севастополь, 1921. С. 13.

¹⁵ Сатирикон. 1912. № 46. С. 11.

¹⁶ Определение из стихотворения Константина Большакова «Англии» 1915 года. См.: *Большаков К. Солнце на взлете. Вторая книга стихов. 1913–1916. М., 1916. С. 59.*

Хороший пример вписывания футбола в более широкую британскую перспективу представляет собой стихотворение Влад. Королева «Спорт», опубликованное в 1916 году:

Далекой Англии дитя,
Сын мореплавателей гордых,
Тебя лелеяли, шутя,
Туманы хмурые и норды.

И стяг воздвигнувший в годах,
На высоте Альпийской кручи,
Во скольких радостных сердцах,
Теперь ты властвуешь, могучий!

Копья отрывистый бросок,
Прыжки стремительного ветра
И промельк утомленных ног
На роковых последних метрах.

Мускулатура стройных тел,
Объяты медленные схватки,
Волнует зрителей предел
Борьбы, решающей и краткой.

Велосипеда легкий лет,
Стремленьем стиснутые нервы,
Сжимает гонщик руль и вот —
Пересекает финиш первый.

Веселый теннис на лугу,
Июльским полднем озаренный,
Товарищ нежному врагу —
Он ей — покорный и влюбленный.

Футбола загородный матч,
Костюмов пестрые движенья,
Свисток — безжалостный палач —
Игры фиксирует решенья.

И сонмы радостных когорт —
Спортсмены в хоре многоликом —
Тебя, владыку юных — Спорт,
Приветствуют созвучным кликом¹⁷.

¹⁷ Русский спорт. 1916. № 40. 2 октября. С. 2.

Соответственно, футбол иногда упоминался в русских стихотворных текстах начала столетия в паре с теннисом¹⁸, как это сделано в городской зарисовке Николая Агнивцева «Успокоение» 1913 года:

И вот, засунув ручки в брючки,
Благонадежен и душист,
Стал вылезать на свет, по штучке,
Академист! Академист!

Пришел он правой стороною,
Пришел, понюхал и — ушел:
Наука — нечто ведь иное,
Чем лаун-теннис и футбол!..¹⁹

Или в юмористическом стихотворении А. Радакова «Поиски» 1913 года:

В гамаке, качаясь, грезить,
По грибы ходить, купаться,
Тихим радостям крокета,
Лаун-тенниса, футбола
Благодушно предаваться...²⁰

Или в наброске к неоконченной поэме Александра Блока, в котором футбол, впрочем, лишь подразумевается (если речь, конечно, идет именно о футболе):

¹⁸ Ср. также сопряжение футбола и хоккея в репортажном стихотворении Старого спортсмена 1912 года (Русский спорт. 1912. № 4. С. 18): «Победили футболисты / Петербуржцев, а теперь / Едут в Питер хоккеисты, / Открывать к победе дверь. / И узнать должны мы вскоре, / Долетит до нас молва: / Победит в неравном споре / Петербург, или Москва!». Это стихотворение было напечатано в качестве финала следующей информационной заметки: «Московские хоккеисты едут “сражаться” с петербургскими. <...> Футболисты петербуржцев победили. Теперь очередь за хоккеистами. Будем надеяться, что и они лицом в грязь не ударят» (Там же).

¹⁹ Агнивцев Н. Студенческие песни: Сатира и юмор. 2-е изд. СПб., 1913. С. 9.

²⁰ Новый сатирик. 1913. № 6. С. 4.

Там — в парке, на лугу широком,
Захлопал мяч и lawn-tennis...²¹

Важно, однако, отметить, что авторы, писавшие о теннисе, зачастую преподносили читателю старый сюжет о любви-поединке, но в новой упаковке. В таких стихотворениях роли противоборствующих игроков, как правило, доставались юноше и девушке. Сравните в приведенном выше «Спорте» Королева, а также в следующих стихотворениях и фрагментах стихотворений 1913–1916 годов:

НА ТЕННИСЕ

Среди молчанья общего трещат мячи.
От маленькой Маники расходятся лучи.
(М. Каплан)²²

Вы увлекали — варкою варенья
И теннисом; — даря нам свой дебют...
(А. Микули)²³

ТЕННИС

Средь аляповатых дач,
Где шатается шарманка,
Сам собой летает мяч,
Как волшебная приманка.

Кто, смиривший грубый пыл,
Облеченный в снег альпийский,
С резвой девушкой вступил
В поединок олимпийский?

Слишком дряхлы струны лир:
Золотой ракеты струны
Укрепил и бросил в мир
Англичанин вечно-юный!

²¹ Из неоконченной поэмы «Bad Nauheim» (1904). См.: Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 312.

²² Каплан М. Ощущения. Первая книга стихов. Пг., 1916. С. 18.

²³ Микули А. Птица-Галка. М., 1916. С. 53.

Он творит игры обряд,
Так легко вооруженный,
Как аттический солдат,
В своего врага влюбленный.

Май. Грозовых туч клочки.
Неживая зелень чахнет.
Всё моторы и гудки, —
И сирень бензином пахнет.

Ключевую воду пьет
Из ковша спортсмэн веселый;
И опять война идет,
И мелькает локоть голый!
(О. Мандельштам)²⁴

и т.п.

В стихотворениях же о футболе любовная тема столь естественным образом, как в стихотворениях о теннисе, понятное дело, не возникала, тем более что футболисты, судя по всему, на российской социальной лестнице в это время занимали не слишком высокие ступени и завидными кавалерами у девушек не считались.

Можно быть плохим поэтом,
Проституткой, футболистом,
Готтентотом...

— в такой сомнительный синонимический ряд футболист угодил в шуточном стихотворении Николая Вержбицкого «Что хорошо и что плохо» 1912 года²⁵.

— Как пишется: «бал-ван» или «бол-ван»?
— Погоди, как это определить... Говорится: «фут-бол»...
Значит «бол-ван»...

— такую шутку в 1914 году напечатал петроградский юмористический журнал «Осколки»²⁶.

²⁴ Новый сатирикон. 1914. 17 июля. С. 7.

²⁵ Сатирикон. 1912. № 19. С. 4.

²⁶ Осколки. 1914. № 24. С. 4.

Только футболист остается не охваченным всеобщим любовным порывом в финале пошловатого стихотворения «Наступление ночи», напечатанного в тех же «Осколках» в том же 1912 году и подписанного «Певец Дианы»:

Из труб не виется дымок,
Идет на свидание кошка,
И девы капризная ножка
Танцует пред сном «кэк-уок»...
Ряды неотступных забот
Сменяются грезой сладкой,
А старая дева украдкой
Стишки из шкатулки берет.

Все это вступительный лист
Симфонии «Ночи» открытый;
И спит лишь да-а-а-вно, как убитый,
Не чувствуя ног футболист!²⁷

Не способствовала упрочению социальной репутации игроков в футбол и фонетическая близость самого слова «футболист» к скандально звучащему в 1913–1917 годах слову «футурист». Эта близость обыгрывалась, например, в юмористическом рассказе Алексея Свирского «Коммивояжирующие Заратустры (Злободневная легенда)» 1913 года:

Писатели опять переглянулись. Наступило тяжелое молчание.

— Скажите, пожалуйста, — вдруг обратился к комиссионеру Незеваевский, — футуристы были у вас?

— Кто такие? — переспросил комиссионер, и вытянул шею.

— Футуристы?

— Это фокусники, которые большим мячиком играют?

Писатели расхохотались.

— Нет же, то футболисты, а футуристы это — поэты. Они стихи пишут. Но стихи такие, каких еще никто не

²⁷ Осколки. 1912. № 31. С. 6.

слыхал. Понимаете, у них стихи состоят не из слов, а из звуков, и они не читают, а мяукают, каркают, лают.

— Ой, так это-таки интересно!²⁸

Такая же параллель проводится в газетной статье Д. Левина «Наброски» 1913 года:

Поэзия, переставшая быть поэзией, становится игрой, спортом, занимательным только для тех, кто заранее готов подчиниться правилам игры, всем ее условностям, кто понимает, любит и увлекается тем родом упражнений, который поддерживается данным спортом. Символисты, акмеисты, футуристы, футболисты, хоккеисты, шахматисты... в конце концов весь вопрос сводится только к победе над теми или иными трудностями...²⁹

и в графоманском цикле куплетов Сергея Сокольского «В защиту барышень», в котором, между прочим, возникает и английская тема. Здесь рассказывается о том, как некий русский кавалер пытается обольстить английскую барышню, бредящую «голом и футболом»³⁰, да только ему это не удается. В отместку футболист в куплетах Сокольского описывается как существо еще менее привлекательное, чем футурист (низшая степень падения по законам массовой поэзии того времени):

Будь ты глупым футуристом;
Будь ты даже футболистом;
Будешь ты ей Пушкина милей³¹.

Завершается стихотворение проклятьями Бетти и в ее лице — всей увлеченной спортом британской нации:

²⁸ Сатирикон. 1913. № 36. С. 6–7.

²⁹ Левин Д. Наброски // Речь. 1913. № 57. С. 2.

³⁰ Сокольский С. Стихотворения и песни. Т. 2. Пг., 1917. С. 73.

³¹ Там же. С. 72.

Так будет спорта! Какого черта
Я к англичанке, дурень, лез;
Как будто бабы в России слабы,
Хоть и не знают слова «jes».
Прощайте, Бетти! в своем куплете
Вам, спортивный бес,
На любовном поприще желаю
Чирей на нос! «O jes»!³²

С «гимназическими» «британские» мотивы скрещены в стихотворении «Футбол» юного поэта-дилетанта Виктора Константиновича Кальяна (или Кальян), помещенном в его книге 1914 года:

Одна игра английская
В Россию к нам пришла
И молодежь российская
Ее переняла.

«Футболом» называется
Игра та расчудесная
Мячом в ней все кидаются
В ворота очень тесные;

Форварды и хавбэки,
Участники игры,
Голькиперы и бэки
Их защищать должны.

Вот в этом заключается
Вся суть игры в футбол.
Причем всяк раздевается
Так, что чуть-чуть не гол.

Игра эта заморская
К нам быстро привилась
И молодежь заправская
Ей сильно увлеклась.

И к нам теперь в гимназию
Она уж заползла.

³² Там же. С. 76.

Так точно же, как в Азию
Заразная чума³³.

Британская тема возникает в этом и в некоторых других стихотворениях о футболе не только прямо («Одна игра *английская...*»), но и через смакование английских словечек — футбольных терминов («*Форварды и хавбэки / ... / Голькиперы и бэки*»). Сравните в стихотворении «Теннис» (1916) Владимира Палея:

«Play?» — «Ready!» — И летит чрез сетку быстрый мяч.
Люблю я handicap и очень строгий match...³⁴

Еще один ключевой для ранних русских стихотворений о футболе мотив, отчетливо звучащий в стихотворении Кальяна, — это мотив наготы спортсменов («Причем всяк раздевается / Так, что чуть-чуть не гол»). Этот мотив почти никогда не окрашивался у отечественных авторов игрово-эротически. Среди редких исключений — небольшой фрагмент жанровой сценки, помещенной в «Осколках» в 1915 году:

...<з>рители кричат:

— Гол! Гол!!!

Жена неизвестного в фуражке спрашивает у мужа:

— Это которого же они *голым*-то называют? Они все, кажется, полуголые!

— Не знаю! — недовольно отвечает муж. <...>

У одного из играющих белые трусики все в грязи на задней части, потому что во время игры он свалился и сел на грязное место.

Не замечая этого, какая-то барышня кричит ему, когда он пробегает мимо:

— Вася, Вася! Не ударьте лицом в грязь!

— Довольно того, что он задом в грязь ударился! — острит кто-то со стороны. — Зачем же еще и лицом!

³³ Стихотворения Виктора Константиновича Кальян. М., 1914. С. 14. Не совсем ясно, «Кальян» — это название книги или псевдоним автора.

³⁴ Палей В. Стихотворения. Пг., 1916. С. 67.

Барышня, увидев, что футболист, действительно, в грязи прижимает к своему лицу платок и приткнувшись лицом к себе в колени, покрасневши не может сдерживать хохота³⁵.

Упомянем также о стихотворном фельетоне С. Фруга «От маскила до футболиста», в котором дед-иудей с тоской взирает на «безрукавку и голые колени» отбившегося от рук внука-футболиста³⁶.

Гораздо чаще нагота и атлетическое сложение спортсменов³⁷ служили для авторов, писавших о футболе, поводом к сопоставлению современности с античностью.

Это могло быть сделано от противного, как в не слишком остроумном стихотворении сатириконеца Евгения Хохлова «Олимпийское». Гармонично сложенные эллинские спортсмены тут противопоставлены убогим современным «клеркам из Лондона» (еще одно преломление британской темы):

Где-то в Греции, и много лет назад,
Жили юноши прекрасные, как боги,
Жили девушки прекраснее наяд,
Жили весело, не ведая тревоги.
Разве нужно непременно знать,
Что читал когда-то в Иловайском,
Если вдруг захочется играть,
И предаться на лужайке пляскам?!
Быть могучим, ловким, точно тигр,

³⁵ Кик. На «футболе» (сценка) // Осколки. 1915. № 30. С. 7.

³⁶ Фруг С. От маскила до футболиста // Еврейская жизнь. 1915. № 21. С. 45.

³⁷ Тема атлетичности и неизбежного физического контакта спортсменов друг с другом тянула за собой тему футбольной грубости. Приведем здесь топорную эпиграмму на некоего неназванного игрока, напечатанную в «Осколках»: «Он не речист, / Но ярый футболист, / При мирозерцанье куцом / Подбить товарища способен буцом. / Хотя его и штрафовали / От драки же могут отучить едва ли» (Осколки. 1915. № 24. С. 7).

Обнажить и грудь, и торс, и руки.
Позабыться в хмеле буйных игр,
Натянуть струну в упругом луке?!
Вдруг захочется какой-то красоты,
Красоты в своем убогом теле?!

Это все прекрасные мечты,
Это то, чего бы мы хотели.
Клерк из Лондона теперь футбольный бог,
Снимет где-нибудь в уборной брюки,
И обуется в смешной большой сапог,
И какие-то нацепит штуки.
Прозвучит серебряный свисток,
Клерк натянет (отвернитесь, боги!)
Трикотажный фиговый листок
На свои мозолистые ноги.
И запрыгает футбольный Аполлон,
(Как уйти от этой старой мерки?),
А за ним такие же, как он,
Кривоногие и жилистые клерки.
Я не знаю, что такое красота,
Но люблю упругость в гибком теле...
Это все прекрасная мечта,
Это то, чего бы мы хотели³⁸.

Процитируем также отрывок из иронической миниатюры, напечатанной в «Осколках» в 1915 году:

³⁸ Сатирик. 1912. № 27. С. 3. Через двадцать лет, в советской России, противопоставление античности и современности в произведениях о футболе если и будет делаться, то всегда в пользу современности. Процитируем небольшой фрагмент из повести Льва Кассиля «Вратарь республики» (1937): «Зрители сидели на разбегающихся вверх полукружиях. Они сидели в классических позах зрителей амфитеатра. “Так сидели, должно быть, в театре Аристофана и на скамьях Колизея”, — заносил в свой неизменный блокнот Карасик. <...> — Нет, — говорил он в микрофон, оглядывая с радушным любопытством зрителей, — нет, это не разнузданная чернь римских цирков и не экзальтированные ротозеи рыцарских турниров. Это не жадные афисинсаданос боя быков...». Здесь и далее в работе мы цитируем это произведение по первому книжному изданию: *Кассиль Л. Вратарь республики*. М., 1939. С. 174.

С наступлением весны, вместе с мухами, ожили и наши футболисты.

У футболистов почему-то есть пристрастие к громким названиям. Есть футбольный кружок «Триумф», есть «Гладиатор», есть «Победа». Говорят, что нарождаются еще кружки «Гром и молния» и «Фурор».

Однако среди *гладиаторов* есть такие гладиаторы, у которых рост не больше полтора аршина, а ножки тоненькие, как макаронны.

Впрочем, и то сказать, какие же гладиаторы могут народиться в холодном климате северной столицы?

«Триумф» также напоминает древний Рим, где победители въезжали на триумфальной колеснице, под триумфальные ворота, увенчанные лавровыми венками.

Но ни у одного триумфатора из «Триумфа» мы не видели на голове лаврового венка. Может быть потому, что лавровый лист продается в лавках уже высушенный, вместе с перцем?³⁹

Однако современность могла уподобляться античности и вполне всерьез, как это было сделано в восторженных стихотворениях о футболе двух одесситов — А.М. Барановского и А. Кранцфельда, датированных одним и тем же, 1913-м, годом.

У Барановского ярко проявилась еще одна особенность, присущая многим футбольным стихотворениям, — репортажность, привязанность к определенному матчу между двумя конкретными клубами. Точная датировка, совсем по-журналистски выставленная под «поэтическим репортажем» Барановского (12 октября <19>13 г.), дает нам возможность установить, что в стихотворении рассказывается о той же игре, отчет о которой был помещен в номере «Одесских новостей» от 13 октября 1913 года.

Вот полный текст этого короткого отчета:

Третьего дня состоялся футбольный матч между одесск<ой> кр<аевой> футб<ольной командой> «Стел-

³⁹ *Спортолюб.* Наши футболисты // Осколки. 1915. № 23. С. 7.

ла» и гимназической командой Аккермана «Террор». Матч привлек много публики. Результат матча 6 : 0 в пользу одесск<ой> футб<ольной> ком<анды> «Стелла». Заметно хорошая была игра из одесск<их> футболистов и форвардов: С. Койфмана, К. Бланкмана и А. Слепого. Из хавбеков выделялся В. Гнатовский. Красиво играли беки: Д. Коган и Г. Шекер. Со стороны аккерманцев выделялся игрой — голкипер Маньковский. Реферировал матч — Кауфман⁴⁰.

А вот утешительный для гимназистов из Аккермана «репортаж» А. Барановского, завершающийся возвышенным античным уподоблением:

Футбол, футбол!
Вот первый гол
Взлетает ввысь.
Гордись, гордись
Чьей силы дар
Ноги удар
Опасность отвратил,
Когда от сил
Отстав, он мяч
Опередил и вскачь
По мятой зелени
Его к тени
Противника пустил!
Рукоплесканья.
Похвальные желанья
Первым быть
Их молодая прыть
Высказывает прямо,
И отроки упрямо
Оспаривают шар,
Пока вечерний пар
Их крепких ног
Не скрыл. Итог
Судьей оглашен;
Финала звон...

⁴⁰ *Неизвестный автор.* Футбол // Одесские известия. 1913. № 9151. 13 (26) октября. С. 6.

Так отроки милы,
Когда в пыли
Под зноем
Несутся роем
И мчит, как конь,
Их молодой огонь!
Забыв и «Ять»
«Колы» и «Пять»,
Восторженно они сияют,
Пред зрителем мелькают
То сине-белым,
То ярко-красным
Одежды цветом...
Тогда приветом
Дальним Рима
Их бега кажется картина...⁴¹

Элементы репортажности содержит и стихотворение «Футбол» Александра Кранцфельда: в нем названы имена двух известнейших одесских игроков, Джекобса⁴² и Дыхно, как раз в 1913 году приведших сборную Одессы к первому месту в чемпионате России⁴³. В третьей строфе стихотворения Кранцфельда современные футболисты, как и у Барановского, преобразуются в античных спортсменов, только не в римлян, а в эллинов:

ФУТБОЛ

Р. М.

Тела упруги, движенья быстры,
В порывах мощных поет весна.

⁴¹ Барановский А. Брызги: Очерки, стихотворения. Одесса, 1913. С. 40–41.

⁴² Ср. его портрет в мемуарах одессита Сергея Бондарина: «...румяный англичанин во фланелевом костюме мистер Джекобс из команды одесского Британского атлетического клуба» (Бондарин С. На берегах и в море. Повести. Рассказы. Записки. М., 1981. С. 529).

⁴³ Именно этим временем, вероятно, датируется известная одесская шутка-объявление: «Аптека закрыта на футбол».

И каждый возглас, как будто выстрел.
Толпа трепещет, толпа пьяна.

Под ярким небом крик одобренья,
Крик порицанья слились в одно.
Здесь все в экстазе, здесь все в гореньи:
«Поддай-ка Джекобс! Урра, Дыхно!..»

Вся в бирюзовой оправе зелень.
В прозрачный купол уходит мяч.
Над мягким полем, где ожил эллин,
К мячу так близко летает грач.

Толпа рокочет, залита солнцем,
Звенят удары могучих тел.
Улыбки женщин горят червонцем
Тому, кто молод, красив и смел...⁴⁴

Как видим, и в стихотворениях 1910-х годов футболисты порою изображались любимцами женщин.

Существенная разница между стихотворениями Барановского и Кранцфельда, на которой мы бы теперь хотели сделать акцент, состоит в том, что в первом случае внимание автора было сосредоточено прежде всего на игроках; во втором — почти в равной степени и на игроках, и на зрителях.

Выбирать между динамичными портретами отдельных игроков, групповым портретом футбольной команды и/или зарисовками собравшейся на стадионе публики будут впоследствии почти все поэты XX века, взявшиеся за «репортажи» о футболе (серьезные коррективы в эту альтернативу внесут трансляции по радио, а затем — показ матчей по телевизору).

Кроме того, в фокусе внимания авторов стихотворений о футболе часто будет оказываться судья со свистком (сравните в стихотворениях В. Королева, Е. Хохлова и А. Барановского, полностью приведенных нами выше). Омонимическое соответствие — футбольный

⁴⁴ Бобович Б., Кранцфельд А. Неискренние стихи. Одесса, 1916. С. 24.

судья и судья, выносящий юридические приговоры, — тоже сохранит свою актуальность. Сравните с обыгрыванием этой ассоциации в юмористической сценке «На «футболе»» 1915 года:

Простая женщина говорит своему мужу в рыночной фуражке:

— А чего же этот свистун со свистком только бегает и ни разу мячика не ударил?..

— Это у них мировой судья...

— На случай драки?

— Понятное дело... В азарте того и гляди один другому по морде смажет! Сейчас он их в будку судить поведет...

— А свистит-то он чего же? Подбадривает?

— Просто предостережения делает: заметит, что кто-нибудь кулаком замахнулся — сейчас и свистнет сам, чтобы тот по физиономии другому не свистнул! Видишь, в наказание и игра снова начинается...

— Ничего подобного, — важно возражает неизвестному маленький гимназист, — «рефери» дает свисток, когда «аут» бывает, или «офсайд», или «пендель»...⁴⁵

Однако еще большее внимание в русских стихотворениях XX века о футболе будет доставаться игроку с ампула, в поэтических текстах 1910-х годов особенно не выделяемому, — голкиперу.

Абсолютно не задействованным в стихотворениях 1910-х годов остался и потенциал, содержащийся в сравнении *футбольная борьба — политическая борьба*, который в советской поэзии, разумеется, заработает с полной отдачей.

Впрочем, примеры подобных аналогий можно отыскать в сатирической публицистике второй половины 1910-х годов, в частности, в миниатюре Ефима Зозули «Дети» 1917 года:

В саду играют дети. В футбол. Большой коричневый мяч, обтрепанный, покорный, пыльный, похожий на лысый

⁴⁵ Кик. На «футболе» (сценка) // Осколки. 1915. № 30. С. 7.

череп уличного индусского мудреца, устало катится по песку и взлетает от бешеных толчков.

Играющих шесть-восемь.

Я сижу на скамье с газетой в руках. Читать не могу, — тяжело и тошно. Остается — смотреть на детей. Смотрю.

В центре играющих смешной полный мальчишка, лет девяти, в морской фуражке с позолоченной надписью: «Геркулес». Его игра невольно вызывает улыбку. Он стоит все время, широко расставив ноги, и важно ждет приближения мяча. Но когда мяч стремительно летит прямо на него, — он пугается, нагибается, беспомощно топчется на месте и, в конце концов, мяч достается другим. Когда же ему удастся словить мяч, он совершенно спокойно берет его и с видом собственника уходит в сторону.

— Да скорее, ты! Чего заснул!

Но он не торопится. Крепко держит мяч. Наконец, под влиянием окриков, бросает его, конечно, криво и нелепо, и мяч летит в кусты.

Газетные слова и понятия прочно засели во мне, и я смутно думаю, что этот мальчик — кадет. Ведь кадетизм, как и большевизм, как и другие политические течения — сидит в глубине человеческой души, сидит с самого рождения. Я думаю, это бесспорно. И почему-то начинаю чувствовать ненависть к этому толстому мальчишке с самодовольной физиономией и осторожной игрой. В его движениях, — я вижу кадетскую тактику, в его возгласах, — слышу кадетские речи, и это смешит меня.

Конечно, среди играющих есть и «большевик». Вот он: худой, крепкий, длинноногий, с поясом в руках, с фуражкой на затылке и расстегнутым воротом курточки. Мяч летит в пяти саженях от него и высоко летит, но «большевик» прыгает, как воробей, прыгает, тянется к нему руками и ни минуты не отдыхает. И, — смотрите! — как он горит, когда мяч на минуту попадает к нему в руки. Он размахивается, так, точно собирается полететь вместе с ним, затем толкает мяч одновременно и ногой и рукой, и еще бежит за ним, и дико кричит и, наконец, теряет равновесие от пылких движений.

Я вижу, — совершенно отчетливо вижу, — этого мальчика выросшим. Вот он в цирке «Модерн»

произносит большевистскую речь. Те же движения, что и тут, то же искаженное от страсти лицо...

В конце концов, это занятие меня увлекает, и я начинаю отыскивать среди детей не только партии, но и отдельных деятелей.

Вот, например, этот маленький мальчик в тяжелых длинных брюках с выпученными испуганными глазами, который стоит в стороне и наблюдает, — это Бурцев. Прирожденный Бурцев. Не сомневаюсь, что если подойти к нему и спросить, он сразу укажет, кто здесь среди играющих с мячом, — провокатор. Но к счастью, никто этим не интересуется, и маленький Бурцев пока не у дел.

А интересно, где же Керенский? Ведь Керенский должен быть! Он и есть. Вот он!

Этот миленький худой мальчик в белых штанишках, с тонкой шеей, с благородным худым личиком, — это Керенский. Он весь в порыве, весь в горении. Он в центре, он впереди всех, он доброжелателен ко всем, он выше всех, и «кадет» и «большевиков», ему важно, чтобы летел правильно мяч, чтобы высоко летел...

И он бежит по всем направлениям, вырывает у всех мяч почти из-под носа, бросает и опять бежит его ловить...

Слюнявый мальчик на кривых ногах, почему-то с ключом в руке, стоит и ухмыляется. Его все радует: и беснующийся «большевик», и самодовольный, упрямый и никчемный «кадет», и «Керенский», и все остальные. Чему он ухмыляется, — неизвестно. Он не играет, но, когда около него падает мяч, он быстро ударяет его ключом, толкает ногой и убегает... Странная партия. Я очень затрудняюсь назвать ее, но знаю, что такая, безусловно, есть...

Вдруг происходит заминка, появляется откуда-то сторож и гонит детей.

— Уходите отсюда! Довольно! Нечего тут мячом! Публика жалуется. Чуть младенца, вон в той коляске, не задавили... Как сумасшедшие все одно, — разыгрались!

Все стоят с раскрытыми ртами сразу в увядших позах. «Кадет» оказывается за спиной у всех, и оттуда доносится его резкий голос:

— Вы не имеете права.

— Ну, забирайте мяч, живо! — говорит сторож, — тут не место для игры!

«Большевик» хмуро, исподлобья смотрит на сторожа и вдруг кричит:

— Мальчики! Да что его слушать! Давайте играть!

И, по случаю «происшествия», бросает мяч не только при помощи рук, ног, всего туловища, но даже головы, так, просто, бросает мяч и отталкивает его лбом.

Остальные дети окружили сторожа и галдят.

«Керенский» хлопочет, убеждает, грозитя...

У «Бурцева» еще более выпучились глаза. Он внимателен до дрожи. Он знает, в чем тут дело. Но его никто не спрашивает, и он пока молчит. Но это не важно. Он потом, когда вырастет, напечатает всю историю.

А тот, кривоногий, пользуясь суматохой, добрался до мяча и бьет его для чего-то изо всех сил ключом... И шпыняет ногами... Зачем?..

Милые дети! Я никогда раньше вам не завидовал, но теперь, не скрою, завидую! Какое счастье, какое великое счастье ждет вас, если бы вы знали!

Когда вы вырастете, — Россия, надо надеяться, будет в таком положении, когда не нужны будут ни кадеты, ни всякие партии. Будут просто свободные граждане. И если б вы знали, какое это счастье, что в вас не проявится то, что в вас заложено!

Ведь теперь так темно и скверно отчасти потому, что в каждом из нас все это проявляется... Не может не проявиться!

Я вам очень завидую, дети!⁴⁶

⁴⁶ Новый сатирик. 1917. № 33. С. 14–15. Ср. также более раннюю «Записку футболиста» 1915 года: «Вот тоже удивительно, почему не играют в футбол члены государственной думы в перерывы между заседаниями. А у них важные бы “матчи” выходили. И партии готовы: левая и правая. У правых голкипером был бы Пуришкевич, а у левых — Чхеидзе. А кадеты с октябристами бы сражались. Два поля и готово для футбола. И это в особенности удобно, что в нынешней думе, говорят, нет центра, а то центру не с кем было бы сражаться. Чего проще и удобнее заменять всю эту ихнюю баллотировку — футболом. Теперь сколько они тратят времени на то, чтобы говорить речи. А тогда было бы просто. Поставили известный вопрос. Одни против вопроса, а другие — за вопрос. И вместо баллотировки шарами, выкатывали бы в сад мяч и — жарь. Кто кому забил “гол” — в пользу по-

Тропы (сравнения, метафоры и гиперболы), преобразившие мяч (тот предмет, на который во время матча обращают самое пристальное внимание игроки, судья и зрители), использовались в русских стихотворениях о футболе 1910-х годов на удивление скупо и редко. Но ведь именно подобные метафоры и сравнения меняли статус футбольных стихотворений, привлекали к ним внимание всех читателей, а не только любителей мало-популярного тогда экзотического спорта.

Это хорошо понимали три стихотворца-модерниста, разговор о которых мы приберегли под конец главы: Константин Липскеров, Валерий Брюсов и Осип Мандельштам.

Константин Липскеров в стихотворении 1915 года заложил традицию уподобления футбольного мяча планете (и планеты — футбольному мячу). С некоторыми другими процитированными нами ранее футбольными стихотворениями его текст роднит античный колорит, введенный через мотив наготы (в двух финальных строках)⁴⁷:

Может быть, это только злые дети,
Злые дети злого бога
Присели поиграть на минутку.
Они построили землю и небесную дорогу,
А мы живем на свете
И думаем, что это не в шутку.

бедителей и решается вопрос. Просто, хорошо, и, главное, приятно. Если при этом и вспотеют, так зато на чистом воздухе. Куртки и трусики тоже специальных цветов: у левых — красные, у правых — черные, у кадет — розовые, а у октябристов — голубые. И как это не догадаются» (Осколки. 1913. № 26. С. 6).

⁴⁷ Ср. с подписью к карикатуре «Русская Афина» на обложке «Нового сатирикона» (1913. № 12):

«— А нет ли у вас мундирчика побольше?
— Афина. — А ты похудей! Займись спортом, что ли. Забыл ты, что в здоровом теле — здоровый дух. Лучше уметь футбольный шар ногами подбрасывать, чем шар земной зря топтать, по товарищам и сходкам зря бегать».

Может быть, когда мы любим и нам больно, —
Это только господние дочери
Вонзают в нас по очереди
Полушутя, полуневольно
Длинные иглы, которыми
Они расшивают полуночи звездоузорами.

Почему же и нам горем и радостью не поиграть немного?
Ведь кому-то смешон наш стон и плач.
Поглядите на луну.
Разве это не футбольный мяч
Голоногого бога?⁴⁸

В специально посвященном футболу стихотворении «У круглого камня» (1913), автором которого был Валерий Брюсов, вменивший себе в обязанность первым или, во всяком случае, одним из первых осваивать новые для русской поэзии темы, роль мяча отводится огромному финскому валуну:

Белея, ночь приникла к яхте,
Легла на сосны пеленой...
Отава, Пейва, Укко, Ахти,
Не ваши ль тени предо мной?

Есть след ноги на камне старом,
Что рядом спит над гладью вод.
Туони! ты лихим ударом
Его отбросил от ворот!

Бывало, в грозные хавтаймы,
Неся гранитные шары,
Сюда, на тихий берег Саймы,
Вы все сходились для игры.

Где ныне косо частоколом
Вдали обведены поля,
Под вашим божеским футболом
Дрожала древняя земля.

И где теперь суровый скипер
Фарватер ищет между скал,

⁴⁸ Антология русской лирики первой четверти XX века. М., 1991. С. 225.

Когда-то Юмала-голкипер
Лицо от пота омывал.

Былые матчи позабыты,
И вы — лишь тени в белой мгле, —
Но тяжкие мячи — граниты
Лежат в воде и на земле.

Вуоксенниска, 29 мая 1913⁴⁹

Брюсов, конечно же, не упустил возможности обогатить свой поэтический словарь новыми, почерпнутыми из тогдашнего спортивного лексикона существительными: «хавтаймы», «голкипер», «матчи», да и само слово «футбол». Три из них («хавтаймы», «футболом» и «голкипер») он еще и зарифмовал — впервые в истории русской поэзии — и наверняка тоже поставил себе это в заслугу. Неброско противопоставляя свой текст еще только складывавшейся, но уже влиятельной традиции, Брюсов отказался от британского антуража. А классической (древнегреческой или римской) античности он предпочел декорации из «Калевалы», то есть, если так будет уместно выразиться, — из *античности* финской. Совместить картину игры *футбол* с эллинскими мотивами Брюсов позволит себе гораздо позднее, в одной из строф послания «Максимилиану Волошину» (1924):

В расщепы гор вложил ты халцедон,
И аметист, и сердолик, — но ими,
Твоей волшбой, гремит лишь Посейдон,
Играя в мяч со скалами нагими⁵⁰.

Но ведь и футбольная тема к этому времени утратит значительную долю своей новизны.

Возвращаясь к перечислению сравнений, метафор и гипербол мяча в русской поэзии начала XX века,

⁴⁹ Брюсов В. Семь цветов радуги. М., 1916. С. 41–42.

⁵⁰ Красная газета. 1926. 9 октября.

напомним, что в одном из двух опубликованных в 1913 году футбольных стихотворений Осипа Мандельштама мячу была уподоблена отсеченная человеческая голова.

Два мандельштамовских «Футбола» должны быть поставлены в связь с теми его стихотворениями 1913 года, в которых интенсивно осваивалась злоба тогдашнего дня. В этих стихотворениях упоминались или подразумевались гибель «Титаника», небоскребы, кинематограф, теннис, бокс, поло, крокет, американский бар...

С одной стороны, в мандельштамовском увлечении современностью можно было бы усмотреть следование принципам акмеизма, провозгласившим приоритет посястороннего и сиюминутного над мистическим и вечным.

С другой стороны, должно быть учтено то обстоятельство, что большинство стихотворений о злободневности Мандельштам не включил в свою итоговую акмеистическую книгу «Камень» (1915). Следовательно, в этих стихотворениях будет правомерно увидеть попытку реализации иной, не акмеистической программы. Осторожно нащупывая сразу несколько путей своего возможного поэтического развития, Мандельштам, по-видимому, учитывал опыт Петра Потемкина, в чьих стихотворениях виртуозное владение модернистской техникой было поставлено на службу ходовым темам русских юмористических и массовых журналов.

Не случайно один из вариантов своего «Футбола» наш поэт опубликовал в неприязнительном журнале «Златоцвет», а второй — и вовсе в «Новом сатириконе», так что на оба его стихотворения легла густая тень от тех фельетонов о футболе, которые обильно цитировались нами выше.

Вот вариант «Златоцвета»:

Рассеен утренник тяжелый,
На босу ногу день пришел;
А на дворе военной школы
Играют мальчишки в футбол.

Чуть-чуть неловки, мешковаты —
Как подобает в их лета, —
Кто мяч толкает угловатый,
Кто охраняет ворота...

Любовь, охотничьи попойки —
Все в будущем, а ныне — скорбь
И вскакивать на жесткой койке,
Чуть свет, под барабанов дробь!

Увы: ни музыки, ни славы!
Так, от зари и до зари,
В силках науки и забавы
Томятся дети-дикари.

Осенней путаницы сито.
Деревья мокрые в золе.
Мундир обрызган. Грудь открыта.
Околыш красный на земле⁵¹.

А вот версия, напечатанная в «Новом сатириконе»:

Телохранитель был отравлен.
В неравной битве изнемог,
Обезображен, обесславлен
Футбола толстокожий бог.

И с легкостью тяжеловеса
Удары отбивал боксер:
О, беззащитная завеса,
Неохраняемый шатер!

Должно быть, так толпа сгрудилась,
Когда, мучительно-жива,
Не допив кубка, покатилась
К ногам тупая голова.

Неизъяснимо лицемерно
Не так ли кончиком ноги

⁵¹ Златоцвет. 1914. № 4. С. 6.

Над теплым трупом Олоферна
Юдифь глумилась...⁵²

Предшествовал же обоим «Футболам» вариант, оставшийся в черновике:

Рассеен утренник тяжелый,
На босу ногу день пришел;
А на дворе военной школы
Играют мальчики в футбол.

Чуть-чуть неловки, мешковаты —
Как подобает в их лета;
Кто мяч толкает угловатый,
Кто охраняет ворота.

[Потерян пояс, шапка сбита.
Околыш на сырой земле.
А дядьки вечером сердито
Мундир утюжат на столе.]

Мундир обрызган. Шапка сбита.
Околыш красный на земле.
А в парке путаницы сито,
Деревья мокрые в золе.

Глухая битва закипает:
На месте топчутся и вот
Один мячом завладевает
И как герой в толпе живет.

⁵² Новый сатирикон. 1914. № 30. С. 3. Об этих двух стихотворениях Мандельштама см. также: *Benčíč Ž.* Сложение метафор у Мандельштама // *Russian Literature*. 1988. Vol. XXIV. No. 2. P. 137–138; *Гутрина Л.* «Футбол» и «Второй футбол» — первая «двойчатка» Осипа Мандельштама // *Миры Осипа Мандельштама: IV Мандельштамовские чтения: Пермь, 2009.* С. 203–206, 208–209; *Кобринский А.* О Хармсе и не только: статьи о русской литературе XX века. СПб., 2007. С. 119–123; *Faivre-Dupaigre A.* *Gene'se d'un poe`te: Ossip Mandelstam au seuil du XXe siècle.* Valenciennes, 1995. P. 127; *Шиндин С.* Акмеистический фрагмент художественного мира Мандельштама: метатекстуальный аспект // *Russian Literature*. 1997. Vol. XLII. No. 2. P. 219–222, 227–228, 230, 243–247, 250.

С улыбкой тонко-лицемерной
Не так ли кончиком ноги
Над головою Олоферна
Юдифь глумилась [и враги]⁵³.

Так же как Брюсов, Мандельштам во всех трех вариантах своего стихотворения отказался от самого легкого, напрашивавшегося пути — тема Англии не возникает у него ни разу⁵⁴. Это было сознательное, продуманное решение, на что указывает, например, сопоставление стихотворений Мандельштама 1913 года с фрагментом о футболе из позднейшей мандельштамовской прозы «Шум времени» (1923):

На Загородном, во дворе огромного доходного дома, с глухой стеной, издали видной боком, и шустовской вывеской, десятка три мальчиков в коротких штанишках, шерстяных чулках и английских рубашечках со страшным криком играли в футбол. У всех был такой вид, будто их возили в Англию или Швейцарию и там приодели, совсем не по-русски, не по гимназически, а на какой-то кембриджский лад⁵⁵.

Поскольку футбол в Советской России прижился хорошо, о его английских корнях в советской поэзии и прозе начала 1920-х годов было если не совсем, то почти совсем забыто. Соответственно, и Мандельштам мог спокойно позволить себе вспомнить об «английских рубашечках» и «кембриджском ладе» мальчиков из Тенишевского училища.

Возможно, впрочем, и другое объяснение почти полного отсутствия специфически английских мотивов в двух мандельштамовских «Футболах»: эти мотивы уже были отыграны в его «Теннисе» и еще в одном

⁵³ Мандельштам О. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1993. С. 243.

⁵⁴ Если не считать упоминания подряд о футболе и боксе в одном из вариантов.

⁵⁵ Мандельштам О. Шум времени // Мандельштам О. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 366.

стихотворении 1913 года, впоследствии напечатанном в «Новом сатириконе»:

СПОРТ

Румяный скипер бросил мяч тяжелый,
И черни он понравился вполне.
Потомки толстокожего футбола —
Крокет на льду и поло на коне.

Средь юношей теперь — по старине
Цветет прыжок и выпад дискобола,
Когда сойдутся в легком полотне
Оксфорд и Кембридж — две приречных школы.

Но только тот действительно спортсмен —
Кто разорвал печальной жизни плен:
Он знает мир, где дышит радость, пенясь...

И детского крокета молотки,
И северные наши городки,
И дар богов — великолепный теннис!⁵⁶

Мандельштам почти никогда не стремился избежать банальности любой ценой. Вот и в своих стихотворениях о футболе он не убоился воспроизвести картинку, уже не раз и не два к тому времени описываемую в русских текстах об этом виде спорта: мальчишки играют в футбол, позабыв об утомительной учебе. Другое дело, что у автора «Камня» речь идет о мальчишках из *военной* школы, то есть изящно и естественно соединяются друг с другом две темы, до этого развивавшиеся в футбольных текстах параллельно: школьного, гимназического детства и войны. А уже за военные образы второго варианта стихотворения и черновика к стихотворению цепляются ассоциации из иудейской *античности*: иудейка Юдифь после ночи любви отрезает голову ассирийскому полководцу Олоферну (см.: Иудифь 8: 7).

⁵⁶ Новый сатирикон. 1914. № 28/29. С. 7.

I. «Одна игра английская в Россию к нам пришла...»

Уже из следующей главы этой книги читатель узнает, что список предметов, которыми можно играть в футбол, — от самых маленьких до огромных — в стихотворениях XX столетия будет вскоре и значительно расширен.

II. «Лицом к футбольному мячу»: 1920-е годы

В одном из номеров московских «Известий спорта» за 1924 год была напечатана следующая заметка:

<С>ельсовет с. Михайловки отпустил комсомольской ячейке 25 пудов пшеницы; часть денег, вырученных за пшеницу, была истрачена на покупку литературы и футбольного мяча. Организовали команду и начали тренироваться. Молодежь валом повалила на лужайку — всякому хочется играть. Заворчали старики, но ребята мало обращают внимание на «старое поколение» и продолжают заниматься футбольной игрой¹.

Эта вполне проходная публикация тем не менее содержит два ключевых для футбольных стихотворений 1920-х годов мотива. Во-первых, мяч, купленный по решению комсомольской ячейки вместе с политической «литературой», свидетельствует о том, что футболу начинают придавать идеологическое значение. Во-вторых, футбол предстает здесь игрой «молодых», позволяющей провести четкую демаркационную линию между поколениями: пусть старики сколько угодно ворчат, юные комсомольцы все равно будут выходить на поле и отдавать силы борьбе за мяч.

Поэтическая параллель к заметке безвестного ставропольского корреспондента легко отыскивается во второй главе поэмы «Комсомолия» (1924) одного из самых популярных авторов той эпохи — москвича Александра Безыменского. Там среди главных задач,

¹ *Неизвестный автор*. Ставрополь. Тяга крестьянского молодняка к физкультуре // Известия спорта. 1924. № 13–14. С. 24.

стоящих перед юным поколением в советской деревне, наряду с организацией библиотек и борьбой с представителями враждебных отживших классов, возникает и мотив футбола:

Клуб надо, сцены и школы,
пару десятков кружков,
библиотеки... футболы...
Выборы — гнать кулаков...²

Процитированные строки весьма характерны для интересующего нас сейчас десятилетия. Прочитав насквозь советские стихотворения о спорте 1920-х годов, мы легко убедимся в том, что футбол в них неотделим от магистрального сюжета эпохи: борьба между *старым* и *новым* за ценности *нового* мира. Не случайно главный советский пересмешник Александр Архангельский в пародии на стихотворение все того же Безыменского «О шапке» зарифмовал название молодой игры с названием организации, объединившей юное поколение в борьбе за новые идеологические ценности:

И когда катаюсь на лыжах,
И когда играю в футбол,
Мне всего согласованней, ближе
Этот самый
Мой
Комсомол³.

А вот как сюжет о битве старого и нового, борьбе за «молодость мира» излагается в повести Юрия Олеши «Зависть» (1927) (о развернутом футбольном эпизоде которой речь у нас еще впереди):

О, как прекрасен поднимающийся мир! О, как разблестается праздник, куда нас не пустят! Все идет от нее, от новой эпохи, все стягивается к ней, лучшие дары и восторги получит она. Я люблю его, этот мир, надвигающийся на

² Безыменский А. Собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1926. С. 311.

³ Архангельский А. Пародии. М., 1929. С. 11.

меня, больше жизни, поклоняюсь ему и всеми силами ненавижу его! Я захлебываюсь, слезы катятся из моих глаз градом, но я хочу запустить пальцы в его одежду, разодрать. Не затирай! Не забирай того, что может принадлежать мне...⁴

Соответственно, тема юношеской удали игроков⁵, прямо или косвенно противопоставленной старческой немощи тех, кто был вытеснен ими за пределы поля, выдвигается на первый план в очень многих футбольных стихотворениях. Но этого мало: именно метафора юности связывает самые разные, порой весьма далекие друг от друга мотивы футбольной поэзии 1920-х годов: юные футболисты, захваченные юной игрой, которая выражает дух нового, юного мира и устремлена в будущее, — таков этот общий знаменатель.

1

Восприятию футбола в 1920-е годы свойственно прежде всего восхищение или возмущение его новизной — это молодой вид спорта. Характерны, например, как заголовок одной из сатирических заметок в газете «Красный спорт» (1924) — «Новая болезнь», так и ее содержание:

Из многих городов сообщают, что появилась новая странная болезнь. Заболевают главным образом мальчишки и юноши. Заболевший не может спокойно видеть лежащий на земле круглый предмет или коробку из-под папирос, спичек и т.п., сейчас же начинает ударами ноги «вести» ее перед собой на протяжении многих кварталов, ничего не видя и не слыша кругом. Были уже случаи попадания под автомобиль, трамвай и т.п.

⁴ Олеша Ю. Зависть. М.; Л., 1928. С. 96–97.

⁵ Используя словечко из южно-русского диалекта, «ражим» (то есть сверхэнергичным) назвал футбол в одном из своих стихотворений этого времени («Цветок») Владимир Нарбут (*Нарбут В. Стихотворения*. М., 1990. С. 238).

Врачи очень обеспокоены, так как болезнь, по-видимому, заразная и развивается с поражающей быстротой⁶.

Важно, что даже в этом не слишком остроумном фельетоне отчетливо обозначаются два смежных мотива эпохи: за первым мотивом — молодости и новизны («появилась новая странная болезнь», «заболевают главным образом мальчики и юноши», «развивается с поражающей быстротой») закономерно следует второй — необходимости учета и контроля, присмотра за молодой стихией (шутливо-тревожное «из многих городов сообщают...» и «врачи очень обеспокоены...»).

Метафора «футбол — болезнь» здесь совсем не случайна — в 1920-е годы это своего рода клише: в газетах все чаще диагностируют «футболоманию»⁷ и сообщают о заболевших «эпидемической болезнью — футболом»⁸, Владимир Маяковский выстраивает одно из двух своих стихотворений, посвященных Спартакиаде, на метафоре «повальной болезни», а в стихотворении «Азбука физкультуры», подписанном псевдонимом «Старт», Москва названа «очагом “физкультболезней”»⁹. Но, разворачивая эту метафору, газетные поэты и фельетонисты вовсе не призывают лечить «новую болезнь» или тем более искоренять ее; футбол понимается как «болезнь роста», эксцесс становящейся юной силы, которую надо должным образом организовать и направить в нужное русло.

«Болезнь роста» не обходится без разнообразных комических нелепостей — первые шаги всегда вызывают смех. Неудивительно поэтому, что в начале 1920-х годов на непривычное увлечение молодежи

⁶ Красный спорт. 1924. 17 августа.

⁷ *Неизвестный автор*. О методах борьбы с футболом // Красный спорт. 1926. 6 июня.

⁸ *Геркан А.* В стране футболистов // Красный спорт. 1925. 26 апреля

⁹ Красный спорт. 1924. 21 сентября.

весьма охотно откликались низовые жанры¹⁰. Вот, например, грубо поддельвающаяся под деревенский тон частушка, озорной эффект которой возникает из столкновения просторечного «теперь» с варваризмом «кикать», да еще с почти скатологическим каламбуром:

Сотни лет варили пиво,
Драки было вволю,
А теперь рядом с нивой
«Кикаем» на поле¹¹.

Однако чаще всего объектом насмешек частушечников становились не футбольные термины, а непривычно вольный внешний вид спортсменов. «Крестьяне того или иного села могут еще относиться отрицательно к обычным для города физкультурным костюмам... так как они еще недостаточно распропагандированы», — наставлял физкультурников-активистов корреспондент столичного спортивного журнала А. Губарев¹². Результат такого «отрицательного отношения» — неумело пародические «Физкульт-частушки» (1925), которые потешались над абракадаброй спорта в деревне:

А мой милый всем на смех
Все сымает догола,
Чуть заткнет тряпичкой «грех»,
Ходит «мать в чем родила».

Что уж нонеча за бабы!
С той недели, с пятницы,
Бродят в трусиках каких-то.
— Экие проказницы!..¹³

¹⁰ См. в главе I об отечественных фельетонистах, которые первыми взялись за освоение футбольной темы в 1910-е годы.

¹¹ Красный спорт. 1925. 22 марта.

¹² Физкультура и спорт. 1928. № 13. С. 1.

¹³ Красный спорт. 1925. 18 октября.

Еще один пример такого же рода — частушки В. Шлезингера «Бедные спорт-жены» (злополучный футбольный термин «кикать» обыгрывается и в них):

Хоть шла замуж без неволи,
Все ж пришлось покаяться —
Мой миленок на спорт-поле
День и ночь лягается...

Дома в люльке ребятенюк
Беспокойно плачет, —
Оголился мой миленок,
По воротам «кикает»...

Начался сезон опять,
Дело позабыто;
Надо трусики стирать —
Полезай в корыто.

Нет обедов уж давно,
Экономим ужины...
У миленочка зато
Трусиков три дюжины.

Кто б подумать только мог!
Мать недаром хнычет:
«Годовалый мой сынок
Люльку ножкой тычет!»

Вижу милого мельком,
Опустились руки...
Со спортсменом-муженьком
Пропадешь от скуки¹⁴.

В этих и приведенных выше частушках «смешное» слово «трусики» добавляет в текст фривольности, еще допустимой в относительно либеральных 1920-х. Но со спортивными трусами, очевидно, в те годы было совсем не так просто, как в газетных частушках: в некоторых тогдашних репортажах о спорте, а затем и в воспоминаниях говорится как раз о катастрофической нехватке формы и инвентаря, симптоме общей

¹⁴ Красный спорт. 1925. 17 мая.

бедности советского быта. Приведем здесь напечатанный в «Красном спорте» в 1926 году рассказ ребят из поселка Ибреси Батыревского уезда Чувашской АССР, выбравшихся на областное спортивное соревнование:

Когда мы, по приезде на олимпиаду, очутились на воле, то мы оказались по сравнению с городскими спортсменами какими-то жалкими беспризорниками; на нас висели оборванные трусики, а из ботинок (бутц у нас не было) выглядывали голые пальцы...¹⁵

«Снабжать... физкультурников предметами узколичного потребления (туфли, майки, бутцы)»¹⁶ государство отказалось в 1925 году, но сложности с экипировкой преследовали футболистов на протяжении всего десятилетия, причем не только в сельской местности, но и в городах. Николай Старостин вспоминал о возникшей в 1923 году команде «Красная Пресня»:

Весь наш, с позволения сказать, бюджет зависел от продажи билетов. В клубе каждому выдавали по одной футболке на год, и мы берегли ее, как святыню. Остальное снаряжение приходилось покупать самим¹⁷.

Проблема «снаряжения» отозвалась хореической скороговоркой в рекламном стихотворении ленинградского рабочего Миши Л., написанном в тоне еще одного низового жанра — эстрадных куплетов:

«Красный Спорт» вышла газета,
Вы послушайте совета:
Каждый должен ее знать,
Выписать и прочитать.

¹⁵ Ш. А. Мы ждем! (О деревенских физкультурниках) // Красный спорт. 1926. № 9. 28 февраля.

¹⁶ Глезер И. Режим экономии в физкультуре // Красный спорт. 1926. 20 июня.

¹⁷ Старостин Н. Футбол сквозь годы. М., 1989. С. 21.

Про футбол хочешь узнать,
Кто кого вызвал играть,
Кто кому набил голей,
«Красный Спорт» читай скорей.

Чтобы знать где есть дешевка
И нужна тебе сноровка —
Буцы, мяч — все первый сорт —
Ты найдешь в газете «Спорт»¹⁸.

За такого рода стихотворными курьезами стоит нечто большее: в «мелочах» эпохи, в остротах насчет «трусиков» и бутс угадывается серьезная тема — борьба за новый быт. Одним из многих ответвлений этой темы становится мотив обустройства «молодого» футбольного хозяйства, разворачивающийся в самом бойком жанре первого советского десятилетия — в стихотворном фельетоне. Занимая как бы следующую после частушек и куплетов ступень на поэтической лестнице поэзии 1920-х годов, он претендует на особую, организационную и контролирующую, роль в общественном строительстве. Фельетонные стихи той поры поистине вездесущи: для них нет мелкотемья и пустяков, они вмешиваются во все дразги и откликаются на любую злобу дня.

«Наивысший» предмет для стихотворного фельетона 1920-х годов — это чистка кадров; отсеивать старое и утверждать новое — именно к этому тематическому пределу стремится жанр. Такого рода стихотворение, подписанное псевдонимом «Топс», находим в журнале «Физкультура и спорт» (1929):

О ФУТБОЛЬНОМ РУКОВОДСТВЕ И КАДРАХ

Когда хромает производство,
Мы, грозно сжавши кулаки,
Свирепо кроем руководство,
И в кадрах ищем гнойники.

¹⁸ Красный спорт. 1924. 14 сентября.

Такой подход пора, ребятаки,
И к футболистам применить,
Чтобы футбольные порядки
Хотя б немножко изменить.

Вот руководство. Посмотрите,
Какая милая семья:
Дьячок — футбольный представитель,
Церковный староста — судья.

А вот и «кадры рядовые»:
То есть лишенцы, торгаши,
И бывшие городовые...
Короче — тоже хороши.

С такими «кадрами» команда
Идет на поле. Ругань, мат...
И в страхе перед этой бандой
Дрожит судейский аппарат.

Свисток. На поле потасовка.
С трибун несется: «Бей!» «Даешь!»
И «мастера» довольно ловко
Ногами лупят молодежь.

Посмотришь — не игра, а драка, —
Ни смысла в ней, ни красоты.
А результат в «проценте брака»,
Достигшем крайней высоты.

Пора за дело взяться дружно,
И чтоб футбол, как спорт, спасти,
Улучшить руководство нужно
И чистку кадров провести¹⁹.

По логике этого стихотворения, беда футбольной организации заключается не столько в неспортивном поведении (это лишь следствие), сколько в засилье неизжитого старого мира — приспособившихся к новым порядкам церковников²⁰ и «бывших городовых». Здесь

¹⁹ Физкультура и спорт. 1929. № 43. С. 13.

²⁰ Соединение «церковной» и «футбольной» тем, которому предстоит актуализироваться в 1930-е годы, в 1920-е го-

легко прослеживается связь между классовой чуждостью (а следовательно, и политической отсталостью) футбольного руководства и вредительством дореволюционных «мастеров», которые не просто не хотят уступать дорогу юным, а прямо-таки воюют с ними — «ногами лупят молодежь». Фельетон Топса в полной мере пользуется привилегией жанра — возможностью апеллировать к властям и правом на масштабные обобщения: автор требует, чтобы методы спортивной политики не отставали от социально-экономических, а для этого предлагает «грозно сжать кулаки» и «искать гнойники».

Но это «вершины» жанра. Типовые же стихотворные фельетоны 1920-х годов вовсе не гнушались разгребать авгиевы конюшни ежедневных футбольных проблем. Так, те болезни, что были приписаны Топсом влиянию старого мира, — брань и грубую игру — большинство фельетонистов диагностируют у самих юных. Действительно, редкий матч в это время проходил без «ругани и мата» — из всех спортсменов именно футболисты приобрели репутацию отчаянных сквернословов. «Если не хотите футбольных мячей, может быть, посмотрите образчики матов? — Этому, я полагаю, вы нас научить не можете...» — вот характерный для тех лет образчик «спортивного» юмора²¹; «...посыпятся голы в ворота, в перемежку с “матом”», — вот типичное для того времени описание футбольной игры²².

ды встречается очень редко — например, в весьма темном стихотворении ленинградца Семена Винокурова: «...За давним, / За темным безмолвьем / В доме старинном / Коммунары в беретах / В сумраке синем / Звучно болтали / О Версале. / Потом, / Перед сном, / С мадонной шалили / Футбольно. / В туманном зале, / У круглого стола, / Невольно / Все заснули, / Забылись. / А на заре / Во дворе / Валялись тела. / Моросила мгла / За темным, / За давним безмолвьем». (Винокуров С. Ключья. М., 1929. С. 37).

²¹ *Неизвестный автор.* Ученого учить // Красный спорт. 1927. 23 января.

²² *Уральский.* Футбольная физкультура // Красный спорт. 1926. 18 апреля.

Что до более серьезных проблем, то «резкая игра, а порой и недопустимая грубость»²³ в 1920-е годы были обычным и повсеместным явлением. «Почему вы не распустите вашу футбольную команду? — Эка хватились. Да она так распущена, что всесоюзный кубок распущенности займет», — иронизировал в 1926 году юморист из «Красного спорта»²⁴; «Игра телом пришла на смену игре мячом...», — сетовал годом позже А. Зискинд²⁵; но и эти формулировки чересчур мягки для творившегося подчас на футбольных полях. «Драка», «побоище», «сражение» — едва ли не самые частотные метафоры, использовавшиеся в прессе тех лет для характеристики матчей. На этом фоне прозвучавший в 1922 году призыв М. Шимкевича не забывать о том, что «футбол считается культурным занятием, а не схваткой дикарей»²⁶, выглядит язвительной насмешкой.

Весьма показательно, что газетный фельетонист 1920-х годов не упустил первую же представившуюся возможность уравнивать футбольную «схватку дикарей» и brutальный итальянский фашизм:

МУССОЛИНИ — ФУТБОЛИСТ

Из Милана сообщают: для защиты чести Италии вратарем на ближайшем международном футбольном матче выступит сам Муссолини.

В дни былые — журналист,
После — вешатель, громила,
А теперь, не правда ль, мило,
Муссолини — футболист!

²³ В. Г. Так было, но так не будет // Известия спорта. 1923. № 10–11. С. 16.

²⁴ Красный спорт. 1926. 5 декабря.

²⁵ Зискинд А. О классе нашего футбола // Красный спорт. 1927. 16 октября.

²⁶ Шимкевич М. К инциденту с т. Лапшиным // Известия спорта. 1922. № 7. С. 20.

Если встанет, как бандит,
Он с дубинками в ворота,
Ясно — гол не будет вбит,
Жить-то каждому охота!²⁷

Все это, понятное дело, давало богатую почву для прикладной сатирической поэзии²⁸.

В стихотворении, опубликованном в «Красном спорте» под псевдонимом С. Б., недвусмысленное предостережение нарушающим правила игрокам преподносится в форме игры словами:

ОКО ЗА ОКО

За избиение футбольного судьи
приговорены к трем месяцам условно
братья Троицкие.

(Из газет)

Ах, в жизни все имеет логику свою.
И все подчинено законам однородным...
Попробуй-ка побить футбольного судью
Ответишь все равно перед судьей народным...²⁹

Соответственно, и галерея сатирических персонажей в 1920-е годы пополняется избитым, покалеченным футболистом:

«Футболист я», — врет Сережа.
Кто ж поверит дураку:
Синяков ведь нет на роже,
Да и нос не на боку...³⁰

²⁷ Физкультура и спорт. 1929. № 32. С. 16.

²⁸ См., например, такую немудрящую частушку 1926 года, выделяющую футбол как самую опасную и вредную для здоровья игру: «Спортом каждый занимайся / При размахе полным, / Только, чур, не увлекайся / Очень футболом» (Красный спорт. 1926. 17 января).

²⁹ Красный спорт. 1926. 22 августа. На самом деле футболисты Николай Васильевич Троицкий и Алексей Евлампиевич Троицкий были однофамильцами, а не братьями.

³⁰ *Неизвестный автор*. Физкультурные частушки // Красный спорт. 1925. № 47. 22 ноября.

Как известно, в одном из вариантов «Футбола» (1913) Осипа Мандельштама вслед за футболом упоминался бокс³¹ — теперь грань между ними то и дело размывается, как в одном из стихотворений А. Копьевского:

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ФИЗКУЛЬТУРНИКИ ДИСКВАЛИФИКАЦИЯ ФУТБОЛИСТОВ

Во время футбольного матча третьих команд «Пролетарской кузницы» и «Красной Пресни» произошла драка между игроками «Пресни» — В-вым и «Пролетарской кузницы» — Т-вым.

Дисциплинарная комиссия московского губернского совета физкультуры, рассмотрев этот случай, дисквалифицировала обоих игроков до 1 мая 1926 года.

Данная дисквалификация касается всех видов спорта.

Вы твердите, что «подрались»,
Ну, а мы признать должны —
Физкультуре все ж остались
До конца они верны:
Вариаций физкультурных
Перед нами ряд прошел:
Их футбол довольно бурный
В бокс такой же перешел.
Потянуло после резко
В спорт воздушный пареньков.
Значит: *вылетели* с треском
Из футбольных игроков³².

Сближение бокса и футбола весьма характерно для фельетонной продукции тех лет: не менее грубый, чем бокс, футбол представляется столь же опасным.

Помни, братцы, на снарядах
Виртуозом быть не надо, —

³¹ «Обезображен, обезглавлен / Футбола толстокожий бог. / И с легкостью тяжеловеса / Удары отбивал боксер...» (Новый сатирик. 1914. № 30. С. 3).

³² Красный спорт. 1925. 15 ноября.

Ляпнешься об пол
Хлеще, чем в футбол³³.

Из этих строк видно, что именно футбол в 1920-е годы начинает устойчиво ассоциироваться с травмами. Окончательно разрешить наболевший вопрос о его вреде так и не удалось³⁴, тем не менее факты остаются фактами — в 1926 году «Красный спорт» сообщал: «На первом месте по количеству повреждений стоит футбол — 5% участников каждой игры. До 20–25% футболистов повреждают себе локоть и ноги. Причина — слабость защиты ног, недостаточная строгость судьи»³⁵.

Список причин, впрочем, можно расширять до бесконечности: низкое качество футбольных площадок, если таковые вообще имелись (не случайно Николай Старостин в своих мемуарах называет «чудо-поле»³⁶ «главным богатством “Спартака”»³⁷), непрофессионализм игроков и почти повсеместное пренебрежение правилами, постоянные драки во время матчей. Это парадоксальным образом приводило к попыткам

³³ Хоккляушка. Физкультурное «лям-ца-дрицца-гоп-ца-ца» // Красный спорт. 1925. № 16 (10). 19 апреля. Ср. также показательную реплику в «Альтиметре» (1919–1921) Михаила Зенкевича: «К сожалению, в нем много девического, чего я не выбью ни боксом, ни футболом» (Зенкевич М. Альтиметр // В.Я. Брюсов и русский модернизм. М., 2004. С. 289).

³⁴ Характерная для 1920-х годов попытка его разрешить: «Секция игр приступила к научному изучению влияния игры футбол на человеческий организм, для этого ею отобраны 350 футболистов, играющих не менее 5 лет, каковые и должны пройти исследования в назначенные сроки в определенных лабораториях» (Красный спорт. 1924. 19 октября).

³⁵ *Неизвестный автор*. Спортивная травма // Красный спорт. 1926. 5 декабря.

³⁶ Старостин Н. Футбол сквозь годы. С. 25.

³⁷ Там же.

ограничить распространение «молодого» вида спорта именно среди детей и даже юношества. Так, автор опубликованной в «Красном спорте» в 1925 году заметки с красноречивым названием «Недопустимое явление» открыто выражал негодование по поводу вовлечения в футбольные битвы советских пионеров:

Панюшинские физкультурные организации еще бродят в потемках. Ничем другим нельзя объяснить то недопустимое явление, что в Панюшине существует футбольная команда, составленная из пионеров. Мало того, эта команда выступила против здоровенных парней из Лозовой. Сообщивший об этом товарищ спешит поделиться радостью: «мальчики выиграли 1 : 0».

Вот уж, действительно, не ведают, что творят!³⁸

Как «недопустимым» для пионера «явлением», футболом (в характерной паре с боксом) возмущался и москвич Иван Молчанов в стихотворном фельетоне ««Спортсмен» Сеня»:

Здорово, Сень! Откель, дружок?
И что с твоим коленом?..
— Не засти! Нынче в спорткружок
я записался членом!
Сражались раза два в футбол
да раз пяток на боксе.
Вот малость локоть подколол,
да шиш на лбу испекся!
— Постой, Сенек! Не рвись, постой,
не мчись-ка без оглядки.
Ты посмотри на лоб на твой —
на нем «шишей» десятки!
А на колени... Брат ты мой!
Да это ж безобразье!
На них такой толстенный слой
первостатейной грязи.
Ах, Сеня, Сеня, можно ль так?
Тут ни при чем погода —

³⁸ Красный спорт. 1925. 25 октября.

от «спорта» этакого шаг
до полного уroda!
Оно, конечно... без колен
недолго, но пробудешь,
но... сломишь голову, спортсмен,
ее-то где добудешь?..
Хотел еще я пару слов
Сказать «спортивно-гладких»,
но мой Сеноха был таков —
Стрельнул во все лопатки!
И с высунутым языком,
измазанный и голый,
он через час летал комком,
гоняясь за «футболом»!..
Ребята, вот — п л о х о й п р и м е р,
но есть примеры хуже...
Запомни каждый п и о н е р:
Нам спорт з д о р о в ы й н у ж е н!³⁹

Муки взрослого человека, необдуманно втянувшегося в страшную игру, весьма сходным образом описаны в юмористическом стихотворении Семена Бельского «Физкультура наизнанку». Герой этого стихотворения, мирный счетовод, «<o>твергнув от себя советы руковода», «самолично к выводу пришел, / Что следует ему приняться за футбол»:

А начавши играть, в мгновенье ока
Обрел на теле два кровоподтека,
К тому же, от удара буйного мяча
Контузию плеча⁴⁰.

Но и сам «буйный мяч» в целом ряде газетных стихотворений 1920-х годов предстает страдальцем; ведь ему едва ли не больше всех достается в той вакханалии ударов, подначек и кровавых потасовок, которая разыгрывается на футбольном поле:

³⁹ Молчанов И., Рахилло И. У косматого костра. М.; Л., 1926. С. 45–46.

⁴⁰ Красный спорт. 1926. 29 августа.

Когда его на спортплощадке
Ногой толкали сгоряча,
Я не хотел бы быть, ребятаки,
На месте этого мяча...

Его судьба, как видно, злая,
Я рад, что отдохнет пока
Он хоть зимою, потирая
Свои помятые бока.

Весной же — старая картина:
Ногами грубыми толчки
Тому, здоровья кто причина,
Кому отдали пареньки

Мечты и чувства и страдания...
Ну, словом (врать я не хочу),
Был лозунг центром их вниманья:
«Лицом к футбольному мячу!»⁴¹

Характерным кажется то обстоятельство, что в газетных фельетонах о футболе 1920-х годов запросто использовались элементы «зауми», позаимствованные из всем тогда известных блатных, воровских куплетов. Разница между постоянными драками на поле и уличными разбирательствами шпаны, по-видимому, представлялась авторам подобных стихотворных фельетонов минимальной.

Вот спортивная частушка москвича Ярополка Семенова (1925):

О чем толкует футболист:
— Чум-чара-чу-ра-ра,
«Подальше с нормами вались!»
Ишь-ты! А-га!
Мы-ж такого футболиста,
— Чум-чара-чу-ра-ра,

⁴¹ Копьевский А. Фут-мяч // Красный спорт. 1925. 15 ноября. См. также нехитрое сравнение в одной из анонимных «Физкультурных частушек»: «Справок толком не давали / В учреждениях Кузьме, / От стола к столу гоняли, / Как мячом в футболигре» (Красный спорт. 1925. 22 ноября).

Пометем из поля чисто.
Ишь-ты! А-га!⁴²

Текст-образец:

Залетаю я в буфет,
Ни копейки денег нет.
Разменяйте десять миллионов.
Чум-чара-чура-ра. Ку-ку!

А вот — анонимная частушка этого же года из того же «Красного спорта»:

Футболистам невтерпежку
Подождать тепла немножко,
Надоело ждать —
Хочется играть.

Вон, гляди, летят с разбегу,
Завели игру по снегу,
Мяч «каляют» без конца.
— «Лям-ца-дрицца-гоп-ца-ца»!..⁴³

Текст-образец:

Шел трамвай десятый номер,
На площадке кто-то помер.
Тянут, тянут мертвеца.
— «Лям-ца-дрицца-гоп-ца-ца»!..

2

Итак, мы видим, что советская низовая поэзия 1920-х годов на новизну футбола с его «болезнями роста» реагировала скорее с возмущением, чем с восхищением. В большинстве частушек и фельетонов неустоявшийся футбольный быт, шумный, склочный и драчливый, вытеснил высокую тему борьбы между старым и новым на дальний план или даже за пределы

⁴² Красный спорт. 1925. 11 октября.

⁴³ Красный спорт. 1925. 19 апреля.

текста. Между тем отношение самого имплицитного заказчика всей этой фельетонной продукции — советской власти — было гораздо противоречивее (не забудем, что речь у нас пока идет о *газетных* жанрах, следовательно, разговор о социальном заказе со стороны власти вполне уместен).

«<И>з-за широчайшей популярности футбола, — замечает Майк О'Махоуни, — государство дорожило этой игрой и не могло ни запретить ее, ни пустить на самотек. Поэтому в межвоенный период футбол сохранял двойную репутацию — и гордости, и позора советской физкультуры»⁴⁴.

Конечно же, в газетной поэзии эпохи не могла не проявиться эта двойственность — но уже в других жанрах. Чем дальше стихотворение, посвященное футболу, располагалось от «быта» и «периферии», чем ближе оно перемещалось к поэтическому «центру», тем в большей степени оно отталкивалось от отрицательного эмоционального полюса и тяготело к любви, энтузиазму, восторгу.

Очень выразительным в этом отношении представляется нам стихотворение Александра Безыменского «Футбол», вошедшее в его книгу 1929 года с футбольным же заглавием «Удары солнца». В разных строфах у Безыменского раздваиваются два сюжета — низкий, фельетонный, и высокий, одический. Под фельетонный сюжет отведены зачин и финал стихотворения: растяпа-кондуктор прокручивает в голове подробности футбольных матчей, и это мешает ему профессионально обслуживать пассажиров. Под высокий сюжет отдано все остальное стихотворение: футболисты, первоначально воспринимаемые как свойские рабочие ребята, по ходу поэтического сюжета превращаются в мощных птиц (буревестников?), а затем — и вовсе в живое воплощение могучей

⁴⁴ О'Махоуни М. Спорт в СССР: физическая культура — визуальная культура. М., 2010. С. 87–88.

природной стихии. Футбол, таким образом, становится у Безыменского магическим средством преобразования просто человека в Человека, «который звучит гордо».

Тем резче и значимей «язык трамвайных перебранок»⁴⁵ начала и конца стихотворения Безыменского («башка», «вдарить украдкой», «братва», «рожи», «протрите глаза») контрастирует с восторженными описаниями из середины «Футбола» («Неистойвой птицею взмыл человек», «Лети, украинец! Ты смерч. Ты гроза»):

Получайте билеты! —
А сам увлечен
Вчерашней решающей схваткой.

Башка пассажира совсем ни при чем,
Но видно в ней сходство с футбольным мячом,
И хочется...
вдарить украдкой.

Прицеп — это форвард, несущийся вслед,
Чтоб вместе до гола добраться.
Мелькает простецкий трамвайный билет
Голубенькой майкой
ленинградца.

Вчера молодцом победила Москва.
И жалко
и радостно все же.

Рабочие парни!
Своя же братва!
Такие чудесные рожи...

Вагоновожатый!
Смотри, не зевай:
Ведь бег у вагона —
Куриный.

⁴⁵ Из стихотворения О. Мандельштама «Ещё далёко мне до патриарха...» (1931). См.: *Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений.* СПб., 1995. С. 208.

Немедля веселый встает Уругвай
В борьбе
С голубой Украиной.

Неистойвой птицею взмыл человек,
Летя на большие ворота.
Несутся инцайты,
Хлопочет хавбек,
Голкипер хватает с налета,
Промазали корнер... ведут...
обвели...

Неправильна-а-а! Нету штрафного!
Не видно ни ног, ни мяча, ни земли.
Ай, здорово,
честное слово!

Лети, украинец! Ты смерч. Ты гроза.
Ударил...
Удача!
Удача!

Товарищ кондуктор!
Протрите глаза:
Даете
с гривенника
рубль сдачи⁴⁶.

В этом стихотворении фельетон в итоге все же «побеждает» оду. Во многих других жанровых экспериментах 1920-х годов на футбольную и спортивную тему победа остается за «высоким штилем».

На ту жанровую вершину, ту предельную высоту, к которой стремится футбольная тема в официальной поэзии 1920-х годов, указывает название стихотворения прославленного в прошлом футуриста Василия Каменского — «Гимн 40-летним юношам» (1924), настолько известное, что это даже дало повод язвитель-

⁴⁶ *Безыменский А.* Удары солнца: Стихи. М., 1929. С. 30–32. Упоминание в стихотворении Уругвая позволяет предположить, что в нем подразумеваются футбольные матчи Спартакиады 1928 года (см. о ней далее в этой главе).

ному Виктору Шкловскому в одной из позднейших статей иронически обозвать Каменского «сорокапятiletним юношей»⁴⁷.

Что придает футболу в этом стихотворении гимнический масштаб? Соединение популярного вида спорта с двумя смежными темами — молодости и революции. Не только юный возраст позволяет приступить к миру футбола, но и, наоборот, футбол становится своего рода пропуском в молодость, которая отождествляется с революционными событиями:

Нам молодость
Дана была не даром
И не зря была нам дорога:
Мы ее схватили за рога
И разожгли отчаянным пожаром.

Нна!

Ххо!

Да!

Наделали делов!
Заворотили кашу
Всяческих затей.
Вздыбили на дыбы
Расею нашу.

Эль-ля!

Эль-ле!

Милента!

Взвей на вольность!

Лети на всех раздутых парусах,

Ты встретишь впереди

Таких же,

У кого

фантазии,

конструкции

в глазах.

⁴⁷ Шкловский В.В. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М., 1990. С. 432.

Эль-ля!
Эль-ле!
Мы в 40 лет —
ЮНЦАИ
Вертим футбол,
хоккей,
плюс абордаж.
А наши языки
Поют такие бой-бряцай, —
Жизнь
за которые
 отдашь!
Эль-ля!
Эль-ле!⁴⁸

За мальчишески задорным прославлением молодости духа угадывается установка высокого жанра: поэт, представляющий свое поколение, словно пытается утвердить за собой место в авангарде нового, «молодого» общества, где не место старости. Одного только напоминания о своих былых революционных заслугах («Вздыбили на дыбы / Расею нашу») мало — нужно еще доказать свою нынешнюю принадлежность к «молодым». И здесь одним из аргументов становится упоминание о футболе.

В строках Каменского о спорте важны прежде всего слова, объединенные семантикой энергичного движения и физического столкновения. «Футбол, хоккей, абордаж» в сочетании с, казалось бы, низким, просторечным глаголом движения «вертим» — вот условный «пароль», на который должны отозваться не только «сорокалетние юноши», но и те, кто «впереди», — «двадцатилетние».

Коммунизм —
 это молодость мира,

⁴⁸ Каменский В. И это есть. Тифлис, 1927. С. 46–47.

и его

возводить

молодым⁴⁹

— писал в 1926 году Маяковский, призывая объединиться «заводских парней» и «сына батрака». Одним из наиболее эффективных средств такого объединения оказывается именно футбол.

Для государства футбол — это ресурс привлечения юных и манипулирования ими. Еще до революции успевшая завоевать любовь рабочей молодежи, эта игра устойчиво с ней ассоциировалась. «Игры обычно привлекают 5–6 тысяч зрителей исключительно рабочих, которым спорт, особенно футбол, самое лучшее и дорогое развлечение, в часы досуга. Рабочий от многого откажется только бы видеть серьезного противника у себя на поле», — сообщалось в заметке «Розыгрыш весеннего первенства в Москве» (1922)⁵⁰. Попытки объявить футбол «буржуазным» видом спорта были редки и, как правило, высмеивались:

В одном из очень и очень крупных уголков нашей республики был еще такой случай. Рабочей молодежи запретили заниматься футболом, как исключительно вредным для нее буржуазным видом спорта; почему — толком не объяснили, взамен — ничего отвечающего соответствующей потребности не дали, а просто не разрешили пользоваться футбольной площадкой и спрятали футбольный мяч. Результат получился поучительный. Ребята свернули тряпичные мячи и стали, чуть ли не на мощеной пыльной улице, играть в «запрещенную», а поэтому особенно заманчивую и привлекательную игру⁵¹.

⁴⁹ Маяковский В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1955–1961. Т. 7. С. 174.

⁵⁰ Известия спорта. 1922. № 5. С. 18.

⁵¹ Кальпус Б. Спорт и физическая культура // Красный спорт. 1924. № 1. С. 10.

Основную массу игроков и болельщиков, разумеется, составляли юноши: «Самой распространенной спортивной игрой является футбол: сотни тысяч молодых людей увлекаются им»⁵².

Репутация молодежной игры, закрепившаяся за футболом, вполне соответствовала осевой тенденции 1920-х годов, которая была связана с восприятием революции как глобального обновления, «отрешения от старого мира», приведшего к созданию «молодого советского государства», и которую условно можно назвать «*ювенильной лихорадкой*».

Вспомним, как автобиографическому герою стихотворения Сергея Есенина «Русь уходящая» (1924) хотелось

...Здрав штаны,
Бежать за комсомолом⁵³.

Залогом успеха в этой погоне тогда нередко казался мяч.

Футбол дает возможность обратиться к молодежи с лозунгом и призывом, испытать «площадной резонанс»⁵⁴ ораторского слова. Поэтому при «праздновании» этой игры в стихах 1920-х годов любые жанровые элементы в большей или меньшей степени смещаются к «советской оде». Так происходит, в частности, с анакреонтическими аллюзиями и перепевами в газетном стихотворении В. Дерягина «На площадке» (1924):

Говор, волнение,
Шум, беготня

⁵² Романов М. Опасности спорта для здоровья // Известия спорта. 1922. № 11. С. 6.

⁵³ Есенин С. Стихотворения и поэмы («Новая библиотека поэта. Малая серия»). СПб., 2003. С. 377.

⁵⁴ Формула Ю.Н. Тынянова (Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 176).

И опьянение
Летнего дня...

Пулей со старта
Резко вперед;
Шепот собрата:
«Здорово прет!»

Эх, обгоняет...
Нет, не возьмешь...
Силы вливают
Крики: «Дашь!»

Кончено с бегом;
Дальше — прыжки...
Быстрым разбегом
Рвуть от земли.

Щукой над планкой,
Миг — поворот;
Мягкой пружинной
Тело встает...

Тут же футболят;
Мяч — дикий кот,
Мечется в поле,
К небу идет...⁵⁵

Радость приволья,
Смех, суета...
Кубок здоровья
Пьем мы всегда...⁵⁶

Мотивы радости жизни и веселого винопития под знаком культа юности (державинское «в сединах молодеть»⁵⁷ и «я душой не сед»⁵⁸) даны здесь с мета-

⁵⁵ Ср. со строками из поэмы москвича Леонида Лаврова «НОБУЖ» (1929): «Футбольный мяч в зелени / Прыгает рыжей собакой» (*Лавров Л. Уплотнение жизни: Стихи 1927–1929. М., 1931. С. 86*).

⁵⁶ Красный спорт. 1924. 31 августа.

⁵⁷ Стихотворение «Тишина».

⁵⁸ Стихотворение «Старик».

форическим повышением: «опьяненье» — «летнего дня», «пьем мы всегда» — «кубок здоровья». Мяч же в стихотворении становится уже не просто атрибутом спортивного «пира», а средоточием юной энергии, устремленной в небо.

Ту же игру на повышение находим в двух стихотворениях, опубликованных в 1924 году в бакинском журнале «Спартак» и подписанных псевдонимом К-т, — только теперь это смещение в оду «весенней» разновидности пейзажной лирики (в духе тютчевского «весна идет» или фетовской «весенней жажды»).

Приведем сначала первое стихотворение:

ФУТБОЛ

Как сегодня смеется весело солнце?
— Эй, капитан, проснись ты...
Задирают кверху носы Комсомольцы,
И глаза в лазури лучисты...
Воздух вбирают легкие,
Вот, вот, лопнут, кажется...
Встает капитан-лежебока
Больше уж не уляжется.
Оглянулся... весна в сердце засветила...
Ребята, какая воля!
А солнце в зрачки улыбкой метило
С голубого поля...
Только зенки продрал —
Капитана снизу
Со двора братва распекает
— На площадь пора давно... и по карнизу
Капитан к команде слезает...
Формы цветят... игроки словно солнечный смех —
Яркие, сильные... льет задор через край...
Мяч упругий так звонок... Эх,
Футбол, футбол! С нами, весна, играй!⁵⁹

Несмотря на пестроту стихотворения, словно рассыпающегося — и образно, и синтаксически — на отдельные микрофрагменты и фразы, в нем ясно про-

⁵⁹ Спартак. Баку. 1923. № 4–5. С. 8.

слеживается мотив предельной полноты, юношеского «преизбытка» жизни. Этот преизбыток ощущается во всем: в цветовой и световой насыщенности возникающей перед читателем картины («лазурь», «голубое поле», «солнце в зрачки улыбки метило», «формы цветят», «яркие»), в повышенной эмоциональности игроков («весна в сердце засветила», «льет задор через край»). Ставка на гиперболу сказывается во всем: футболисты излучают сверхчеловеческую физическую интенсивность; они не просто «сильны» и с «глазами лучистыми», но даже дышат так, что их легкие «вот, вот, лопнут, кажется». С этим своеобразным «титанизмом» вполне сочетаются сильные персонификации: наравне с комсомольцами в происходящем участвуют природные силы — солнце «смеется», а весна вообще готова включиться в матч.

Теперь приведем второе бакинское стихотворение:

Под лучами лениво нежится поле —
110 метров прекрасной тверди.
На перекладине гола повиснув, голлер
Пытался сеть натянуть на жерди. —
Неудача... снова...
неудача... упорное снова...
готово!
Ветер зябкий полез за ворот —
Шарит ласково в мышцах...
Мяч на центре, каждый нерв ожидает:
Где свисток рефери?
Рефери секунды считает:
Двадцать две... Двадцать три —
Ровно девять... ударился в сердце свисток...
Мяч и солнце, воздух, игроки и весна
Перевились в бурный клубок...
Площадь словно пьяна
От глухих ударов.
У зрителей чешутся ноги:
Хочется тоже в небо швырнуть кожаным шаром,
Но лайнсмены очень строги...
Смех на поле: рефери, любясь весной,
Прозевал гол с овсайда.

Ну и дурной, ну и дурной...
Смеются; вот досада —
Ноль на ноль, два хавтайма полных...
Эй, футбол, любимая игра!
С поля криков несутся волны —
Футбол! гип, гип, ура!⁶⁰

В этом стихотворении зрительское напряжение («каждый нерв ожидает») возрастает на глазах у читателя и достигает апогея в момент, когда «ударяется в сердце свисток» и разнородные элементы созерцаемой болельщиком мажорной картины («мяч и солнце, воздух, игроки и весна») сливаются в одно неразличимое целое («бурный клубок»). Завершается текст восторженными криками и неброским уподоблением футбольного поля «свободной стихии» — морю («С поля криков несутся волны»).

Высшей точкой в этой одической игре на повышение является восторг обретенного социализма — например, в стихотворении московского поэта Аркадия Ситковского «Веселые экскурсанты» (1929). Футбол здесь — это формула непрерывной радости:

Голубые майки,
 трусики синие,
Двухнедельный отпуск,
 маршрут — подальше!
Идут и смеются,
 веселые,
 сильные,
Поют,
 кувыркаются,
 гогочут без фальши.
Им
 реки — банями,
 водопады — душем.
Жара — полотенцем,
 утилизация полная,
Их кожа покрыта
 коричневой тушью,

⁶⁰ Спартак. Баку. 1923. № 4–5. С. 8.

И солнце с луною —
мячи их футбольные.
Неба стадион
усеян любопытными,
Хвостатые кометы
и звезды
кругом,
Команда «Время» —
мною открытая —
В ворота Медведицы
забивает гол.
Идут по Кубани —
степное море,
Вдоль побережья —
морская степь.
С дождями и бурями
идут и спорят,
Котомки под головы —
готова постель.
Глазами увидеть,
пощупать руками,
Лучшего в жизни —
не было
и нет
Каждый куст
и даже камень
Имеет свой запах,
имеет свой цвет.
За годы революции
мы стали искусными,
Против течения
мы здорово гребли.
Хорошо бы
двинуть
яркой экскурсией
В Лондон туманный
да в траурный Берлин⁶¹.

В «Веселых экскурсантах» совершается резкий — как бы по внушению «внезапного восторга» — переход

⁶¹ Ситковский А. Цоколь. М.; Л., 1931. С. 30–32.

от быта («Голубые майки, / трусики синие») к космическому пейзажу. За этим одическим скачком стоит идея омоложенного, обновленного мира: молодость здесь — это победа (условно — футбольная) нового «Времени» над старым. А это значит, что с «легкостью необыкновенной» победителям-«экскурсантам» покоряются любые пространства — от западных столиц до отдаленных галактик.

Напомним, что уподобление планеты футбольному мячу впервые возникает, вероятно, у Константина Липскерова в стихотворении «Может быть, это только злые дети...», но там луной-мячом играет «голоногий бог», а здесь — советская молодежь. Все стихотворение Ситковского построено на игре масштабами: быт становится грандиозным, а Вселенная — одомашнивается; все ее объекты подвергаются «утилизации полной», а проблема снабжения футбольным инвентарем решается с космическим размахом. В снятии противоречий между человеческим и вселенским, повседневным и грандиозным и состоит, по Ситковскому, главное достижение молодого государства: советский человек в своем величии равен небесным светилам, и даже более того — он играет ими и с ними в футбол и побеждает. При этом поэт настойчиво подчеркивает зрелищный аспект соревнования — за матчем наблюдают множество «любопытных», «хвостатые кометы и звезды»; к советским экскурсантам приковано внимание всего Космоса.

Главным героем стихотворения, впрочем, является не отдельно взятый советский человек, а коллектив. Местоимение первого лица единственного числа («мною») используется в «Веселых экскурсантах» только раз — для обозначения того, кто «открыл» команду; о самой же команде говорится только во множественном числе. Это симптоматично для «футбольной» поэзии 1920-х годов — образ футболиста как такового претерпевает серьезные изменения на протяжении десятилетия. Если в поэзии 1910-х годов

в фокусе внимания то и дело оказывается отдельно взятый, индивидуальный игрок, то в следующее десятилетие его практически полностью вытесняет «коллективное тело», команда.

Однако вселенской радостью задачи советской «футбольной» оды, естественно, не ограничиваются. Одическое повышение тона связано со сверхзадачей, стоящей за этими стихотворениями, — стремлением сконструировать идеальный образ здорового, спортивного, полного сил молодого советского человека. В самом деле, «ювенильной лихорадке» на протяжении всего десятилетия сопутствовали призывы к накоплению энергии и приумножению физических сил — во-первых, из-за необходимости преодолеть разрушительные последствия революции и Гражданской войны; во-вторых, из расчета на дальнейшую борьбу за революционное дело. Аккумуляция физической энергии должна была происходить главным образом благодаря занятиям физкультурой, и не в последнюю очередь — футболом. В 1923 году приказом РВС было введено обязательное обучение футболу в Красной Армии и в военно-учебных заведениях⁶². Откликом на это событие послужила восторженная статья в «Красном спорте». Перечисляя ценные качества футбола, автор статьи указывает на то, что футбольная игра укрепляет здоровье, развивает решительность и сообразительность, а также способствует сплочению игроков и развитию в них готовности к взаимопомощи. Есть и еще кое-что, тесно сближающее футбол с военным делом, — своеобразный *аскетизм* этого вида спорта. «Спартанские» мотивы красной нитью проходят через всю статью, будь то указания на предстоящие красноармейцам «длительные и трудные

⁶² Тогда же, в 1920-е годы, начинают проводиться военные футбольные игры между Красной Армией и Красным Флотом. См., например: *Липневич Л.* Несколько слов о футбольной игре между Красной Армией и Красным Флотом // Спорт. 1923. № 30. С. 454.

переходы»⁶³, замечания о «несложном футбольном инвентаре»⁶⁴ или суждения об относительной простоте игры в футбол в сравнении с некоторыми другими видами спорта.

Именно так показан футбольный матч в стихотворении читинского поэта В. Моряка (псевдоним Василия Игнатова):

ФУТБОЛ

1-й Чит. команде «Спартак»

Становись...
Свисток.
Удар за ударом...
Рвется мяч выше...
Бей,
Не пропадет удар
Даром.
Не для забавы
На площадь
Вышел.
Бегай быстрее дикой серны,
Крепи
Мускулы ног.
Нам придется скоро
Наверно
Исходить еще сотни
Дорог.
Помнишь,
Буржуям недавно забили
Первый
Октябрьский гол.
Мы тогда
Еще молоды были...
Так бей же
Крепче
Футбол!..
Немало придется

⁶³ Кукушкин. Несколько слов о введении футбола в Красной Армии // Красный спорт. 1923. № 9. С. 8–9.

⁶⁴ Там же.

Нанести ударов
 Пока
 Не поднимемся
 Выше...
 Бей же сильнее.
 Не пропадет удар
 Даром...
 Не для забавы
 На площадь
 Вышел!⁶⁵

Императивы этого стихотворения, обращенные к молодежи, — знаки митинговой пропагандистской оды. Футбольный матч в ней метафорически уподоблен становящейся, разворачивающейся на глазах у всего мира истории побед и борьбы; удары по мячу присвоены милитаристской метафорой, которой соответствуют короткие, порой состоящие из одного слова строки, имитирующие стремительность народной атаки и обороны. Задачей стихотворения продиктована и его концепция футбола: в центре внимания оказывается чистое движение, мышечная работа и, наконец, сила удара, явно предпочитаемая здесь футбольной технике. Состязательный аспект игры, впрочем, тоже отходит на второй план, и единственное *настоящее* соревнование — это условный матч между советским народом и «буржуями».

Этот воинственный, «классовый» потенциал футбольных метафор станет особенно важен для пропагандистской поэзии конца 1920-х годов (в полной мере они развернутся уже в 1930-е годы). Если в «праздничных» стихах Ситковского и ему подобных одическое нагнетение совершается за счет гипербол единого тела в гармонии со стихией и космосом («И солнце с луною мячи их футбольные»), то в «боевых» одах — за счет гиперболы единого строя на всемирном марше. Пример — сверхпрямолинейное стихотворение иркутского поэта Владимира Вихлянцева (1927):

⁶⁵ Моряк В. Лава в будущее. Чита, 1924. С. 39–40.

НА СТАДИОНЕ

Оркестр поет. В разгаре матч.
Я чуть дышу в толпе громадной.
Смотри, как ловко водит мяч
Центр-форвард сплоченной команды.

Обманут хитрым поворотом,
Противник вялый — позади,
Как бомба мяч летит в ворота...
Голкипер плох!.. Свисток судьи.

Привет спортсмен! Люби футбол:
Твое проворство пригодится,
Когда шагнет наземный полк
Через советскую границу.

Быть может, ждет нас жаркий матч.
Европа будет стадионом,
Оркестр споет военный марш
Командам миллионным...

Пока — люби бескровный бой,
Чтоб стать выносливым и быстрым,
Но будь готов к борьбе другой,
Лишь только грянет первый выстрел⁶⁶.

Куда более интересно стихотворение поэта из Николаева Якова Городского (такой псевдоним выбрал себе автор, носивший опасную фамилию Блюмкин):

ФУТБОЛ

Люблю красоту расстановки
Пред тем, как дан сигнал — начать,
Удар стремительный и ловкий
И пляску умного мяча.

Люблю отвагу человека
И взглядом обласкать готов
Обманчивую тяжесть бэка
И бег и резвость форвардов.

⁶⁶ Неделя «Советской Сибири». 1927. № 11. 21 августа.
С. 6.

И зоркость ожила, ликуя
В глазах и хватке вратаря.
Так не впущу в себя тоску я,
Смертельный шют ее беря.

Бегут задор с расчетом рядом,
И штурм разбит и зреет вновь,
Футбол, ты — родич баррикадам,
Ты юношей к боям готовь!

Хавтайм уйдет, тугой и краткий,
За ним — другой хавтайм — близнец,
И, высший судия площадки,
Просвищет рефери — конец!

Привет бойцам, кто и в футболе
И в битве жизни не остыл!
Мы покидаем наше поле —
Прямоугольник мощи, воли
И мудрости, и красоты!

Одесса, 1927⁶⁷

Здесь футбол предстает рациональным и геометрически выверенным: вместо «буйного мяча» появляется «умный мяч»; игра идеально организована («красивость расстановки»; «Бегут задор с расчетом рядом»); жестко регламентированы время (подготовка — первый сигнал — окончание первого хавтайма — начало второго хавтайма — финальный свисток рефери) и пространство, выстроенное в соответствии с иерархией игроков, заполняющих «прямоугольник мощи, воли». Действительно, в последовательной характеристике бэка, форвардов и вратаря соблюдается своего рода иерархия — движение от материального, «земного» («обманчивая тяжесть бэка») к легкости («бег и резвость форвардов») и, наконец, к надмирной «ликующей» зоркости вратаря. Место вратаря на

⁶⁷ *Городской Я.* Лагерь: Стихи. Харьков, 1932. С. 164. (В сборнике «Ясно вижу», опубликованном в 1935 году, стихотворение напечатано под отчетливо «военным» заглавием «Футбол в лагерях».)

оси «земля — небо», выше бэков и форвардов, связано не только с его полетами за мячом; это знак разворачивающегося идеологического мифа: страж ворот в первую очередь ассоциируется с обороной рубежей, а следовательно, с баррикадами и боями.

Восторг «расстановки» в оде Городского метафорически сближает футбол с военным парадом, смотром боевых рядов перед неизбежным походом. Отсюда пафос дисциплины и воспевание юности как стратегического сырья; отсюда же утилитаризм одического императива и персонификации (призыв «Ты юношей к боям готовь», обращенный к олицетворенному футболу). Все это значит, что советская ода все более стремится призвать футбол и мобилизованных им юношей на службу регулярному, военизированному государству. Именно государство стоит за высоким, архаизированным слогом: «высший судия», «просвищет» — это значит, что наивысшее место в футбольной иерархии, едва ли не божественное, занимает арбитр как представитель власти. В таком контексте не удивительно, что стихотворение Городского отсылает к одическому вступлению «Медного всадника» с его «монументальным образом <...> государственности»⁶⁸ — здесь тот же четырехстопный ямб, та же анафора «люблю» и тот же мотив идеально построения и упорядоченности:

Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою⁶⁹.

⁶⁸ Пумпянский Л.В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 178.

⁶⁹ Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М., 1960. С. 287.

Оглядка на «парадные» строки «Медного всадника» закрепляет в стихотворении Городского тройственную связь: футбол — контроль сверху, государственная мобилизация юношеских тел и душ — подготовка к войне.

Пафосом «чистой функциональности», «рационализации», «грузификации» — в духе модного тогда конструктивизма⁷⁰ — проникнуто и стихотворение Анатолия Бороховича, написанное спустя год после «Футбола» Якова Городского:

ФУТБОЛ

Одиннадцать, как шахматы, стоят
Против одиннадцати напряженных...
И рыщет по полю их соколиный взгляд,
Плененный линиями извести гашеной.

Свисток. И вот конец параличу,
Теперь сгибаться бронзовым коленям:
И форварды слетаются к мячу,
Чтоб щегольнуть обдуманном движеньем,

Чтобы легко, сквозь голоса и пыль,
Лететь вперед, противника измаяв,
Чтобы в глазах у замершей толпы,
Сверкать каскадом разноцветных маек,

Чтобы потом в критический момент
В борьбе за мяч, плечо к плечу притиснув,
Клонить к себе игры тугой безмен,
Заставив ноги жить разумной жизнью.

И зрители, волнуясь и привстав,
Грозят своим азартом поперхнуться,
Пока глаза их мечутся стремглав
Между мячом и суматохой бутсов.

Но вдруг, как бусы, прыснули и вскачь
Один стрелой, лоснящейся от пота,

⁷⁰ См.: Гольдштейн А. Расставание с Нарциссом. Опыты поминальной риторики. М., 1997. С 94–96.

И кажется — ведет не форвард мяч,
А мяч — его ведет к чужим воротам.

Растеряна защита, и в упор
Стремится мяч невиданной картечью...
Вратарь, как крылья, руки распростер —
Точь-в-точь насадка коршуну навстречу.

Мгновенный небольшой переполох...
Скупая тишь... Прыжок, пропавший даром...
И взрывом тысячеголосый вздох
Приветствует блистательность удара...

Чтоб вслед с трибун и с каждого угла
Рукоплесканья на поле обрушить,
Чтобы у форварда улыбка расцвела
Под синью глаз и желтизной веснушек.

Пока свисток картавый рефери
Опять к черте белеющей не вызвал,
Пока вечерний фейерверк зари
На игроков и зрителей не брызнул...

О, мне известно! Пусть теперь игра,
Пусть только бронза солнца и закала,
Но если грянет грозная пора
И Запад к нам ощерится оскалом,

Мы сможем дать надежнейших бойцов,
Мы, закалясь игрою и работой,
Притянем чашу боевых весов,
И рухнет гол в проникшие ворота!⁷¹

Участники матча уподоблены в этом стихотворении шахматным фигурам, расставленным по клеткам перед началом партии. Шахматы в ту эпоху, по словам А. Гольдштейна, «представляли <...> выражением идеи порядка, одолевающего хаос, строгой комбина- торики современного логического <...> мышления»⁷².

⁷¹ Комсомольская правда. 1928. 25 августа.

⁷² Гольдштейн А. Расставание с Нарциссом. Опыты поименной риторики. С. 121.

В соответствии с шахматной метафорой футбольное поле здесь расчерчено линиями; форварды щеголяют «обдуманном движеньем»; и даже ноги футболистов живут «разумной жизнью», а «переполох» у ворот противника знаменательно определяется как «небольшой».

Но кто расставил игроков по местам, кто вдохнул в их статические фигуры азарт футбольного сражения? Кажется, не будет ошибкой ответить: советское государство. На такой ответ провоцирует финал стихотворения с его торжественным, одическим восклицанием («О, мне известно!»). Подобно Моряку и Городскому, Борохович завершает свой текст утверждением безусловной «полезности» футбола для обороноспособности Страны Советов: едва ли не все возможности этой игры в итоге сводятся к единой функции, к репетиции и тренировке перед решительным сражением с «ощеренным» в оскале «Западом».

Так, шинельная советская ода «осваивала» и направляла в русло советской государственности ту самую стихийность и агрессивность футбола, разоблачению которой упоенно предавались в 1920-е годы газетные фельетонисты.

Впрочем, мы сейчас говорим о конце десятилетия, а формировалась логика пропагандистской футбольной оды еще в первое пятилетие советской власти. Едва ли не самым значительным из ранних опытов в этом жанре стал «Футбол» (1923) тогдашнего одессита Эдуарда Багрицкого:

ФУТБОЛ

Осенний ветер несется в лица,
Шумят кусты, гудит ковыль,
И взбудораженная пыль
Под бегом легких ног клубится.

Там юноша несется вскачь,
И ветер кудри развеивает, —

Он воздухом набухший мяч
Ногой уверенной толкает.

И сумерек осенних гарь
В кусты ложится синим снегом, —
Следи внимательней, вратарь,
За криком, топотом и бегом!

По жилам пронесется дрожь,
И сердце дрогнет, замирая,
Когда, с размаха налетая,
Ты мяч ладонью отобьешь...

Не так ли мы стоим упорно
И защищаем ворота, —
Клубится сумрак ночи черной
И наползает темнота.

И дикая гогочет стая
Врагов, несущихся вразброд, —
И мяч, звеня и завывая,
То полетит, то упадет.

Враги несутся в поле диком,
И шумный яростен разгон, —
Ударом, топотом и гиком
Осенний воздух оглашен.

Но пенясь мощью неумной,
Но устремив глаза вперед, —
Неколебимой и огромной
Россия встала у ворот.

Над ковылем, над пляской праха
Глаза широкие горят, —
Полощет красная рубаха,
По ветру волосы летят.

Пусть мы изнемогли в работе,
Пусть ночь глядит из-за угла, —
Вы никогда нам не вобьете,
Враги, ни одного гола!⁷³

⁷³ Известия. Одесса, 1923. 14 октября.

В отличие от более поздних стихотворений Городского и Бороховича, пространство матча у Багрицкого захвачено хаотической, бурной стихией: футболисты играют словно сами по себе, границы поля неопределимы и теряются в степной шире («поле дикое», «ковыль» и «прах»), фигуры игроков неразличимы (и угадываются лишь метонимически — по рубашам и волосам), им угрожают ночь («Пусть ночь глядит из-за угла») и надвигающиеся холода («И сумерек *осенних* гарь / В кусты ложится синим *снегом*»). Тем суггестивнее образ футбола, противостоящего враждебной стихии и сплавливающего игроков в единое тело и единый строй молодой России. В коллективном образе огромной команды единственное число сменяется на множественное (сначала «он» и «ты», потом «мы»), а отдельные роли — форвардов и хавов — сливаются в организующей надличной воле многорукого вратаря («...мы стоим упорно / И защищаем ворота»).

Конечно, можно предположить, что суматоха и суэта, царящие в стихотворении Багрицкого («крик, топот и бег», «удар, топот и гик») в значительной степени обусловлены спецификой одесских футбольных матчей, которые поэт, по-видимому, наблюдал неоднократно. Уже в поэзии 1910-х годов одесские футболисты занимают отдельную нишу. В 1920-е годы этот вид спорта продолжает пользоваться невероятным успехом у одесситов; так, в 1922 году «Известия спорта» констатировали:

Спортивная жизнь Одессы, никогда не отличавшаяся разнообразием, не испытывает особого подъема и теперь. По инерции продолжается лишь жизнь футбольных полей — единственных интересующих спортивную и неспортивную одесскую публику⁷⁴.

Но теперь Одесса становится черным пятном на футбольной карте СССР и начинает ассоциироваться с

⁷⁴ *Неизвестный автор*. По России. Одесса // Известия спорта. 1922. № 8. С. 24.

потасовками во время матчей, разнузданностью болельщиков и нарушениями правил. Вот одна из бесчисленных жалоб, наводнивших прессу тех лет:

Футбольный мир Одессы в грубости и дикости никому не уступит. Но положение еще осложняется тем, что футбольная «публика» в Одессе, на местном жаргоне «болеищики», чрезвычайно патриотична, темпераментна и в своем азарте готова буквально на все⁷⁵.

Выразительный портрет такого футбольного патриота представлен в стихотворении одессита Семена Оллендера «Мысли болельщика» (1925), ключевые мотивы которого знаменательно перекликаются с мотивами футбольного стихотворения Багрицкого:

Случается часто: голкипер — партач.
И мимо трусливого бека,
Качнувшись, влетает стремительный мяч
В сквозные ворота с разбега.

И в яростной панике все форварда.
Такого позора не снести им!
Заминка — и вновь набегают орда
И топчется долго на месте.

И топчется долго, и эхо живет
Красивым ударом, понятно!
И с тихим азартом взирает народ,
Откинутый амфитеатром.

Я тоже сюда приходил и платил
Полтинник за место на камне,
А в самых тревожных местах разводил
И вправо и влево руками.

Соседи мои залегли на стене
И часто меня прерывали
Неистовым возгласом: bravo, сильней.
И дружно платками махали.

⁷⁵ Тум П. Одесса не отстает // Красный спорт. 1925. 3 мая.

Как древний афинянин, полунагой —
Голкипер метался у штанги.
Вот врезался мяч, но под жесткой ногой
Назад полетел бумерангом.

Я вскинул глазами. — Вверху, на стенах
Гудел впечатлительный улей
И долго упорно маячил в глазах
Удар... Но глаза обманулись.

Случается часто: голкипер — партач.
И мимо трусливого бека,
Качнувшись, влетает стремительный мяч
В сквозные ворота с разбега⁷⁶.

Публикацию этого стихотворения сопровождало следующее примечание самого Оллендера:

Стихотворение написано одесситом, а потому не лишено слов специального одесского жаргона. «Болейщик» — и футболист, и просто любитель футбола. «Партач» — специфическое одесское выражение, означающее «калека», «неумелый игрок». На одесском стадионе помимо платных «рублевых» мест для сидения (скамейки) имеются более дешевые места в 50 коп., где зрители размещаются на камнях. Конечно, на стенах и столбах вокруг стадиона — масса зайцев⁷⁷.

Однако одесские «болеищики» в 1920-е годы ассоциировались вовсе не с «тихим азартом» античности, не с классическим «амфитеатром», взирающим на «полунагих» футболистов, подобных «древним афинянам», а, скорее, с газетной хроникой беспорядков и хулиганства. Масла в огонь подлил печально известный «Одесский инцидент», имевший место осенью 1926 года во время матча между сборной командой Москвы и одесской командой «Петровцы» и впоследствии разбиравшийся Высшим советом физической культуры СССР.

⁷⁶ Красный спорт. 1925. 27 сентября.

⁷⁷ Там же.

Возвращаясь к стихотворению Багрицкого, отметим, что для его интерпретации большей объясняющей силой обладает не *исторический* фон (буйная неуправляемость одесских игроков и болельщиков), а *поэтический* контекст. «Футбол» Багрицкого, по сути, переводит образы высокой философской лирики на язык идеологии 1920-х годов. Персонифицированная тютчевская «ночь» превращается во внутреннего врага или шпиона («Пусть ночь глядит из-за угла»), блоковский «вечный бой» — в оборонительную стратегию. Можно проследить в стихотворении Багрицкого и полемику с поколением русских модернистов. «Неколебимый и огромный» образ России, вставшей у ворот, — не ответ ли это «Петербуржским строфам» Мандельштама («Чудовищна, как броненосец в доке, / Россия отдыхает тяжело»)? Ведь в строке Багрицкого: «И защищаем воротá» откровенно варьируется строка мандельштамовского «Футбола»: «Кто охраняет воротá». А «красная рубаха» у Багрицкого — не намек ли на того, кому посвящены «Петербургские строфы», — Гумилева? Не прячется ли здесь отсылка к его палачу «в красной рубашке, с лицом, как вымя» из «Заблудившегося трамвая»? Если это так, то мы имеем дело с тонкой и циничной литературной игрой: Багрицкий вербует образы политически чуждых поэтов на службу идеологическому заказу, мобилизует их на борьбу с врагами Советской России.

В первой части стихотворения преобладает легкость порыва. Игроки едва ли не дематериализуются на наших глазах: сначала упоминаются «легкие ноги», потом развеваемые ветром кудри (еще легче), потом вновь говорится о ноге — теперь уже одной. Описываемые далее реакции — «по жилам пронесется дрожь», «сердце дрогнет, замирая» — являются скорее эмоциональными, чем физическими; что до ключевого и наиболее силовозатратного действия — захвата вратарем мяча, — здесь оно кажется невероятно легким, почти шуточным: вратарь ловит мяч «ладонью».

Во второй части стихотворения легконогие футболисты растворяются в «России», «неколебимой и огромной». Ее «неуемная мощь» отсылает, по видимому, одновременно к прошлому и будущему: с одной стороны, это легендарные времена борьбы с набегами (отсюда «красная рубаха», словосочетания вроде «поля дикого»); с другой — время, когда «изнемогших в работе» сухощавых футболистов времен Гражданской войны сменит новое поколение могучих игроков⁷⁸. Таким образом, в стихотворении Багрицкого метафора футбольного матча достигает предельной высоты политической оды: победой в игре, которая ведется на бескрайних полях России, будет лишь торжество мирового коммунизма.

3

В этой главе мы уже трижды процитировали Владимира Маяковского, что, разумеется, неслучайно и симптоматично. Без возникновения хотя бы на дальней периферии его имени и отсылок к его строкам обстоятельный разговор о советской поэзии 1920-х годов просто невозможен, тем более когда речь заходит о борьбе *нового* со *старым* и экспериментах советских стихотворцев с низкими и высокими жанрами.

Но каким было отношение «лучшего и талантливейшего» (по позднему определению Сталина) поэта эпохи к футболу?

В 1937 году, спустя семь лет после смерти Маяковского, Лев Кассиль во «Вратаре республики» прямо свяжет имя поэта с темой футбола. Там будет рассказано о впечатлениях главного героя от личности и стихов автора «Облака в штанах»:

Великий поэт вышел на эстраду, двинул стол, разметал стулья. Он не обращал внимания ни на аплодисменты,

⁷⁸ Так, впрочем, и произойдет: главный герой кассилевского «Вратаря республики» Антон Кандидов будет представлен как воплощение невероятной мощи и силы.

ни на шиканье. Он легко и уверенно распоряжался на эстраде. Все на нем было добротное. Антон сидел близко и видел крепкие ботинки на больших ногах. Фигурой поэт мог бы посоперничать с Кандидовым. Когда же, обедая зал глубокими своими глазами и медленно разжав большие, сильные губы, поэт потряс зал артиллерийской мощью своего голоса, Антон замер на месте.

Маяковский читал стихи, разговаривал с аудиторией. Он громил, отшучивался, негодовал. Оппоненты пытались что-то вопить с места. Поэт глушил их своим голосом. Он прочно стоял на дощатой эстраде, мощный, красивый, легкий в движениях. Колкости летели в него со всех сторон.

Он мгновенно парировал самый неожиданный выпад и топил оппонента в грохоте оваций, в хохоте и в восторгах всей аудитории. «Вот так надо стоять в воротах», — думал Антон, не сводя уже влюбленных глаз с Маяковского.

И поэт показался Антону непревзойденным голкипером, уверенно стоящим в воротах, непробиваемым, готовым с блеском и силой отбить любой удар. Когда же он узнал от Карасика, что первый журнал Маяковского назывался «Взял!», то был совсем ошеломлен. Взял!.. Ведь это же возглас вратаря, берущего мяч. Взял! Это восторженный крик зрителей на трибунах стадиона.

В тот же вечер Антон попросил у Карасика несколько томиков Маяковского и читал их всю ночь напролет. Да, вот таким надо быть и в голу — таким несокрушимым, яростным, знаменитым и великолепным⁷⁹.

Под явным влиянием Кассиля⁸⁰ читающего стихи Маяковского уподобил футболисту в своих мемуарах Андрей Старостин, только вратаря в его сравнении сме-

⁷⁹ Кассиль Л. Вратарь республики. С. 148.

⁸⁰ Настолько явным, что можно говорить о самоотождествлении Старостиным себя с Антоном Кандидовым: эпизоды посещения Кандидовым сначала литературного подвальчика «Фиоловая вобла», а потом — по контрасту — выступления Маяковского в той же последовательности возникают в старостинских мемуарах — роль «Фиоловой воблы» в них выполняет «Стойло Пегаса».

нил нападающий, уверенно направляющий в зал мяч «эмоционального заряда»:

Шалапинской мощью веяло от всей фигуры поэта. Мне довелось видеть и слышать Шалапина в Большом зале Консерватории. Природа обоих щедро одарила: и голос, и стать, и творческий темперамент. Умел всем этим пользоваться Владимир Владимирович. Прямо-таки подавлял напором и непримиримостью. Говоря футбольным языком, действовал только в атакующем стиле.

Я съежился, сидя на стуле, чувствовал себя таким «премногомалозначащим» под наступательным порывом машины.

Но вот ведь что главное — слушаешь Маяковского, и хочется самому значить больше. Такой эмоциональный заряд запускал он в зал, что и не согласен, да согласишься⁸¹.

Чуть выше Старостин затронул тему отношения поэта к футболу:

С Маяковским меня познакомил Николай Николаевич Асеев в коридоре небольшого зала Дома Герцена, где Владимир Владимирович в этот вечер читал свои стихи.

— А, мускулы... — добродушно-иронически прогудел поэт, протягивая руку, когда Асеев отрекомендовал меня футболистом. Я ответил футбольной строчкой из его стихотворения. Реакция была положительная: в сдержанной улыбке чуть дрогнули уголки рта, и подбородок стал тяжеловеснее⁸².

Что касается «футбольной строчки» (если цитирование ее действительно имело место), то выбор у Старостина был весьма богатый — футбол упоминается в нескольких стихотворениях Маяковского. Сложнее обстоит дело с характером этих упоминаний, и здесь весьма показательна реакция Маяковского на то, что Старостин — футболист. «А, мускулы...» — за этими

⁸¹ Старостин А. Встречи на футбольной орбите. М., 1980. С. 56–57.

⁸² Там же. С. 56.

словами кроется совсем не «добродушная ирония», а пренебрежение и, возможно, нежелание вникать в сущность футбола, чтобы отличать его от других видов спорта, занятие которыми с тем же успехом может быть охарактеризовано определением «мускулы».

О своем отношении к футболу Маяковский весьма внятно высказался в поэме «Летающий пролетарий», одна из главок которой — «Игра» — описывает занятия спортом в Москве будущего — в столице 2125 года:

Через час —

дóма.

Отдых.

Смена.

Вместо блузы —

костюм спортсмена.

В гоночной,

всякого ветра чище,

прет,

захватив

большой мячище.

Небо —

в самолетах юрких.

Фигуры взрослых,

детей фигурки.

И старики

повылезли,

забыв апатию.

Красные — на желтых.

Партия — на партию.

Подбросят

мяч

с вышотищи

с этакой,

а ты подлетай,

подхватывай сеткой.

Откровенно говоря,

футбол —

тоска.

Занятие

разве что —
для лошадиной расы.

А здесь —

хорошо!
Башмаки — не истаскать.

Нос

тебе
мячом не расквасят.

Все кувыркаются —

надо,
нет ли;

скользят на хвост,

наматывают петли.

Наконец

один
промахнется сачком.

Тогда:

— Ур-р-р-а!
Выиграли очко! —

Вверх,

вниз,
вперед,
назад, —

перекувырнутся

и опять скользят.

Ни вдоха запыханного,

ни кислой мины —

будто

не ответственные работники,
а — дельфины⁸³.

По ряду признаков можно предположить, что фантастическая игра в мяч, которой так увлечен пролетариат будущего, — это что-то типа квиддича — своего рода гибрид тенниса с волейболом. Она лишена трех специфических, на взгляд Маяковского, черт футбола: во-первых, терминологии (остаются только общеспортивные слова «мяч», «сетка», «очко»), во-

⁸³ Маяковский В. Летающий пролетарий. М., 1925. С. 50–52.

никает ощущение того, что мяч движется сам по себе, преследуя поэта и вторгаясь в его личное пространство.

Еще более серьезные проступки инкриминируются футболистам (и вообще спортсменам) в стихотворении Маяковского «Товарищи, поспорьте о красном спорте!» (1928):

Но зато —
 пивцы!
 Хоть бочку с пивом выставь!
 То ли в Харькове,
 а то ль в Уфе
 говорят,
 что двое футболистов
 на вокзале
 вылакали
 весь буфет.
 И хотя
 они
 к политучебе вялы,
 но зато
 сильны
 в другом
 изящном спорте:
 могут
 зря
 (как выражаются провинциалы)
 всех девиц
 в окрúге
 перепортить⁸⁷.

«Зря» — одно из ключевых слов всего этого стихотворения, в котором преобладают мотивы бессмысленности, нецелесообразности спортивных занятий, фактически превращающих людей в животных: «все / двуногие / заувлекались спортом»⁸⁸. Столь же бессмысленно-гротескным выглядит и футболист в начале стихотворения:

⁸⁷ Комсомольская правда. 1928. 11 июля.

⁸⁸ Там же.

Если парня,
 скажем,
 осенил футбол,
до того
 у парня
 мускулятся ноги,
что идет,
 подламывая пол⁸⁹.

Неуклюжесть и несоразмерность футболиста в этих строках контрастируют с возвышенным глаголом «осенил»; контраст усиливается из-за стремительности совершающегося скольжения от высшей точки («осенение» свыше) к низшей («ноги», затем «пол» и подразумеваемое подполье, в которое он «подламывается»). Более того, симптоматично и сходство неологизма «мускулятся» с глаголом «колосятся»: если в написанном три года назад «Летающем пролетарии» поэт низвел футболистов чуть ли не до животного уровня («Занятие / разве что — / для лошадиной расы» — впрочем, к лошадям Маяковский относился, кажется, не хуже, чем к людям), — то здесь спуск по эволюционной лестнице продолжается и доходит до уровня растительного царства⁹⁰. Соответственно, и действия футболиста теперь изображаются как бессознательные, рефлекторные:

Постепенно
 забывает
 все на свете.
Только
 мяч отбей
 да в морду ухай...⁹¹

⁸⁹ Комсомольская правда. 1928. 11 июля.

⁹⁰ В то время как боксер, по Маяковскому, остается все же ступенью выше — на уровне животного мира: он «...шей — / вол» (Там же).

⁹¹ Там же.

Тут возникает характерная для 1920-х годов связка «футбол — бокс», то есть футбол (и бокс) привычно⁹² низводятся до степени вульгарной драки.

Следующий шаг — использование футбольной метафоры для описания не только потасовки, но и скандала — сделан в стихотворении «Повальная болезнь» (1928), иронически повествующем о всеобщем увлечении Спартакиадой:

Бросив
 матч семейный этот,
склонностью
 к покою
 двигаем,
спешно
 несмотря на лето
навострю
 из дома
 лыжи⁹³.

В «Повальной болезни» описание импровизированной игры в футбол окончательно примитивизируется и доводится до абсурда:

⁹² К уже приведенным примерам здесь прибавим еще один: «Мало того, что в провинциальной печати сужено, измельчено и исковеркано значение физкультуры. Провинциальные газеты положительно облюбовали физкультурную терминологию для описания всяких бытовых пятен и мерзостей. Пишут о картежных играх среди подростков — называют — “спортсмены”. Пишут о том, что муж избил свою жену — называют: “Тоже физкультура” и т.д. <...> Неужели нельзя до сих пор изжить примитивное “футбольно-кулачное” представление о спорте?..» (*Старт*. О спортивной горячке, галошах, чемпионах СССР, директоре Станкевиче и... бедной физкультуре // Красный спорт. 1924. 10 августа).

⁹³ *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 9. С. 267. В редакции стихотворения, вошедшей в том 7 прижизненного Собрания сочинений (см. следующую ссылку), эти строки отсутствуют.

Красным
 соком
 крася пол,
бросив
 школьную обузу,
сын
 завел
 игру в футбол
приобретенным арбузом⁹⁴.

Нелепый⁹⁵ арбуз в качестве футбольного мяча — не только очередное напоминание о растительном царстве, с представителями которого Маяковский сравнивал футболистов. Это еще и своего рода промежуточное звено в «плодоовощной» цепочке, проходящей через три посвященных футболу текста, написанных в три разных десятилетия. Кочан капусты, которым играют в футбол незадачливые сельские «молодцы» из дореволюционной сатирической заметки «Увлечение спортом»⁹⁶, «долетает» (уже в виде арбуза) до героев Маяковского, в свою очередь передающих пас кассилевскому Антону Кандидову, который по стечению обстоятельств начинает вратарскую карьеру в качестве «ловца арбузов». За четверть века, разделяющую 1912 и 1937 годы, эмоциональный вектор этого «полета» полностью изменится, а издевательское недоумение уступит место восхищению и почти безоговорочному признанию.

⁹⁴ *Маяковский В.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М.; Л., 1930. С. 135–136. (Место первой публикации не установлено.)

⁹⁵ Нелепость усугубляется за счет того, что Маяковский, соединяя в этих строках упоминание о «красном соке» и об освобождении из-под гнета «школьной обузы», довольно прозрачно пародирует традиционные для поэзии 1920-х годов метафорические описания революции.

⁹⁶ «— Ох, уж это увлечение спортом! Даже к нам в деревню проникло оно и работникам головы вскружило. Прихожу вчера на поле, а молодцы мои в футбол кочаном капусты играют. Каково?!» (Синий журнал. 1912. № 7. С. 15).

Чем же объясняется неприязненно-насмешливое отношение Маяковского к футболу? Не в последнюю очередь — биографическими обстоятельствами поэта. Посвятивший всего себя служению «новому» и яростному отрицанию «старого», мечтавший вместе с пионерами и комсомольцами «выволакивать будущее», но отнюдь не увлекавшийся спортом в целом и футболом в частности Маяковский не мог не испытывать острой ревности, слыша разговоры о футболе как главной игре «молодых». У него были собственные представления о тех человеческих качествах, которые необходимы для пропуска в «дивный новый мир», и умение играть в футбол явно в список этих качеств не входило.

Но сводить объяснение неприятия футбола и спорта Маяковским лишь к биографическим обстоятельствам было бы, конечно, неправильно. Вот и второй, пожалуй, еще более влиятельный полпред советской предвоенной культуры относился к спорту с подозрительным предубеждением. «Отец советского социалистического реализма, писатель Максим Горький, осуждал колоссальное распространение спортивных зрелищ в течение 1920-х годов. Эта тенденция, утверждал он, не имеет ничего общего с благородными свойствами спорта, — отмечает Роберт Эдельман. — Вместо этого спорт стал частью того, что он называл разложением и потворством капиталистическим развлечениям и индустрии удовольствий»⁹⁷.

Повторим: в течение всех 1920-х годов футбол занимал весьма двусмысленное положение в рамках кропотливо выстраиваемой идеологическими чиновниками иерархии советского спорта. Идеологическая неустойчивость футбола, если не сказать — «шаткость», чрезвычайно выразительно проявилась в поэтических текстах, группирующихся вокруг знакового

⁹⁷ *Edelman R. Serious Fun: A History of Spectator Sports in the U.S.S.R. N.Y., 1993. P. 8.*

для истории советского спорта события — международной Спартакиады 1928 года.

Наиболее показательны, пожалуй, среди них — уже цитировавшаяся нами «Повальная болезнь» и «Рифмованный отчет. Так и надо — крой, Спартакиада!» Маяковского. Из ста десяти строк второго стихотворения лишь две, и к тому же проходные, посвящены футболистам:

Сияют значки
футболистов Уругвая⁹⁸.

Еще три написанных о Спартакиаде стихотворения были опубликованы в одноименном журнале незадолго до начала состязаний, среди них — «полиспортивное» стихотворение давнего соратника Маяковского, «лефовца» Николая Асеева, «Сигнал». Обобщенное изображение Спартакиады дано во второй части стихотворения:

Рокот мячей,
 посвист ракет,
в синь —
 блеск
 брызг.
Сила и свежесть
 в рабочей руке —
вот
наш
 приз⁹⁹.

«Рокот мячей» отсылает, по всей видимости, к футболу, но ключевой метафорой для изображения Спартакиады в тексте Асеева становится отнюдь не футбольное состязание, а кросс и другие виды спорта, основанные на линейном, локомоторном движении:

⁹⁸ Комсомольская правда. 1928. 14 августа. Вспомним об упоминании про футболистов из Уругвая в стихотворении А. Безыменского «Футбол».

⁹⁹ Спартакиада. 1928. № 1. С. 4.

В ногу
гимнасты
и прыгуны
вверх,
вдаль,
вплывь!
Чтобы под небом,
над землей,
над
ре-
кой
был поставлен
и закреплён
наш
ре-
корд!

Слушай команду,
слушай меня:
наш
старт
дан —
опережай,
перегоняй
Ам-
стер-
дам!¹⁰⁰

Становится ясно, что пафос локомоторного движения, согласно Асееву, — не только в стремлении обогнать, опередить соперника, но и во всенаправленной экспансии по отношению к внешнему миру вообще, «вверх, вдаль, в плывь». СССР покоряет все мыслимые пространства — воздушное, земное, водное, — везде устанавливая рекорды, и сама Спартакиада призвана стать не просто ответом капиталистической Олимпиаде, состоявшейся в 1928 году в Амстердаме, но и победой над «небом и над землей».

¹⁰⁰ Там же.

«Футбольный матч» отведено очень большое количество времени (43 секунды!) в программной кинопанораме советской жизни этого года — фильме Дзиги Вертова «Человек с киноаппаратом»¹⁰². Именно в 1929 году, по чрезвычайно удачной формуле, найденной в классической уже книге В.З. Паперного, происходит «затвердевание» советской культуры: все, создаваемое ею, «мгновенно затвердевает, превращаясь в памятники истории, причем этот процесс затвердевания происходит одновременно с созиданием»¹⁰³.

Революционная борьба юности и старого мира по ходу десятилетия постепенно переставала восприниматься как нечто животрепещущее и становилась достоянием прошлого; соответственно, и пафос стремительного, бурного, хаотичного движения, наиболее подходящей метафорой для которого был футбол, сходил на нет. Стремление же к героизации недавнего революционного прошлого, напротив, подразумевало установку на монументальность, статуарность (отсюда — особое значение искусства скульптуры в 1920-е годы): «Движение в новой культуре становится вполне тождественным неподвижности, а будущее — вечности»¹⁰⁴. В связи с этим можно вспомнить предложенное Ю.М. Лотманом противопоставление сражения и парада. Прямо соотнося эти формы с двумя господствующими в начале XIX века подходами к войне, исследователь пишет:

¹⁰² Этот фильм выложен в Интернете: <<http://www.youtube.com/watch?v=uYNV5BmdCug>>. Футбольный эпизод здесь начинается на 50-й минуте 54-й секунде. См. также, например, в романе Г.П. Блока «Одиночество»: «У “Кооперативного сада” в толпе синих физкультурных штанов заметался футбольный мяч. Во всех человеческих движениях стала замечаться тоже почти футбольная торопливость» (Блок Г. Одиночество. Л., 1929. С. 52). В этом фрагменте произведения речь, впрочем, идет о 1923 годе.

¹⁰³ Паперный В.З. Культура Два. М., 2011. С. 45–46.

¹⁰⁴ Там же. С. 44.

В определенном отношении именно здесь пролегла грань, делившая военных людей той эпохи на два лагеря: одни смотрели на армию как на организм, предназначенный для боя, вторые же видели ее высшее предназначение в параде. Естественно, что в первом случае вперед выдвигалась практическая функция, а во втором она вытеснялась на задний план. Зато если эстетическая функция в первом случае присутствовала лишь как некоторый чуть заметный налет, меняющий колорит картины, но не ее рисунок, то во втором случае она вырвалась вперед, отесняя все практические соображения¹⁰⁵.

Кажется допустимым обозначить конкуренцию футбола и летних видов спорта в советской поэзии 1920-х годов как новый виток, вариант проанализированной Лотманом дихотомии. В самом деле, в это время, по мере укрепления и стабилизации советского государства, концепт сражения (главной метафорой которого был футбол), как сказано выше, перестает главенствовать в культуре, в то время как «эстетическая функция» выдвигается на первый план. «Организованные», «отрепетированные» виды спорта гораздо больше соответствовали вызревающей в 1920-е годы идее социалистической империи, чем сцены беспорядочной беготни по зеленой траве под крики толпы в «цветных фуфайках». Другое дело, что уже в 1930-е годы метафора «футбол — война» развернется с двойной силой, но уже как «застывшая» — то есть взятая именно в «эстетической функции», приравненная к «параду».

В конце же второго десятилетия прошлого века этот процесс «отвердевания» только начался. Тогда-то из текстов о советском спорте и стали последовательно изгонять «живую» жизнь — изображение жестокой, но обаятельной в своей страстности борьбы между старым и новым за новый мир все больше вытеснялось скульптурной статикой, демонстрацией совершенства

¹⁰⁵ См.: Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. I. С. 279–280.

и стройности тел советских юношей и девушек. Конфликт, в том числе и футбольный, стал подменяться имитацией конфликта.

Вот как это сделано, например, в стихотворении омоского поэта Евгения Забелина:

НА СТАДИОНЕ

Омывая ярко купола
В облачных причалах небосклона,
Голубыми ливнями тепла,
Хлынул день в раздолье стадиона.
Жарко льнет ресницами луча
Крепкий хмель скитальческой отваги
И багряным ветром кумача
Беспокойно вздрагивают флаги.
Все быстрее охватывает пыл
Голосов немолкнущие струны.
В синеве разливами толпы,
Поднимаясь, пенятся трибуны.
Выгибая радугами медь,
Расплеснувшись солнцем неизбывным,
Вновь оркестр готовится запеть,
Тишину окутывая гимном.
И пускай несдержанный задор
Загорится маршем у арены.
Погляди — выходят на простор,
Зацветая майками, спортсмены.
Трепет труб, сверкая, прозвенел,
Он, что звал и к отдыху и к битвам,
Вереницы выстроенных тел
В этот час укачивает ритмом.
Льется даль в размахе молодом,
Жжется пот неистовым загаром,
Гулкий мяч взрывается ядром
И устало пляшет под ударом.
Кровь прибором терпким и густым
В напряженных жилах накопела,
Для борьбы, труда и красоты
Зреет человеческое тело.
Ну, и что ж — быть может, мы не раз,
Подойдя вплотную к неудачам,

Не опустим перед ними глаз
И горячей юности не спрячем.
...Степью пахнет уличная мгла,
И костерной, выветренной гарью,
А закат плывет на купола,
Облака обрызгав киноварью¹⁰⁶.

В этом стихотворении употребляется очень много слов со значением предельности и/или тревоги: «ливнями», «хлынул», «беспокойно», «пыл», «расплеснувшись», «несдержанный задор», «трепет», «битвам», «в размахе молодом», «жжется», «неистовым», «взрывается» (о футбольном мяче!), «накипела», «для борьбы», «горячей юности», но все это слова-импотенты.

Ни одного реального столкновения между спортсменами не описывается. Более того: не видно ни лиц, ни даже отдельных фигур — только «вереницы выстроенных тел».

4

Многие из отмеченных нами тенденций сложно сплелись в едва ли не самом известном описании футбольного матча в советской литературе 1920-х годов. Мы говорим о большом, занимающем целых две главы, футбольном эпизоде повести Юрия Олеши «Зависть» (1927).

С одной стороны, между персонажами повести, как играющими в футбол на поле, так и сидящими на стадионных трибунах, продолжает разыгрываться драматическая подспудная борьба за доминирование на «прекрасном», «разблеставшемся» «празднике» нового, «поднимающегося» «мира» (перефразируя цитату из «Зависти», которой мы начали эту главу). С другой стороны, именно футбольный эпизод повести Олеси М.О. Чудакова цитирует, чтобы виртуозно продемонстрировать технику все того же превращения

¹⁰⁶ Физкультура и спорт. 1929. № 34. С. 4.

динамического в застывшее, использованную автором «Зависти» при изображении своих «положительных» персонажей:

<Э>то люди-вещи, в них есть нечто застойное, и чем больше они двигаются, шумят, бьют по мячу, тем очевиднее их внутренняя остановленность, их уподобленность «неживому» миру¹⁰⁷.

Наконец, в основе развернутой футбольной сцены в повести Олеси лежит уже неоднократно нами отмеченная в стихотворениях о футболе 1920-х годов метафора этой игры как войны между «своими» и «врагами» (вспомним стихотворения В. Моряка, Я. Городского, Э. Багрицкого, А. Бороховича). «Чужеземность» немецких игроков подчеркнута сразу же, в момент появления на поле знаменитого центрального форварда Гецкэ: «Гецкэ... поднял руки над головой и потряс соединенными ладонями. Невиданный иностранный способ приветствия еще более воодушевил зрителей»¹⁰⁸. Мотив «чужеземности» возникает также в сравнении игры Володи и Гецкэ, в котором явно отзывается традиционное для 1920-х годов противопоставление «рекордсменов, чемпионов буржуазного спорта, видящих в рекордных достижениях весь смысл занятий»¹⁰⁹ и советской молодежи, для которой «не важны первенства и трофеи, для нее важны лишь здоровье и сила»¹¹⁰.

¹⁰⁷ Чудакова М.О. Избранные работы. Т. I. Литература советского прошлого. М., 2001. С. 50.

¹⁰⁸ Олеса Ю. Зависть. С. 124. Отметим, что в знаменитом фильме Фрица Ланга «Нибелунги» (1924) трубадура Фолькера при дворе короля Фридриха Бургундского играет актер с фамилией, схожей с фамилией футболиста из «Зависти», — Бернхард Гецке.

¹⁰⁹ Израилев А. Рабочая молодежь и спорт буржуазии // Красный спорт. 1923. № 5. С. 5.

¹¹⁰ Там же. С. 5.

Как футболист, Володя представлял собой полную противоположность Гецкэ. Володя был профессионал-спортсмен, тот был профессионал-игрок. Володе был важен общий ход игры, общая победа, исход, — Гецкэ стремился лишь к тому, чтобы показать свое искусство. Он был старый, опытный игрок, не собиравшийся поддерживать честь команды; он дорожил только собственным успехом; он не состоял постоянным членом какой-нибудь спортивной организации, потому что скомпрометировал себя переходами из клуба в клуб за деньги. Ему запретили участвовать в матчах на розыгрыш первенства. Его приглашали только на товарищескую игру, на показательные матчи и на поездки в другие страны. Искусство соединялось в нем с везением. Его участие делало команду опасной. Он презирал игроков — и тех, с которыми играл, и противников. Он знал, что забьет любой команде мячи. Остальное ему было не важно. Он был халтурщик¹¹¹.

Этим дело не ограничивается — антитеза «советский — иностранный» красной нитью проходит через весь эпизод, причем особенное значение имеет ее колористический аспект. Сначала сообщается о том, что немецкие игроки были одеты в «оранжевые, почти золотые фуфайки с зелено-лиловыми нашивками на правой стороне груди и черные трусы»¹¹², в то время как советская команда «выбежала... в красных рубашках и белых трусах»¹¹³; затем упомянуто о «не по-русски красных, с румянцем, начинающимся от висков»¹¹⁴ немцах. Таким образом, традиционное противопоставление революционного «красного» другим цветам становится более тонким и изощренным: речь идет не о красном цвете вообще, но об определенном его оттенке. При этом существенно, что во втором случае красный цвет характеризуется эпитетом «не

¹¹¹ Олеша Ю. Зависть. С. 127–128.

¹¹² Там же. С. 125.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. С. 131.

по-русски» — за счет этого противостояние немецкой и советской команд незаметно обретает *историческое* измерение.

В самом деле, больше всего футбольный матч в изображении Олеси напоминает войну. Несмотря на то что сначала о предстоящем событии говорится как о «празднике» (с чем корреспондирует описание огромного поля, покрытого травой, «блестящей, как лак», и «яркого» ветреного дня), ощущение праздника постепенно уходит. На чисто зрительные впечатления (на протяжении первых четырех абзацев главы VIII не раздается ни одного звука, что мотивировано высотой и удаленностью трибун, на которых находится Николай Кавалеров) наплывают слуховые, гораздо более тревожные: «люди спорили, кричали, скандалили из-за пустяков»¹¹⁵, «с утиным криком сломались перила»¹¹⁶. Зрители, в начале эпизода казавшиеся многочисленными (упоминаются лишь девушка Валя, Кавалеров и «молодежь» в ложе), затем предстают буйной толпой («Огромное количество народа распирало стадион»¹¹⁷), «прущей» мимо упавшего на дорожку старичка. Общее ощущение тревоги постепенно растет: «Тревога усиливалась ветром. На вышках, как молнии, били флаги»¹¹⁸.

Милитаристский колорит происходящему придает обилие лексики с семантикой страха, испуга:

Когда мяч попадал к нему, Валя... взвизгивала, как будто сейчас же, немедленно, должна была увидеть что-то ужасное и преступное... чтобы спрятать лицо и не видеть ужасного, продолжала смотреть скошенными глазами на страшные движения черного — от беганья по жару — Гецкэ... каждый зритель приподнимался, вытал-

¹¹⁵ Там же. С. 123.

¹¹⁶ Там же. С. 124.

¹¹⁷ Там же. С. 123.

¹¹⁸ Там же. С. 124.

квиваемый страшным, нетерпеливым желанием увидеть, наконец, самое интересное — вбитие гола¹¹⁹.

«Участие» Гецкэ «делало команду опасной»¹²⁰.

Это впечатление поддерживается и цветовой гаммой эпизода, в которой явно преобладает черный цвет. По ходу матча игроки постепенно «чернеют»: в первом тайме Валя наблюдает за «страшными движениями черного — от беганья по жару — Гецкэ»¹²¹. Здесь и в следующем абзаце, где упоминается «плотно обтянутая пропотевшей до черноты фуфайкой»¹²² спина Володи Макарова, чернота мотивирована усиленным потоотделением из-за жары, но потом эта мотивировка сходит на нет: «Нарядный перед началом игры, теперь он состоял из тряпок, черного тела и кожи огромных беспалых перчаток»¹²³; «игроки, с темными потеками на лицах... шли к проходу»¹²⁴. В точке высшего, предельного напряжения сил игрока начинается условный физический распад — и описание этого «распадающегося» тела не может не напоминать описания убитых и раненых. Более того, в момент окончания первого тайма сходство с трупами приобретают все игроки: «Они мазали по толпе улыбками и неживыми, слишком прозрачными на потемневших лицах глазами»¹²⁵.

Помимо имплицитных намеков на сходство матча с битвой, в тексте присутствуют и прямые отсылки к военной теме: это и игра на близости военной и спортивной терминологии («немцы яростно атакова-

¹¹⁹ Олеша Ю. Зависть. С. 125–126.

¹²⁰ Там же. С. 128.

¹²¹ Там же. С. 126.

¹²² Там же.

¹²³ Там же. С. 127.

¹²⁴ Там же. С. 130.

¹²⁵ Там же. С. 131.

ли»¹²⁶, «Неприятельские форварды бежали на него... Снова нападение немцев катилось к московским воротам. Володя страстно желал победы своим»¹²⁷), и использование военной метафоры (Володя «высматривал из помещения футболистов в окно»¹²⁸, а во время матча «падал в виде цветной бумажной бомбы»¹²⁹; «черным снарядом повис над Кавалеровым бинокль»¹³⁰). «Перед нами скорее военная терминология, чем слова, которыми описывают товарищеский матч... — отмечает Майк О'Махоуни. — Физкультура и защита нации слиты в выразительном повествовании, объектом которого являются досуг и гражданский долг одновременно»¹³¹. Отметим, что значительная часть военной терминологии сконцентрирована вокруг образа Володи Макарова, который не случайно выступает здесь в роли вратаря. О'Махоуни указывает на то, что «концепция "вратарь — защитник нации"», весьма популярная в советской литературе, не в последнюю очередь восходит к повести «Зависть»¹³², и справедливо заостряет внимание на самой этой концепции:

С середины 1920-х годов растет значение фигуры вратаря, а вскоре он становится главным символическим защитником советского государства. В эпоху, когда и литературу, и визуальную культуру буквально наводняли образы пограничников, акцент на этом герое спорта властно сигнализировал: защита рубежей родины — дело не только солдат и офицеров. Голкипер — последняя ли-

¹²⁶ Там же. С. 125.

¹²⁷ Там же. С. 127.

¹²⁸ Там же. С. 125.

¹²⁹ Там же. С. 127.

¹³⁰ Там же. С. 129.

¹³¹ О'Махоуни М. Спорт в СССР: физическая культура — визуальная культура. С. 178.

¹³² Там же. С. 177.

ния обороны — предстал как архетипический физкультурный герой, а его спортивная доблесть — защита четкой границы от нападения команды-соперницы — снабжала пропаганду недвусмысленной и доходчивой метафорой военного дела¹³³.

Чтобы пусть бегло, но, надеемся, выразительно продемонстрировать, насколько идеологически нагруженным стал образ вратаря именно в советской литературе второй половины 1920-х годов, приведем здесь (для контраста с политической спортивной поэзией СССР) стихотворение польского поэта Казимира Вежинского «Футбольный матч» (1929), переведенное на русский язык Михаилом Хороманским. Главным героем этого стихотворения является великий испанский голкипер Рикардо Самора Мартинес:

Здесь величайший Колизей на свете,
Здесь жизни пульс стучит всего сильнее,
Здесь в громком таинстве, в одном привете
Слились по-братски тысячи людей.

Заморра у ворот — у Пиренеев;
Как Дон Жуан красив, одетый в светр
Стоит и, в хаосе сплошных волеев,
Он видит мяч, несущийся как ветр.

С Уральских гор, из дула бомбомета
Он выброшен ядром вершить свой бег, —
Но, как паук, уж заслонил ворота
Заморра баррикада, — человек.

И мяч по городам летит снарядом:
Здесь — Барселона, а вот здесь — Москва,
Вот уж над сеткой, вот уж вырос рядом,
Так что у всех кружится голова.

Уже неистовствует каждый ярус,
Толпа безумствует, — сквозь крик и плач.

¹³³ *О'Махоуни М.* Спорт в СССР: физическая культура — визуальная культура. С. 177.

Заморра, словно вздутый в небо парус,
Взлетел, ударом отражая мяч.

И, опьянев, галерка кличет: браво,
Арены круг горит, как ореол,
Как бы в погоне за победной славой
С трибун несутся крики: гол, гол, гол!¹³⁴

Есть и еще одно обстоятельство, позволяющее связать «футбольный» эпизод «Зависти» с русским военным нарративом как таковым и, в частности, с одним из ключевых для этого нарратива текстов — «Войной и миром». Речь идет о центральном для всего эпизода приеме остранения, используемым Олешей. «Основным приемом здесь оказалась примерка вещи на человеке, не связанном с ней, передача игры через человека вне игры»¹³⁵, — эти слова Шкловского о романе Толстого вполне применимы и к анализируемым страницам «Зависти». Особенно сильно остранение ощущается в двух моментах «футбольного эпизода». Первый — это момент случайного попадания мяча на трибуны, к ногам Кавалерова. Результатом становится всеобщее оцепенение: «Игра остановилась. Игроки застыли, застигнутые неожиданностью. Картина поля, зеленая и пестрая, все время двигавшаяся, теперь окаменела»¹³⁶. Чтобы усилить впечатление от внезапной метаморфозы, Олеша использует кинематографическую аналогию, сравнивая происходящее с «остановкой фильма в момент разрыва пленки, когда в зал уже дают свет, а механик еще не успел выключить света»¹³⁷. В следующее мгновение условный «механик-повествователь» все-таки выключает свет — действительно, после двух коротких односоставных предложений («Злоба

¹³⁴ *Вежинский К.* Олимпийский лавр. Берлин, 1929. С. 10–11.

¹³⁵ *Шкловский В.* Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М., 1928. С. 109.

¹³⁶ *Олеша Ю.* Зависть. С. 129.

¹³⁷ Там же. С. 129–130.

Кавалерова усилилась. Все смеялись вокруг»¹³⁸) происходит смысловое и стилистическое переключение. Повествователь окончательно отстраняется от происходящего и с поистине толстовской интонацией замечает: «Попадания мяча в ряды всегда вызывают смех: зрители в ту минуту как бы сознают истинную шуточность того, что люди полтора часа бегают за мячом, заставляя их — зрителей, посторонних людей — с такой серьезностью и страстностью воспринимать их совершенно несерьезное времяпрепровождение»¹³⁹.

Повторной кульминации остранение достигает в сцене окончания первого тайма: «Те, кому только что представлялись они маленькими, бегающими и падающими разноцветными фигурками, теперь встретились с ними вплотную»¹⁴⁰. Еще недавно «издали все производило более легкое, праздничное впечатление»¹⁴¹ — теперь это впечатление полностью рассеивается и обнажается изнанка игры, подчас неприглядная: «Зевакам новостью были подробности роста или сложения того или иного игрока, жестокость ссадин, тяжелое дыхание, полное смятение одежды»¹⁴². Изображение уходящих с поля игроков в целом вписывается в концепцию матча как предполагавшегося развлечения, обернувшегося жестоким сражением, но есть момент, в котором Олеша незаметно смещает акценты. Речь идет о портрете Гецкэ. Быстрые, наводящие ужас на зрителей движения немецкого футболиста словно забываются, и вместо этого он просто, почти по-детски, «посасывает только что полученную ранку выше локтя»¹⁴³. Этот «детский» жест позволяет

¹³⁸ Олеша Ю. Зависть. С. 130.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. С. 131.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

взглянуть на все происходящее по-иному: не как на «взрослое» соревнование с неизбежным военно-политическим подтекстом, но именно как на игру — игру, зачаровывающую ее участников (недавних детей, о чем напоминают читателю слова о «ранке»), магически на них воздействующую. «Инобытие и тайна игры»¹⁴⁴ отчетливо ощущаются героями Олеша, которые стремятся дистанцироваться от них — главным образом посредством иронии: Валя пытается преодолеть свой необъяснимый страх и посмеяться над тем, «как давеча визжала и хваталась за руку соседа»¹⁴⁵, публика «сознает истинную шуточность»¹⁴⁶ происходящего. В остальные же моменты игры зрители явно не могут противиться иррациональному очарованию — даже Андрей Бабичев, которому предстоит вернуть мяч на поле, интуитивно осознает, что при этом «нужно быть серьезным»¹⁴⁷.

Речь действительно идет о своего рода «магии» футбола. Именно это слово употребляет Олеша, говоря о возвращении улетевшего на трибуны мяча: «Бабичев, сильно качнувшись вперед, швырнул мяч, *магически* расковав поле»¹⁴⁸. В результате восстанавливается не только ритм, ход, но и, если так можно выразиться, хронотоп матча. Действительно, пространство и время, в рамках которых протекает игра, тесно взаимосвязаны и существуют по одним и тем же законам — это царство предельно сконцентрированной энергии. М.О. Чудакова характеризует его следующим образом: «Описывается движение в его *чистом* виде, в отвлечении от всего, что делало бы его индивидуальным, вос-

¹⁴⁴ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 24.

¹⁴⁵ Олеша Ю. Зависть. С. 126.

¹⁴⁶ Там же. С. 130.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

становливается мускульная схема движения и “оправдание” этого описания — лишь в его точности»¹⁴⁹.

Очищение движения от всего лишнего, его «высвобождение» распространяется не только на игроков, но и на окружающий их мир: «Олеша обнажает в окружающем мире его геометрию и физику, линейную схему и векторы силы»¹⁵⁰. При этом «геометрия и физика» не просто обнажаются — вратарь Володя открыто нарушает все мыслимые законы этих наук, что в очередной раз напоминает об особой магии, действующей на футбольном поле: «Володя схватывал мяч в таком полете, когда это казалось математически невозможным... Володя не схватывал мяч — он срывал его с линии полета и, как нарушивший физику, подвергался ошеломительному действию возмущенных сил»¹⁵¹.

Таким образом, вполне однозначная, на первый взгляд, метафора «футбол как война» у Олеси обрачивается амбивалентностью футбольной игры — состязания и в то же время магического действия, разворачивающегося в каком-то ином, недоступном пониманию посторонних измерении. В дореволюционной поэзии этот мотив впервые возник, по видимому, у Мандельштама. Читатель помнит, что в стихотворении «Средь аляповатых дач...» поэт называет мяч «волшебной приманкой», причем этот мяч и движется словно по волшебству — «сам собой», а в «Спорте» поэт воспевает своеобразное «инобытие» спортсмена, не имеющее ничего общего с повседневным существованием:

Но только тот действительно спортсмен —
Кто разорвал печальной жизни плен:
Он знает мир, где дышит радость, пенясь...

¹⁴⁹ Чудакова М.О. Избранные работы. Т. I. Литература советского прошлого. С. 17.

¹⁵⁰ Там же. С. 18.

¹⁵¹ Олеша Ю. Зависть. С. 126.

Но если у Мандельштама и в других посвященных спорту стихотворениях 1910-х годов магию спорта ограничивает разве что «печальная жизнь» и унылая повседневность, то в подтексте «футбольного» эпизода «Зависти» — « плен » совсем иного рода. Это все тот же тотальный контроль, о котором шла речь выше, на этот раз — контроль над футбольной магией. Увлеченность футболом, по Олеше, способна вывести за пределы обычного мира, в мир чистой энергии, но при этом и игра как таковая, и игроки существуют только в рамках определенной идеологической схемы.

5

Было бы, однако, недопустимой натяжкой сводить к теме противостояния старого и нового *все* футбольные стихотворения 1920-х годов на русском языке.

Некоторые авторы, сознательно и/или бессознательно, пытались не пускаться в свои произведения социальные темы, властно навязываемые Временем, противопоставляя им, в частности, темы, полученные «по наследству» от дореволюционных поэтов. Соответственно, и тема футбола не только поднималась или опускалась по лестнице жанров — от частушки или фельетона к политической оде и обратно; не так уж редко поэты как раз стремились спрятаться от этой нормативной, «вертикальной» системы в жанровых нишах, в поэтических укрытиях на «местности».

Один из вариантов такого рода «отхода»¹⁵² в футбольной поэзии — это бегство в пастораль. Характерный пример — стихотворение москвича Филиппа Вермеля (1922), в зачине которого мальчики, играющие в футбол, вписаны в идиллический дачный пейзаж (так, в одной картинке соединяются два ключевых мотива

¹⁵² Ю.Н. Тынянов иронически отмечал такую возможность в «Промежутке»: «Можно постараться отойти и стать в стороне» (Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 172).

футбольных стихотворений 1910-х годов — дети-футболисты и дачный антураж):

Луг одуванчиками зацвел,
Рядом мальчишки играют в футбол. —
Ловким ударом взносится мяч
Ввысь над опушкой и крышами дач¹⁵³.

Можно ли говорить о «советской» пасторальности в футбольной поэзии 1920-х годов? В какой-то мере — да, но с существенной оговоркой: «пасторальный» уклон обрекает стихотворца 1920-х годов на прозябание в глубоком маргинальном тылу тогдашней поэзии. Недаром едва ли не все примеры использования пасторального жанра отыскиваются исключительно на страницах спортивных газет — в книги стихов «безыдейные» пасторали, пусть даже и *советские*, не допускались.

Исключение — «календарные» стихи, вошедшие в сборник молодого ленинградского поэта-рабочего Михаила Сечко с характерно осторожным названием «Проба». В соответствии с циклической сменой времен года в сборнике «соперничают» зимние и летние виды спорта, причем предпочтение явно отдается первым — полностью им посвящены четыре стихотворения из двадцати семи («Конькобежец», «На катке», «Лыжи», «Хоккеист»), а частично — еще два. В плане спорта лето оказывается лишь «репетицией» зимы, предшествующим ей периодом подготовки:

Не жаль, что лето пролетело
И пахнет в воздухе зимой.

На «ять» подкованы ребятки,
Окрепи нервы — провода —
К зиме здоровую зарядку
Дал воздух, солнце и вода¹⁵⁴.

¹⁵³ Вермель Ф. Ковш: Стихи. М., 1923. С. 22.

¹⁵⁴ Сечко М. Проба. Л., 1929. С. 22.

Футбол же в стихах Сечко прежде всего является устойчивым знаком лета, а прощание с футболом — приметой осени:

По знакомой беговой дорожке
Пробежали мы в последний раз,
Я в игре финальной «хаву» Лешке
Постарался дать хороший «пасс»...¹⁵⁵

И:

Упругий мяч все реже скачет,
Мрачны поблекшие площадки,
Все чаще тучи солнце прячут,
Выглядывающее украдкой.

В траве валяться нет охоты,
Промокла, выцвела трава...
Слепая осень с позолотой
Вступила медленно в права¹⁵⁶.

Очень похоже устроено стихотворение Юрия Иванова (1927), программная пасторальность которого (чего стоит хотя бы «писк щегла» в зачине!) слегка смазывается элегическим заглавием «Смерть сезону». Но печалиться поэту и читателю предстоит недолго — вскоре его утешат зимние виды спорта, овеванные «онегинскими» ассоциациями¹⁵⁷:

Смерть сезону. Уж багровым
Флагом осень клен зажгла...
Слышен под древесным кровом
Суетливый писк щегла.

¹⁵⁵ Там же. С. 20.

¹⁵⁶ Там же. С. 22.

¹⁵⁷ Те же пушкинские аллюзии находим в зимних стихотворениях Сечко: «По катку рассыпан смех и говор, / Сталь коньков заливчато звенит, / На катке сегодня так толково, / Чистый воздух свежестью пьянит. / Разлетелся наш гвоздильщик Шурка, / В белом свитре, изгибая стан, — / Режет лед блестящая “снегурка”, / Мчится парень, словно ураган» (Там же. С. 28).

Ветер по-октябрьски темен, —
И на стадион нанес
Желтый лист. Пучком соломин
Виснут веточки берез...

Правда — часто оживает
Загрустивший стадион
И толпой цветных фуфаяк
Весело пестреет он.

И в ворота метко, споро
Бьет тугой футбольный мяч;
Но конец футболу скоро —
Все слышней осенний плач...

Дорогой моей неловко
Синей птицей на «скифу»
Под осенним ветром колким
Удивлять собой Москву;

Через месяц — звонкий воздух
Стужа зимняя скует,
И на воду, в снежных звездах,
Крепкой коркой ляжет лед;

Хоккеист и конькобежец,
Где сейчас блестит вода, —
Лезвием конька обрежет
Звонкую поверхность льда.

И она — веселой сойкой
Сквозь морозный сизый дым
Полетит на лыжах бойких
По сугробам снеговым¹⁵⁸.

Сюжет стихотворения, связанный со спортивным годичным циклом, кажется предельно понятным: наступает осень, и футбольные матчи вот-вот должны уступить место хоккею, лыжам и конькам. При этом сам цикл устроен не так уж и просто — по сути дела, в стихотворении сталкиваются лапидарная, примитивистская эстетика футбольной игры и классическая,

¹⁵⁸ Красный спорт. 1927. 30 октября.

изысканная эстетика зимних видов спорта. Действительно, как только заходит речь непосредственно о матче, крупный план, которым только что был показан стадион («желтый лист», «веточки берез»), исчезает и остаются лишь цветные пятна фуфаяк и стук мяча. Подробное описание игры явно не входит в планы поэта, настойчиво напоминающего читателю, что пришла «смерть сезона» и «конец футболу скоро». Зато зимние виды спорта удостаиваются гораздо более пристального взгляда и, соответственно, изысканного описания: вместо обычного стадиона возникает сверкающее («где сейчас блестит вода», «в снежных звездах»), звенящее («звонкий воздух», «звонкую поверхность льда»), окутанное «морозным сизым дымом» зимнее царство. В этом смысле зима оказывается кульминационной точкой спортивного цикла, его апофеозом.

Следует сказать, что отождествление футбола со сменой времен года вообще характерно для маргинальной пасторальности 1920-х годов. Наиболее раннее, пожалуй, начало футбольного сезона — в марте — описывается в одном из стихотворений того же Юрия Иванова, где весна прогоняет не только зиму, но и зимние виды спорта:

ВЕСНА

Ручьи воркуют и бегут.
 В грязи площадки стадионов,
 Синюют лужи на снегу,
 Заборы смотрят удивленно.
 Везде шоссейный хрящ разбит.
 А ветер над размокшим дерном,
 В футбол играет и трубит
 Веселой мартовской валторной.
 Да — зимний кончился сезон,
 Коньки, лыжи — прочь в чуланы.
 В пылу спортивном горизонт,
 Гоняет стаи туч буланных...
 Вам, хоккеист, пора уснуть,

А вы, «спасатели на водах» —
Готовьтесь доблестно тонуть
Под хруст и грохот ледохода...

.....

Сойдет дотла последний снег —
И теннис, молодой кокетке,
Раззеленевшейся весне,
Прошепчет комплимент ракеткой.
С заборов свесится сирень
И распоеется в полный голос,
Пора прогулок на заре,
Купаний, лодок и футбола...¹⁵⁹

Впрочем, «начало» это весьма условно — футболисты явно не стремятся на потонувшие «в грязи площадки стадионов», и единственным игроком становится ветер. Что до «поры прогулок на заре, / Купаний, лодок и футбола», то речь идет, вероятно, о майской поре — как и в стихотворении С. Успенского «Скоро», опубликованном в «Красном спорте» двумя номерами раньше:

Скоро крыши, поляны, вышки
Заблестят массой темных тел.
Раньше всех ну, конечно, мальчишки
Будут в курсе футбольных дел.

Эх, чуть-чуть подождите, братцы,
Скоро май прилетит к нам вскачь,
Скоро ленточка будет рваться,
И в сетке метаться мяч...¹⁶⁰

В стихотворении Старта «Хорошо! (Из весенней лирики)» счастливой порой солнца и футбола тоже становится май:

Май пришел, и солнце жарит вскачь.
Эй, долой пальто, платки, фуфайки!

¹⁵⁹ Красный спорт. 1927. 3 апреля.

¹⁶⁰ Красный спорт. 1927. 20 марта.

Хорошо ударить звонкий мяч
На зеленой солнечной лужайке¹⁶¹.

В соответствии с календарем весеннюю пастораль
сменяет летняя:

Печет —
Жара.
Течет —
Игра.
С телом голым
Гол за голом,
В воздухе мяч.
Матч.
Поле, лес,
Воды плеск.
Жара, купанье —
Чистая баня!¹⁶²

В этом стихотворении Ярополка Семенова из цикла «На зарядке здоровья» летний день и футбольный матч вообще сливаются в незамысловатом каламбуре «гол» (в игре) — «гол(ый)»¹⁶³ и синтаксическом параллелизме в первых четырех строках.

Наконец, наступление осени, как мы уже убедились на примерах М. Сечко и Ю. Иванова, слегка окрашивает «советскую» пастораль в бледные элегические тона, которые, однако, всегда побеждаются румяными зимними радостями.

В эмигрантской поэзии, напротив, при упоминании в стихах футбола пасторальность естественным образом выходит на первый план — стремление к мячу почти всякий раз оборачивается стремлением к идиллическому забытию.

¹⁶¹ Красный спорт. 1927. 22 мая.

¹⁶² Семенов Я. Из цикла «На зарядке здоровья» // Красный спорт. 1925. 26 июля.

¹⁶³ Отметим, впрочем, что здесь, в отличие от целого ряда стихотворений 1920-х годов, «нагота» игроков не кажется чем-то стыдным.

Показателен тот ряд, в который включен футбол в доэмигрантском стихотворении Николая Оцупа «Война» (1921). Наравне с «царскосельским дубом» и «Овидием в издании Майнштейна» это знак счастливого детства и гармонии довоенных пригородов, в пределе — былой России, хотя, вслед за Мандельштамом, Оцуп не упускает возможности мягко намекнуть на генетическую связь футбольных сражений гимназистов с надвигающейся на Россию страшной войной (многозначительно упоминая в своем стихотворении об игре в солдатики). Сама связка матча с учебниками и экзаменами воспринимается как продолжение до-революционного мотива — чудесного гимназического футбола:

Вот царскосельский дуб, орел над прудом и лодки,
Овидий в издании Майнштейна, растрепанный сборник
задач,

В нижнем окне сапожник стучит молотком по колодке,
В субботу последний экзамен, завтра футбольный матч.

А летом балтийские дюны, янтари и песок и снова
С молчаливыми рыбаками в синий простор до утра!..

Кто еще из читателей «Задушевного Слова»

Любит играть в солдатики?.. Очень плохая игра...¹⁶⁴

Обратим внимание: временной вектор этого, как бы предваряющего эмиграцию, стихотворения Оцупа направлен в противоположную сторону по отношению к советской футбольной поэзии — не в будущее, с пафосом юности и новизны, а в прошлое, с любованием ушедшим и невозвратным. Неудивительно поэтому, что в эмигрантских пасторалах почти всегда легкий оттенок элегии: любованье юностью не отделить от ностальгической оглядки назад, в прошедшую юность.

Вот и лирического героя Саши Черного («Зеленое воскресенье», 1928) от идиллической картины фут-

¹⁶⁴ Оцуп Н. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания. СПб., 1993. С. 35–36.

больной возни в парижском предместье отделяет не только ироническая, но и элегическая дистанция:

... Впрочем, перейдем к природе.
 Всего спокойнее глаза направить ввысь:
 Зеленокудрые, качаясь на свободе,
 Густые липы в высоте сплелись...
 Трава мягка. Вздыхает ветер сонный.
 Летит синичка, вьется стрекоза.
 О старый дуб! В твоей душе зеленой
 Запутались усталые глаза...

Среди берез в сквозном зеленом дыме
 Спит грузовик, уткнувши хобот в ствол.
 Пять мясников с подругами лихими
 Играют в сногшибательный футбол.
 Хребты дугою, ноги роют землю...
 Летят кентаврами, взбив кожаный арбуз...
 От глаз до пят я этот жанр приемлю!
 Брыкнулся б сам, но, так сказать, конфуз.
 Мой фокс застыл в блаженном созерцанье:
 В глазах горит зеленый пепермент:
 Пойдем, дружок! Учись смирять желанья,
 Мой посторонний, пришлый элемент...¹⁶⁵

Уподобление кентаврам возникает здесь не случайно: уикенд в «зеленом лесу», по Саше Черному, — время, когда забывается утомительная повседневность («Париж — котел») и происходит условное возвращение к Истинному, Настоящему, Высокому. На это работают три пласта культурных ассоциаций, присутствующих в стихотворении: поэтический (молодой человек, фотографирующий свою возлюбленную, сравнивается с Ромео)¹⁶⁶, библейский (недвусмысленная аналогия с отдыхом Бога после шести дней творения: «Шесть дней в труде и давке. / А в день седьмой с приплодом и с женой / Сбегают в лес...»)¹⁶⁷ и, наконец, античный:

¹⁶⁵ *Черный Саша*. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. С. 319.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же. С. 318.

Любой маляр в сиреневых подтяжках
В неделю раз цветет, как римский бог¹⁶⁸.

Рубенсовское же сравнение мясников и их подруг с кентаврами — это прямое углубление в архаику, стоящую за античной пасторалью. «Хребты дугою» и «ноги, роющие землю» — в стихотворении фактически происходит возврат к доисторическому, первобытному времени, о чем свидетельствуют как участие в импровизированном матче «ликих подруг» мясников, как бы освобождающее игру в футбол от условностей цивилизации, так и отсутствие упоминаний о каких-либо правилах игры. Отметим также, что футбольная сценка включена в тот фрагмент стихотворения, который открывается словами «Впрочем, перейдем к природе» и в котором все становится ее частью, даже грузовик, обретающий «хобот» и словно растворяющийся среди зеленеющих берез. Из всех человеческих изобретений наиболее близким к природе оказывается футбол, на что указывает метафора «кожаный арбуз» — образ, в котором растительный мир соединяется с животным. В финале стихотворения Саши Черного футбольный мяч встраивается в соответствующий образный ряд, противопоставляемый миру цивилизации:

Запомним поезда и пароходы.
Шесть трудных дней, толкаясь и рыча,
Мы будем помнить — сосны, травы, воды,
Синицу, дрок и буйный взлет мяча¹⁶⁹.

И все же в веселой иронии Саши Черного с отсылкой к традиции Феокрита слышится элегический вздох: «пришлый элемент» — это вторжение отчуждающего «чужого слова» задевает не только фокса, не допущенного к матчу, но и его хозяина.

¹⁶⁸ *Черный Саша. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. С. 318.*

¹⁶⁹ Там же. С. 319–320.

Футбольная идиллия в эмигрантской поэзии может быть сдвинута в иронию, даже в абсурд — и все же остается идиллией. Подтверждением тому является странное стихотворение Бориса Поплавского, написанное, вероятно, в 1926 году:

ЛЮБОВЬ К ИСПАНЦАМ

Испанцы это вроде марокканцев
Прекраснейшие люди на планете
Они давно носили брюки клешем
Трень тренькали на саблях в добрый час

На красном солнце пели и лениво
Лениво умирали в тот же вечер
(Пилили горло бритвою шикарной
Еще пилоч и голос ик да ик)

Прекрасно молчаливо и хвастливо
Не зная о законе Альвогадро
Вытягивали в струнку нос залива
Чтобы на нем стоял футбольный мяч

Затягивали бесполезный матч¹⁷⁰.

Знаменательно, что и в авангардисткой игре Поплавского футбол, смещенный в крайнюю форму гротеска, в абсурдную несочетаемость, тем не менее вовсе не лишен идиллической ауры. «Бесполезный матч» воспринимается в одном ряду не только с «лениво умирали», но и с «прекраснейшими людьми», «добрым часом», «красным солнцем», «шикарной бритвой», наречием «прекрасно», то есть с эпитетами под общим знаком «экзотического», «чудесного» и «молодого». Магическая деформация всего и вся, волшебное нарушение соотношения вещей и природных законов (искажено на испанский манер даже имя автора закона — Альвогадро вместо Авогадро) не только не разрушают, а, напротив, абсолютизируют идиллию, доводят ее до гиперболы.

¹⁷⁰ Поплавский Б. Дадафония. Неизвестные стихотворения 1924–1927. М., 1999. С. 60.

Идиллическая география футбола в эмигрантской поэзии (Франция, Испания)¹⁷¹ была бы, конечно, неполной без родины футбола — Англии. Именно в Англии связь описательной поэзии в духе «Буколик» Вергилия с темой футбола была особенно прочной —

¹⁷¹ Отметим, что мотив «заграничности» футбола редко или почти совсем не актуализируется в советской поэзии 1920-х годов: если в фокусе внимания и оказывались футболисты-иностранцы, то, как правило, в качестве соперников, врагов. В этом смысле показателен сюжет фельетона, опубликованного в 1926 году: команда американских футболистов соглашается принять участие в экспериментальном полете на Луну, но в итоге ракете так и не удается подняться с аэродрома (*Веревкин В. На луну // Красный спорт. 1926. 15 августа*). Одно из немногочисленных исключений — стихотворение Павла Антокольского «Стокгольм», упоминание об игре в футбол в первой строфе которого носит вполне нейтральный характер:

«Футбольный ли бешеный матч, / Норд-вест ли над флагами лютый, / Но тверже их твердой валюты / Оснастка киосков и матч» (*Красная нива. 1924. № 49. С. 180*).

В эмигрантской же поэзии футбол и вообще спорт становится именно одним из знаков заграничной жизни. В стихотворении того же Поплавского «На белые перчатки мелких дней...» футбол (представленный словосочетанием «стоять на голу», гипаллагическим способом образованным из устойчивого словосочетания «стоять на воротах»), хоккей и чтение спортивной прессы оказываются в одном ряду с такими характерными реалиями, как визиты «к кондитеру напротив», приходы полицейского и использование «английской булавки для книг»:

«Непавая хоть не стоит на голу / И не двоится серая от смеха / Зане давно обучена хоккею / И каждый день жует Мируар де Спор» (*Поплавский Б. Дадафония. Неизвестные стихотворения 1924–1927. С. 98*).

Ср. также с английскими мотивами в шуточном стихотворении Л. Аркадского (Аркадия Бухова) «Товарищ Онегин» (1921), опубликованном в эмигрантской газете. Здесь о Лондоне рассказывается так: «Там любят от бифштексов плотных / Размять футболом животы, / А кстати есть и безработных / Весьма солидные хвосты» (*Эхо. [Каунас]. 1921. 5 июля*).

от поэмы Мэтью Конканена «Футбольный матч», написанной в начале XVIII века, с ее зачином: «Я пою удовольствия сельского люда»¹⁷², до буколической элегии А.Э. Хаусмена из «Шропширского парня» (1896): «Играют ли в футбол на берегу реки те парни и охотятся ли за мячом?»¹⁷³

Неудивительно, что эту тему и именно в этой связке подхватывает юный Владимир Набоков, живший тогда, в начале 1920-х годов, в Кембридже. В его стихотворении 1920-го года отсылка к английской традиции подчеркнута самим названием — «Football» (не «Футбол»!). Лирический герой стихотворения оказывается своим как среди британских игроков, так и в английской культуре:

Я видел, за тобой шел юноша, похожий
на многих; знал я все: походку, трубку, смех.
Да и таких, как ты, немало ведь, и что же,
люблю по-разному их всех.

Вы проходили там, где дружественно-рьяно
играли мы, кружась под зимней синевой.
Отрадная игра! Широкая поляна,
пестрят рубашки; мяч живой

то мечется в ногах, как молния кривая,
то — выстрела звучней — взвивается, и вот
подпрыгиваю я, с размаху прерывая
его стремительный полет.

Увидя мой удар, уверенно-умелый,
спросила ты, следя вращающийся мяч:
знаком ли он тебе — вон тот, в фуфайке белой,
худой, лохматый, как скрипач.

¹⁷² «I Sing the Pleasures of the Rural Throng...» (*Concanen M. A Match at Football: A Poem in Three Cantos // Verse in English from Eighteenth Century Ireland / ed. by A. Carpenter. Cork, 1998. P. 90*).

¹⁷³ «Is football playing / Along the river shore, / With lads to chase the leather...» («Is my team ploughing...» — *Housman A.E. The Works of A.E. Housman. Ware, Hertfordshire, 1994. P. 42*).

Твой спутник отвечал, что, кажется, я родом
из дикой той страны, где каплет кровь на снег,
и, трубку пососав, заметил мимоходом,
что я — приятный человек.

И дальше вы пошли. Туманясь, удалился
твой голос солнечный. Я видел, как твой друг
последовал, дымя, потом остановился
и трубкой стукнул о каблук.

А там все прыгал мяч, и ведать не могли вы,
что вот один из тех беспечных игроков
в молчанье, по ночам, творит, неторопливый,
созвучья для иных веков.

Кембридж,
26 февраля 1920¹⁷⁴

«Отрадная игра», «беспечные игроки» на фоне идеального ландшафта, не подвластного смене времен года, — «зимняя синева», «широкая поляна» — так скупое, но отчетливо очерчены здесь идиллические топосы. Все футбольное в стихотворении Набокова исполнено пасторальной гармонии: «мяч живой» и стихийный («как молния кривая») оказывается укрощенным «уверенно-умелым» игроком; азарт — смягченным симпатией («дружественно-рьяно / играли мы»), стремительность дневной забавы — уравновешенной «неторопливым» ночным творчеством. Если в советской поэзии 1920–1930-х годов футбол будет все более ассоциироваться с войной, то английский футбол в набоковском стихотворении, по контрасту как раз с революционной Россией («дикой той страной, где каплет кровь на снег»), ассоциируется скорее с танцем («играли мы, кружась под зимней синевой», «подпрыгиваю я»); при этом музыка творчества («созвучья») перекликается с музыкой футбола и вокруг футбола («как скрипач», «голос солнечный», «выстрела звучней» — военное сравнение умиряется музыкальным).

¹⁷⁴ Набоков В. Стихи. Анн Арбор, 1979. С. 24–25.

Пасторальному антуражу способствует также камерность в парадоксальном сочетании с широтой: с одной стороны, безграничные пространства «зимней синевы» и «широкой поляны», с другой стороны, нет ощущения многолюдства — скопления игроков и зрителей; есть музыка, но нет шума и гама; есть танец, но нет победы и поражения (голов, счета на табло, футбольной драмы). Идиллическое время стихотворения замыкается в блаженном «кружении» между трагическим прошлым (расставание со страной, «где каплет кровь на снег») и славным будущим («творенья для иных веков»).

Допустимо, впрочем, предположить, что перед нами, как это часто случается с Набоковым, текст-обманка¹⁷⁵. Стоит лишь высказать догадку о том, что строка о «стране», «где каплет кровь на снег», провоцирует внимательного читателя вспомнить не столько о красном революционном терроре 1917 — начала 1920-х годов¹⁷⁶, сколько о шестой главе «Евгения Онегина»:

...Пробили

Часы урочные: поэт
 Роняет молча пистолет,
 На грудь кладет тихонько руку
 И падает. Туманный взор
 Изображает смерть, не муку.
 Так медленно по скату гор,
 На солнце искрами блистая,
 Спадает глыба снеговая.

.....

Недвижим он лежал, и странен
 Был томный мир его чела.

¹⁷⁵ Подробнее о таких текстах см., например: *Лекманов О.А.* Владимир Набоков: принцип не совсем обманутых ожиданий (по рассказу «Весна в Фиальте») // *Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 117–123.*

¹⁷⁶ И о восстании декабристов?

Под грудь он был навывлет ранен;
Дымясь, из раны кровь текла.

.....

Зарецкий бережно кладет
На сани труп *оледенелый*...¹⁷⁷,

как весь смысл стихотворения «Football», и в частности представление о назначении идиллических образов, в наших глазах разительно изменится. Милый, но недалекий англичанин сообщает своей милой, но недалекой спутнице-англичанке о том, что один из игроков в футбол прибыл в Британию из *страны кровавой революции*. На самом же деле он прибыл из *страны Пушкина*, и в ночное время, когда англичане, подобно героям идиллической британской поэзии, мирно спят, наш герой, подобно Ленскому перед дуэлью, предается писанию русских стихов. Сравнение с Ленским в данном случае не должно смущать, ибо он здесь предстает двойником самого Пушкина как автора стихотворения «Когда для смертного умолкнет шумный день...» и других великих произведений о бессоннице и написанных во время бессонницы (вспомним, что, не только кровь Ленского, но и кровь самого Пушкина после дуэли с Дантесом «капала на снег»). Поэтому-то Набоков с легкостью преображает знаменитые «кудри черные до плеч» Ленского в «лохматость» лирического героя стихотворения «Football».

Процитируем также прозаический фрагмент из «Других берегов», содержащий не только многочисленные переклички с нашим стихотворением, но и прямую отсылку к Пушкину:

О, разумеется, были блистательные бодрые дни на футбольном поле, запах земли и травы, волнение важного состязания, — и вот, вырывается и близится знаменитый форвард противника, и ведет новый желтый мяч, и вот, с пушечной силой бьет по моему голу, — и жужжит в

¹⁷⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 5. Л., 1978. С. 115–116.

пальцах огонь от отклоненного удара. Но были и другие, более памятные, более эзотерические дни, под тяжелыми зимними небесами, когда пространство перед моими воротами представляло собой сплошную жижу черной грязи, и мяч был точно обмазан салом, и болела голова после бессонной ночи, посвященной составлению стихов, погибших к утру. Изменял глазомер, — и пропустив второй гол, я с чувством, что жизнь вздор, вынимал мяч из задней сетки. Затем наша сторона начинала напирать, игра переходила на другой конец поля. Накрапывал нудный дождь, переставал, как в «Скупом рыцаре», и шел опять. С какой-то воркующей нежностью кричали галки, возясь в безлиственном ильме. Собирался туман. Игра сводилась к неясному мельканью силуэтов у едва зримых ворот противника. Далекие невнятные звуки пинков, свисток, опять мутное мелькание — все это никак не относилось ко мне. Сложив руки на груди и прислонившись к левой штанге ворот, я позволял себе роскошь закрыть глаза, и в таком положении слушал плотный стук сердца, и ощущал слепую морось на лице, и слышал звуки все еще далекой игры, и думал о себе, как об экзотическом существе, переодетом английским футболистом и сочиняющем стихи на никому неизвестном наречии, о заморской стране¹⁷⁸.

Второе набоковское описание футбольного матча включено в «Университетскую поэму», написанную семь лет спустя — в 1927 году. Спортивные мотивы красной нитью проходят через всю поэму, в каком-то смысле представляющую собой «каталог» английских спортивных развлечений: гребля, крокет, лаун-теннис. И хотя строки о том, что «на свете нет забавы слаще... / В раю мы будем в мяч играть», относятся к теннису, один из кульминационных моментов поэмы происходит во время футбольного матча.

Впрочем, футбол упоминается уже в начале поэмы, при описании места действия — «древнего городка»:

А там, за речкой, за домами,
дерн, утрамбованный веками,

¹⁷⁸ Набоков В. Другие берега // Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1990. С. 279.

темно-зеленые ковры
для человеческой игры,
и звук удара деревянный
в холодном воздухе. Таков
был мир, в который я нежданно
упал из русских облаков¹⁷⁹.

Здесь обращает на себя внимание обилие качественных прилагательных: «темно-зеленые», «деревянный», «холодном». Это знак преемственности: игра в футбол вписана в традицию английской описательной поэзии, тоже «утрамбованную веками», — как и дерн футбольного поля. В набоковском описании футбола есть нечто предельно земное, конкретное (прямо противоположное эфемерным «русским облакам») и вместе с тем отстраненное: на поле, скованном молчанием (слышен только одинокий «звук удара») и холодом, словно нет ни зрителей, ни игроков. Это во многом связано с тем, что из годового цикла, которому следует английская описательная поэзия вслед за «Буколиками» и «Георгиками» Вергилия, Набоков выбирает зиму (в стихотворении «Football») и раннюю весну (в поэме). Такой выбор вовсе не отменяет «вечный полдень» пасторали, наоборот — утверждает ее повседневность и круглогодичность.

Далее у Набокова следует описание матча, который герой поэмы посещает вместе с «английской барышней» Виолетой¹⁸⁰:

20

Но вот однажды, помню живо,
в начале марта, в день дождливый,
мы на футбольном были с ней
соревнованьи. Понемногу
росла толпа, — отдавит ногу,
пихнет в плечо, — и все тесней

¹⁷⁹ Набоков В. Стихотворения. СПб., 2002. С. 313.

¹⁸⁰ Одним из прежних возлюбленных которой, между прочим, был «Джим, футбольный чемпион» (Там же. С. 316).

многоголовое кишенье.
С самим собою в соглашенье
я молчаливое вошел:
как только грянет первый гол,
я трону руку Виолеты.
Меж тем, в короткие портки,
в фуфайки пестрые одеты, —
уж побежали игроки.

21

Обычный зритель: из-под кепки
губа брезгливая и крепкий
дымок Виргинии. Но вдруг
разжал он губы, трубку вынул,
еще минута — рот разинул,
еще — и воет. Сотни рук
взвились, победу понукая:
игрок искусный, мяч толкая,
вдоль поля ласточкой стрельнул, —
навстречу двое, — он вильнул,
прорвался, — чистая работа, —
и на бегу издалека
дубленый мяч кладет в ворота
ударом меткого носка.

22

И тихо протянул я руку,
доверясь внутреннему стуку,
мне повторяющему: тронь...
Я тронул. Я собрался даже
пригнуться, зашептать... Она же
непотеплевшую ладонь
освободила молчаливо,
и прозвучал ее шуточный,
всегдашний голос, легкий смех:
«Вон тот играет хуже всех, —
все время падает, бедняга...»
Дождь моросил едва-едва;
мы возвращались вдоль оврага,
где прела черная листва¹⁸¹.

¹⁸¹ *Набоков В.* Стихотворения. С. 318–319.

Это место поэмы напоминает нам о традиционной связи пасторали с темой пастушеской любви, в том числе и неразделенной.

Любопытно, что в советских стихах о футболе 1920-х годов любовная тема практически не возникает. Более того, футбол в них иногда открыто противопоставляется всему романтическому. Так, один из героев инсценировки, с характерной фамилией Слабосильный, на призывы тренироваться реагирует следующим образом:

А, по-моему, — в мае —
Нужны нам (*мечтает*) — луна немая,
Запах сирени,
Дрожащие тени,
И не надо ни футбола,
Ни гандбола¹⁸²,
Ни всякого другого «бола»
(*со вздохом*)

Нужна только подруга противоположного пола, —
Чтобы сидеть с ней на пороге...¹⁸³

Едва ли не единственное исключение из этого правила (не считая цитировавшегося выше стихотворения «Товарищи, поспорьте о красном спорте!» Маяковского, где равнодушие к женскому полу приписывается, впрочем, не только футболистам, но спортсменам вообще) — практически не печатавшийся в 1920-е годы москвич Георгий Оболдуев, в поэзии которого эротические мотивы идут рука об руку с футбольными. В одном из его стихотворений в прозе футболист предстает в нетипичном амплуа удачливо-любовника: «Несмотря на цыганские синкопы, Валя

¹⁸² Соседство гандбола с футболом здесь, судя по всему, имеет целью дискредитацию последнего. Ср.: «От гандболов и футболов / Постепенно отстает...» (*Старт. Детство и отрочество* (нравоучительная повесть) // Красный спорт. 1927. 30 января).

¹⁸³ А. А. Майская инсценировка // Физкультура и спорт. 1928. № 14. С. 8.

была изъята окрестным футболистом, и ушла, лягаясь глазами»¹⁸⁴. В еще одном оболдуюевском стихотворении луна — свидетельница страстного любовного свидания вызывает ассоциации именно с футболом:

Ей:
опушка — поляной подпольной
на застыдливое «из-за локтя»
и —
— сразу позапосле:
штрафной рукой
по луне футбольной
— хоть за что-нибудь —
— «ни за что, ни про что» —
искрами наисладчайшей боли
глаза золотя¹⁸⁵.

В контексте недвусмысленно эротического описания фруктов возникает у Оболдуюева эпитет «футбольный» в стихотворении «Живописное обозренье»:

Холодные ляжки дынь;
Футбольные ядра арбузов;
Мускулистые волокна ананасов;
Мозолистые комья гранатов;
Потрескавшиеся губы апельсинов;
Ликерные язычки мандаринов;
Ватные шейки бананов;
Аппетитные ягодицы персиков¹⁸⁶.

¹⁸⁴ Оболдуюев Г. Стихотворения. Поэма. М., 2006. С. 236. Ср. также соединение эротических и футбольных мотивов в ироническом романе А. Лугина (Беленсона) 1928 года: «Кто без крайней надобности доверится женщине, шеголяющей в интервалах упруго-торчащим соском — этим чувственным знаменем своего журчащего успокоительно притворства? Никто не поверит обещаниям фрагментарного блаженства, параболически соединяющего земные души с небесными телами, метеорологически кидаемыми вниз венценосно улыбающимся футболистом» (Лугин А. Джадэ, или Трагические похождения индивидуалиста. <М., 1928>. С. 210).

¹⁸⁵ Оболдуюев Г. Стихотворения. Поэма. С. 84.

¹⁸⁶ Там же. С. 161.

Но в официальной советской поэзии 1920-х годов футбол и эротика, повторимся, предстают как две вещи несовместные. Отчасти этому способствовало сложившееся в то время стереотипное представление об инфантильном футболисте, с которым, как мы помним, «пропадешь от скуки». Героиня-ретроградка одного из фельетонов, опубликованных в «Красном спорте», воспринимает сына подруги — футболиста — как существо, полностью вырванное из системы семейно-родственных связей: «Не сын, граждане, голь-кипер у нее, понимаете! Сына женить пора, а он... физкультурничает»¹⁸⁷, а узнав о том, что он женат и жена у него «хорошая», воспринимает это весьма скептически: «Какая уж хорошая, думаю я, если муж голькипер... Жена его, отвечают мне, инструкторшей по плаванию служит и скоро с воды вернется. Ну, милые мои, посудите сами. Ежели муж голькипер, а жена его в воде обретается, то какое же у них поколение пойти может»¹⁸⁸.

Сходная альтернатива (любовь или футбол) — только не так плоско, как в газетном фельетоне, — намечена и в увлекательной детской повести «Республика ШКИД» (1927):

Так как на лето школа осталась на этот раз в городе, надо было искать курорт, и его нашли в Екатерингофском парке, а морем служил небольшой пруд около старого Екатерининского дворца.

Сюда устремились все помыслы шкидцев, к воде, к зелени, к футболу, и здесь за непрерывной бегомней по-степенно забывались теплые, белые, весенние ночи, *нежные слова и поцелуи*¹⁸⁹.

Совсем другое дело футбольная тема у Набокова — и в стихотворении «Football», и в поэме она неизменно

¹⁸⁷ Бухов Е. *Метаморфоза дыбом* // Красный спорт. 1925. 9 августа.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ *Белых Г., Пантелеев Л. Республика ШКИД*. М.; Л., 1927. С. 226.

соседствует с темой любви. В описании Набокова из поэмы атмосфера «буйственной игры»¹⁹⁰ вновь, как и в раннем стихотворении «Football», парадоксально сочетается с камерностью. Здесь наконец-то появляются зрители, причем весьма многочисленные («многоголовное кишенье») и увлеченные игрой: «отдавит ногу, / пихнет в плечо»); набрасывается и портрет типичного болельщика. Но именно там, где сидят Виолета и влюбленный в нее герой поэмы, удивительным образом сохраняется молчание («в соглашенья / я молчаливое вошел», «ладонь / освободила молчаливо»), которое он боится нарушить («Я собрался даже / пригнуться, зашептать») и которое позволяет, в частности, услышать стук сердца: «И тихо протянул я руку, / доверясь внутреннему стуку, / мне повторяющему...». В итоге единственными словами, произнесенными за все время матча на всем гигантском пространстве (поле, трибуны), оказываются слова героини, сопровождаемые, впрочем, столь же эфемерным, как и все происходящее, «легким смехом».

Получается, что футбол в сочетании с любовной темой вовсе не является выражением страсти и вообще — стихийных сил; в футбольном эпизоде поэмы снимается накал спортивного азарта, и в центре внимания оказывается не соревновательный, а эстетический аспект игры. Это смещение дает сцене неудачного свидания и теме безответной любви неожиданную идиллическую подсветку.

6

Если от эмигрантских стихов о футболе вновь вернуться к советским маргиналиям, то сразу же бросится в глаза смена жанра — от пасторали к элегии.

Когда, например, ленинградец Николай Максимов пытается развернуть футбольную метафору от «вой-

¹⁹⁰ Набоков В. Стихотворения. С. 323.

ны» («грозы военной») к «покою», его тон с неизбежностью становится печальным, а за декларируемым легкомыслием прячется ламентация:

Не коронован я молвой стоустой
И прохожу по миру налегке,
Я не с державным яблоком в руке,
Я с глупым мячиком искусства.

А небо дымное грозитя мне,
И голый год взрывается гранатой,
И все грозой военною объято
В глухой и бедной нашей стороне.

Но говорить могу лишь о покое,
И образы мои давно нашел:
Плодовый рай и ветреный футбол
И небо нежно-голубое¹⁹¹.

Максимовское стихотворение построено по схеме «*tecusatio*» — отказа от высокой темы в духе горацанскому «*ego aris*» («я пчела») — формулы лукавого самоумаления перед «лебединым» полетом великого Пиндара¹⁹². На месте легендарного одописца у Максимова явно оказывается Мандельштам в его одической роли: возвышенному «державному яблоку» (отсылка к строке «Державным яблоком катящиеся годы» из мандельштамовского стихотворения «С веселым ржанием пасутся табуны», 1915) противопоставлена малая величина — «глупый мячик искусства». Характерно, что действие стихотворения 1915 года, из которого Максимов как раз и берет антитезу мирной, безмятежной жизни и «гроз» истории, разворачивается в античной древности — максимовский же лирический герой обречен на современность и хочет

¹⁹¹ Максимов Н. Стихи. Л., 1929. С. 46.

¹⁹² «Полным ветром мчится диркейский лебедь / Всякий раз, как ввысь к облакам далеким / Держит путь он, я же пчеле подобен / Склонов Матина» («Ода Юлу Антонию», пер. Н. Гринцберга).

спрятаться от нее в укромных уголках идиллии и анакреонтики.

Проводником в этот чаемый мир малого должен стать мяч — символ легкости бытия: «державное яблоко» пугает тяжестью, а «мячик искусства» невесом, с ним можно пройти «налегке» к райским «плодам» и «ветреному футболу». Но на этом пути поэт никак не может преодолеть притяжения другого мандельштамовского стихотворения — «Только детские книги читать...» (1908), с его топикой «глубокой печали» и меланхолической усталости. При этом элегическая тема окрашивается в особенно мрачные, едва ли не эсхатологические тона, ведь путь к «ветреному футболу» лежит через страшные образы «неба дымного», «голового года»¹⁹³ и «грозы военной». А.А. Кобринский, справедливо указывая на то, что «тема игры — как предсмертного существования»¹⁹⁴ возникает у Максимова под влиянием Мандельштама, замечает: «Ощущение собственной обреченности было присуще Н. Максимову...»¹⁹⁵. Футбольный «вечный полдень» пасторали в стихотворении Максимова явно не состоялся.

Неудивительно, что в другом стихотворении этого поэта «ощущение собственной обреченности» оказывается спроецированным на судьбу целого поколения — посредством опять же футбольной метафоры:

ФУТБОЛ

Есть жизни, как игральные мячи,
Такие легкие, но есть иные,
Не смех, а смерть таят их роковые
Забавы — метеоры и смерчи.

¹⁹³ Максимов как формулой пользуется заглавием романа Бориса Пильняка («Голой год») о 1918 году.

¹⁹⁴ Кобринский А. О Хармсе и не только: статьи о русской литературе XX века. С. 149.

¹⁹⁵ Там же.

Бывает в мире замкнуто и гладко,
Как солнечная милая площадка,
И простодушно катится игра,
То снова беды мчатся через край.

И в вечном беге дышит вдохновенье,
И в самый черный, самый голый год
Я чувствовал: за вековой исход
Трагическое билось поколение.

И думал я: «Как тягостен ваш труд,
Борцы за век, но завтрашнюю сменой
О, нет, но вы, но юные спортсмены
Уверенной походкою придут».

И вот сегодня труд мой не тяжел,
Веселый труд — повсюду слышать время,
И сознавать, что уж иное племя
Вот здесь играет в ветреный футбол¹⁹⁶.

Здесь Максимов откровенно-элегически договаривает то, что подразумевалось в «Не коронован я молвой стоустой...». Стремление приобщиться к «ветреному футболу» как метафоре «легкости бытия», по иронии стихотворения оборачивается все увеличивающейся элегической дистанцией. Парафраз хрестоматийных строк из пушкинского «Вновь я посетил...» проводит решающую черту разделяющего времени: поэт оказывается отчужденным от «солнечной милой площадки», по ту сторону черты — со старым, отошедшим; волшебство же футбола принадлежит «иному племени», юным, отменяющим поэта с его «трагическим поколением».

Так, в стихотворении Максимова «Футбол», кажется, единственный раз в советской поэзии 1920-х годов с «другой» стороны — со стороны отжившего поколения — трактуется ключевая для эпохи тема — борьба старого и нового за новый мир.

¹⁹⁶ Максимов Н. Стихи. С. 45.

Высшей точкой маргинальной линии в футбольной поэзии этого времени можно считать «Весенних журавлей» Марка Тарловского (1926) — элегия здесь углублена медитацией:

В журавлином клину
Мне нельзя улететь —
Сердце бьется в плену
О костлявую клеть;

И, едва заскрипят
Журавли над двором, —
Я от шеи до пят
Обрастаю пером.

О, сердечный напев!
Успокойся, усни,
Замолчи, ослабев
От весенней возни!

Не унять кутерьмы, —
И кровавый комок
Белогрудой тюрьмы
Отмыкает замок.

Воля бьет напролом,
Воля любит нажим;
Сердце машет крылом —
И одним, и другим,

И, нежданно-летуч,
Окровавленный мяч
Серокрылых из туч
Вызывает на матч.

Но спортсменскую знать
В перелете на приз
Он не в силах догнать —
Он срывается вниз...¹⁹⁷

Поэтическое действие у Тарловского следует старой романтической схеме двоимирия, при этом смещая

¹⁹⁷ Тарловский М. Иронический сад. М.; Л., 1928. С. 33–34.

ее неожиданной метафорой (conceiti): земному пространству, в котором элегически томится поэт, противостоит платонический верх — «журавлиное» небо. Прорыв из одного пространства в другое совершается в предпоследней строфе — резким метафорическим скачком: сердце лирического субъекта превращается в мяч — видимо, футбольный. Но действительно ли в этот момент совершается метаморфоза? Возможно, она подсвечивает текст уже с первой строфы: возникающее здесь «биение» кровавого комка о «костлявую клеть» (названную в четвертой строфе «белогрудой тюрьмой») может напомнить как раз о мяче, бьющемся в сетке, а лексический ряд, характеризующий движения сердца в третьей—пятой строфах («возня», «кутерьма», «бьет напролом», «нажим»), стилистически весьма близок к описаниям футбольных матчей в прессе тех лет.

Итак, силой воли условная футбольная игра переносится в воздушное пространство. Здесь (в шестой строфе) спортивная метафора обнажается, и тут же обнаруживаются некоторые странности. К частотному, как мы убедились, приему поэзии 1920-х годов — переносу внимания с игроков на предмет (мяч у Тарловского становится единственным активным участником игры и даже самостоятельно «вызывает на матч») — добавляется сдвиг метафоры «жизнь — матч»: в небе лишь одна команда, которой мяч и бросает вызов, — «клин журавлей» как неделимое целое. И «мяч», и «матч» в стихотворении старательно остранены. Традиционный мотив романтического бунта (сердце, не желающее подчиняться земной неизбежности) подновлен экспрессивной футбольной метафорикой («ударами напролом» и «нажимом»), достигающей кульминационного парадокса: «окровавленный мяч», вопреки здравому смыслу и порядку вещей, пытается перескочить (наподобие ходасевичевского — «перескачи, перелети») из объекта игры в

субъект, из ведомого в ведущего, из игрушки мировых сил в равного им.

Но в последней строфе футбольный матч сменяется состязанием совсем другого рода, заведомо проигрышным для «окровавленного мяча», — «перелетом на приз». Итог развития футбольной метафоры неизбежен, заранее определен логикой медитативной элегии и законом романтической иронии. Сердце, как «окровавленный мяч», не может ни ужиться «в белогрудой тюрьме» (и, реализуя платоническую метафору, — «обрастая пером», рвется в небо), ни достичь небесной «спортсменской знати» (и — снова по-платоновски — «срывается вниз»). Метафорические вариации не отменяют общего приговора футбольной элегии — отчуждения поэтов — «внутренних эмигрантов» от юности и нови.

В заключение этой главы попробуем ответить на вопрос: как соотносится с советской спортивной поэзией 1920-х годов, во всех ее жанровых вариантах, едва ли не главное (и уж точно — самое загадочное) футбольное стихотворение десятилетия? Речь о «Футболе» Николая Заболоцкого, датированном в его книге «Столбцы» августом 1926 года:

Ликует форвард на бегу.
теперь ему какое дело? —
как будто кости берегут
его распахнутое тело.
Как плащ, летит его душа,
ключица стучается звонко
о перехват его плаща.
Танцует в ухе перепонка,
танцует в горле виноград,
и шар перелетает ряд.

Его хватают наугад,
его отравую поят,

но каблуков железный яд
ему страшнее во сто крат.
Назад!
Свалились в кучу беки,
опухшие от сквозняка,
и вот — через моря и реки,
просторы, площади, снега,
расправив пышные доспехи
и накренья в меридиан,
слетает шар.

Ликует форвард на пожар,
свинтив железные колена,
но уж из горла бьет фонтан,
он падает, кричит: измена!
А шар вертится между стен,
дымится, пучится, хохочет,
глазок сожмет — спокойной ночи!
глазок откроет — добрый день!
и форварда замучить хочет.

Четыре гола пали в ряд,
над ними трубы не гремят,
их сосчитал и тряпкой вытер
меланхолический голкипер
и крикнул ночь. Приходит ночь.
Бренча алмазною заслонкой,
она вставляет черный ключ
в атмосферическую лунку —
открылся госпиталь.

Увы!
Здесь форвард спит
без головы.

Над ним два медные копыя
упрямый шар веревкой вяжут,
с плиты загробная вода
стекает в ямки вырезные,
и сохнет в горле виноград.
Спи, форвард, задом наперед!

Спи, бедный форвард!
Над землю

заря упала глубока,
танцуют девочки с зарею
у голубого ручейка;
все так же вянут на покое
в лиловом домике обои,
стареет мама с каждым днем...
Спи, бедный форвард!
Мы живем¹⁹⁸.

Прежде всего стоит отметить, что, подобно большинству поэтов 1920-х годов, Заболоцкий видит в футболе характерную приметку *нового быта*, наряду с *фокстротом*, *народным домом*, пивной «Красная Бавария» и другими явлениями, репрезентирующими советскую современность¹⁹⁹. Как и для многих других, футбол для автора «Столбцов» — это вид спорта, чреватый всевозможными травмами и увечьями, провоцирующий стихотворцев на обильное использование военной метафорики.

Более того, у стихотворения Заболоцкого, возможно, имелся если не свежий, газетный, то все-таки вполне реальный повод²⁰⁰ — относительно недавний эпизод из истории этого молодого вида спорта.

¹⁹⁸ Заболоцкий Н. Столбцы. Л., 1929. С. 13–15.

¹⁹⁹ Курсивом в этом предложении мы выделили слова и словосочетания, представляющие собой заглавия стихотворений в книге «Столбцы»: «Новый быт», «Фокстрот», «Красная Бавария».

²⁰⁰ Абсолютное отсутствие привязки к конкретным событиям и фигурам — вполне в духе того времени. Несмотря на то что в 1920-е годы на слуху были имена целого ряда футболистов (Н. Старостин, Вл. Блинков, Н. Соколов, П. Канунников и т.д.), а в спортивной прессе широко освещались встречи советских команд с зарубежными, практика посвящения стихотворений конкретным игрокам еще не сложилась. Одно из немногочисленных исключений — два четверостишия, опубликованные в 1928 году (Физкультура и спорт. 1928. № 23. С. 11):

Футбольная статистика перечисляет имена пятерых футболистов — четверых англичан и одного аргентинца, в период с 1889 по 1922 год погибших прямо на поле или получивших там смертельные травмы. Последний из них, аргентинец Джакобо Урсо, форвард прославленной команды «Сан-Лоренсо де Альмагро» в матче против клуба «Эстудиантис», состоявшемся 30 июля 1922 года, столкнулся с двумя игроками соперника и сломал себе два ребра, одно из которых проткнуло его легкое. Поскольку замены тогда были запрещены, мужественный форвард отказался покинуть товарищей, поучаствовал в победном голе «Сан-Лоренсо», а по окончании матча замертво рухнул на поле. Он был госпитализирован, перенес две операции, однако через неделю скончался в больнице. Врачи сошлись на том, что, если бы Джакобо начали оказывать помощь сразу после получения травмы, дело бы не окончилось летальным исходом. В день похорон гроб с телом Урсо несли на кладбище тысячи болельщиков «Сан-Лоренсо».

Как кажется, сопряжение обстоятельств этой гибели с «Футболом» Заболоцкого могло бы кое-что прояснить в этом темном стихотворении.

СЕЛИН

В игре ты точно прима-балерина,
Так смена поз твоих изящна и легка,
Ты смело прыгаешь противнику на спину,
Ногой своей пронзая облака...

ИСАКОВ

Прямо удивительно,
До чего
У него
Ноги рассудительны...

У большинства поэтов 1920-х годов «безымянность» игроков связана с тем, что фокус внимания переносится на их — почти всегда отягощенные дополнительным смыслом — функции (вратарь), или же с тем, что счет идет не на отдельных футболистов, а на команды. У Заболоцкого же безымянность игрока — неперемнное условие игры; как только форвард вступает в нее, он перестает быть кем-то еще: «теперь ему какое дело?».

Так, зловещее «*как будто*» в зачине:

как будто кости берегут
его распахнутое тело —

возможно, скрывает в себе намек на ту «кость» (сломанное ребро), которая в итоге проткнула легкое Урсо²⁰¹.

Без натяжек монтируются с образом темпераментного латиноамериканца мотивы *плаща* и *вина* («танцует в горле виноград») из первой строфы «Футбола».

Строки:

и вот — через моря и реки,
просторы, площади, снега,
расправив пышные доспехи
и накреньясь в меридиан,
слетает шар

— могут намекать на удаленность места футбольного сражения, описываемого в стихотворении, от той точки, где находится автор. Сюда же — строка «Спи, форвард, задом наперед», в которой, возможно, поэт обращается к Урсо как к географическому антиподу автора и читателей стихотворения «Футбол».

Строки:

Здесь форвард спит
без головы

— безусловно, связанные с метафорическим лейтмотивом «мяч — шар» из стихотворения Заболоцкого (земной шар, виноградина, бомба) и восходящие к заглавию знаменитого романа Майн Рида, могут в предлагаемом нами контексте означать и безрассудного до глупости (безголового) Урсо, отказавшегося от медицинской помощи.

²⁰¹ Может быть, именно желая избавить стихотворение от излишней конкретики, Заболоцкий впоследствии заменил процитированные строки на: «Недаром согнуто в дугу / Его стремительное тело?»

Идеально вписываются в футбольную биографию Джакомо Урсо мотивы госпиталя, могильной плиты и последнего прощания с «бедным форвардом».

Но даже если бы мы оказались правы²⁰² и одним из ключей к стихотворению Заболоцкого «Футбол» послужила бы смерть аргентинского форварда, пришлось бы констатировать, что автор «Столбцов» надежно спрятал этот «биографический» ключ от читателя.

А ведь стихотворение и без того полно энигматических мотивов. Некоторые из них расшифровываются относительно легко: «алмазная заслонка» — звездная ночь; «два медные копья», которые «упрямый шар веревкой вяжут», — спицы и клубок шерсти, метонимически указывающие на прядение Парок и символизирующие ход времени, переплетение человеческих судеб; танцующие у ручья «девочки» — человеческие души²⁰³.

Другие образы (и особенно связи между этими образами) уже труднее поддаются расшифровке. Чтобы предложить их толкование, нам придется перейти из области реального комментария в область поэтики. Как представляется, прояснить некоторые мотивы стихотворения «Футбол» помогает знание об одном из ключевых принципов поэтики раннего Заболоцкого, в полной мере проявляющемся в этом стихотворении. У автора «Столбцов» очень часто мотив, возникающий как составляющая сравнения или метафоры, оплотневает в реальный предмет и порождает цепочки ассоциаций.

²⁰² К сожалению, поиски в советских спортивных газетах и журналах 1920-х годов пока не выявили материалов о гибели Урсо, с которыми мог бы ознакомиться Заболоцкий.

²⁰³ О душе-девочке в «Футболе» и других стихотворениях раннего Заболоцкого см.: *Лошилов И.* О некоторых неочевидных источниках поэтического мира Николая Заболоцкого. Два сюжета // Сетевая словесность. <<http://www.netslova.ru/loshilov/2sjuzheta.html>>.

Так, «плащ» из сравнения «душа, как плащ», использованного в зачине «Футбола», тут же превращается в реальный плащ («ключица стучается звонко / о перехват его *плаща*»), порождая ассоциацию — «*рыцарский плащ*» и следом — серию образов, связанных с войной и рыцарской тематикой: «каблуков железный ряд», «пышные доспехи», «железные колена».

Отчасти сходным образом мотив круглого мяча (шара) порождает цепочку: земной шар — голова — бомба — глазное яблоко — клубок шерсти.

Сходную технику порождения образов не любивший Заболоцкого Осип Мандельштам позднее (в 1933 году) опишет, рассуждая о поэтике Данте: «И в самом деле, представьте себе самолет, — отвлекаясь от технической невозможности, — который на полном ходу конструирует и спускает другую машину. Эта летательная машина так же точно, будучи поглощена собственным ходом, все же успевает собрать и выпустить еще третью. Для точности моего наводящего и вспомогательного сравнения я прибавлю, что сборка и спуск этих выбрасываемых во время полета технически немислимых новых машин является не добавочной и посторонней функцией летящего аэроплана, но составляет необходимейшую принадлежность и часть самого полета и обуславливает его возможность и безопасность в не меньшей степени, чем исправность руля или бесперебойность мотора. Разумеется, только с большой натяжкой можно назвать развитием эту серию снарядов, конструирующихся на ходу и выпархивающих один из другого во имя сохранения цельности самого движения»²⁰⁴. Нетрудно заметить переключку этих слов с программными высказываниями самого Заболоцкого: «Бессмыслица не от того, что слова сами по себе не имеют смысла, а бессмыслица от того, что чисто смысловые слова поставлены в необычайную

²⁰⁴ Мандельштам О. Разговор о Данте // Мандельштам О. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 233.

связь — алогического характера. Необычное чередование предметов, приписывание им необычайных качеств и свойств, кроме того — необычайных действий. Говоря формально — это есть линия метафоры. Всякая метафора, пока она жива и нова, — алогична. <...> Обновление метафоры могло идти лишь за счет расширения ассоциативного круга — эту-то работу Вы и предельваете, поэт²⁰⁵, с той только разницей, что Вы материализуете свою метафору, т.е. из категории средства Вы ее переводите в некоторую самоценную категорию. <...> Вы <...> ушли в мозаическую лепку о материализованных метафорических единиц²⁰⁶.

Рассуждения поэтов о поэтическом языке многое объясняют в «цельности <...> движения» — «алогической» логике раскручивания сложных образных цепочек от строфы к строфе «Футбола» Заболоцкого. Так, смысловыми полюсами стихотворения, очевидно, являются метафоры «вино жизни» (в первой строфе: «танцует в горле виноград») и «вино смерти» (в предпоследней строфе: «и сохнет в горле виноград»). Между этими полюсами возникают «линии метафоры» — параллельные и последовательные сцепления образных элементов («серии снарядов»). Во-первых, это «ассоциативный круг» под метафорическим знаком «избытка жизни», предельной телесной и душевной динамики: «распахнутое тело», «летит <...> душа», «ключица стучается звонко», «танцует <...> перепонка», «ликует форвард на пожар»; «мозаическую лепку» данных «единиц» объединяет вектор «выходения из себя», порыва вовне, аналогичного тем «сильным движениям», которые в античных эпосе и драме за-

²⁰⁵ Заболоцкий обращается к А. Введенскому (манифест озаглавлен «Мои возражения А.И. Введенскому, авторитету бессмыслицы»).

²⁰⁶ Заболоцкий Н.А. Огонь, мерцающий в сосуде: Стихотворения и поэмы. Переводы. Письма и статьи. Жизнеописание. Воспоминания современников. Анализ творчества. М., 1995. С. 181–183.

ставляют «сердце» («тюмос») и «душу» («т्यूхе») покидать свое вместилище, тело. Во-вторых, это формулы катастрофической оборачиваемости, перехода из состояния переполненности жизнью в болезнь, распад и смерть: «беки, опухшие от сквозняка» (соответственно, и «шар <...> пучится»), «свинтив железные колена», «из горла бьет фонтан», «форвард спит без головы». В-третьих, это превращение «вина жизни» в «смертельный напиток»: «отравую поят», «каблуков железных яд», «опухшие от сквозняка», «загробная вода». Связующей же идеей для всех расходящихся рядов «метафорических единиц» становится утверждение героического энтузиазма, требующего героической жертвы.

В связи с этим весьма соблазнительно предложить в качестве подтекстового источника «Футболиста» книгу сонетов и диалогов Дж. Бруно «О героическом энтузиазме». Действительно, бросается в глаза совпадение образов: «алмазная заслонка» ночи у Заболоцкого — «двери из черных алмазов» из VII сонета Бруно («*porte di diamantenege*» — в переводе А. Эфроса — «Черно-алмазные затворы отпирает»²⁰⁷); летящая душа форварда — «далеко ушедшее сердце» «энтузиаста» (XX сонет)²⁰⁸; израненный, забитый «каблуками» футболист — возвышенный Актеон из XVIII и XXIII сонетов, растерзанный псами своих сомнений и страстей²⁰⁹; «Ликует форвард на пожар» — «Моим пожаром, вижу, небо рдеет» (сонет LVII²¹⁰); избыток жиз-

²⁰⁷ Бруно Дж. О героическом энтузиазме. Киев, 1996. С. 57.

²⁰⁸ «Безумцы, пестуйте свои сердца! / Мое ж ушло далекою тропюю, / Где, схваченное грубою рукою, / С восторгом ждет смертельного конца» — перевод А. Эфроса (Там же. С. 92).

²⁰⁹ «Как вы теперь впились в меня! Какая / В вас ярь и страсть, чтоб жизнь я потерял? / <...> Скажи. Судьба, когда мой тяжкий груз / Даст естеству разъять меня на части?» — перевод А. Эфроса (Там же. С. 102).

²¹⁰ Перевод Ю. Верховского (Там же. С. 201).

ненной энергии, обращающийся гибелью, и жизнеутверждающие финальные строки стихотворения из «Столбцов» («Спи, бедный форвард! / Мы живем») — «Живу во смерти смертью живою» в X сонете²¹¹.

Возможны и другие сопоставления — но с существенной оговоркой: «О героическом энтузиазме» было издано в русском переводе только в 1953 году; о степени знакомства Заболоцкого с итальянской поэзией можно лишь догадываться. Поэтому все предположения по поводу переключек автора «Столбцов» с сонетами и диалогами Бруно до прояснения контекста надо оставить в области маргинальных гипотез. И все же нельзя не обозначить саму тенденцию, независимо от догадок о возможных источниках «Футбола»: Заболоцкий, без сомнения, так или иначе оказывается в резонансе идеи героического энтузиазма, восходящей к высокому Ренессансу.

В любом случае, знал автор «Столбцов» или не знал содержание книги Бруно, строки из последней — например, истолковывающие миф об Актеоне — могут неожиданно прояснить содержание стихотворения: «В охоте божественной и универсальной он [охотник — А. А., О. Л., М. С.] развертывает такой охват, что и сам, по необходимости, оказывается охваченным, поглощенным, присоединенным». Актеон становится уже не охотниками, а «преследуемой дичью», пожирается и «делается развязанным от уз потрясенных чувств»²¹². В стихотворении Заболоцкого ведь тоже — «стремительное тело» форварда не просто деформировано извне («согнуто в дугу» во второй редакции) — оно на глазах распадается на множество частей (ключица, ухо, горло), которые эмансипируются от единого целого и «ликуют» — «танцуют» — уже самостоятельно. В первой же строфе дана и мотиви-

²¹¹ Перевод А. Эфроса (*Бруно Дж. О героическом энтузиазме*. С. 65).

²¹² Там же. С. 196–197.

ровка этого распада: в процессе игры душа как бы отделяется от тела (так в стихотворение вводится подспудный сначала мотив смерти).

Но и «дичь», по логике поэтической диалектики, должна превратиться в «охотника» — и вот «оживает», начиная свой хищный полет, мяч. По ходу стихотворения активность мяча возрастает, а охота перерастает в сражение; соответственно, мяч уже не просто «дичь» или «охотник», а враг форварда, предводитель множества врагов. При этом метафора охоты-сражения приобретает явно средневековый колорит: бутсы становятся «каблуками», оживший мяч оказывается облаченным в доспехи, на него метафорически накладывается силуэт рыцаря («пышные» напоминает о плюмаже, а «накренься» — о копье наперевес). Обращивается рыцарем, как бы принимая вызов мяча, и форвард: «свинтив железные колена», он тоже кажется закованным в латы.

Вместе с соединением временных пластов (Средневековье — эпоха «героического энтузиазма» — современность — сиюминутность) разрастается и пространственное всеединство: мяч (дичь-охотник, рыцарь-враг) метафорически переосмыслиется как первоэлемент мировой системы, в которой «господствует шарообразность»²¹³; за ним выстраивается динамичный ряд шаров всех сортов и размеров — взятых то в масштабе микрокосма, то в масштабе макрокосма, от танцующей в горле форварда «виноградины» и головы, которой он в конце концов лишится, до всего земного шара. Так, и форвард, и мяч оказываются в процессе любви-борьбы и взаимной смены ролей равно «охваченными, поглощенными, присоединенными».

Оглядка через книгу Дж. Бруно на ренессансный «энтузиастический» контекст помогает оценить и ис-

²¹³ Кобринский А. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда: в 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 128.

тинный смысл слова «душа», появляющегося уже в первой строфе («Как плащ, летит его душа»); отметим, что из всех известных нам стихотворений о футболе, написанных в 1920-е годы, только у Заболоцкого используется это слово. Позволим себе не согласиться с мнением В. Альфонсова, согласно которому ключевой идеей стихотворения Заболоцкого является идея «победы вещи над человеком, потери духовности»²¹⁴. Напротив, футбол, по Заболоцкому, — это апофеоз воодушевленности и одухотворенности, наполняющих не только отдельно взятого игрока, но и весь мир. Душа форварда в своем гибельном ликовании соединяется с «душой мира», а его жертва связывает («меридианами») всех со всеми в единое — всемирное — целое, во всечеловеческое «мы» («Спи, бедный форвард! / Мы живем»).

В «энтузиастическом» стремлении к универсализму «Футбол» Заболоцкого не только противопоставлен футбольной поэзии второго десятилетия XX века, но и оказывается ее итожащей кульминацией. В этом не очень длинном стихотворении, по сути, собраны все основные жанровые значения футбола этой эпохи и намечены новые — которые будут определять развитие темы в последующие эпохи. Как многие выдающиеся модернистские стихотворения, «Футбол» построено по принципу коллажа жанров, с резкими переборами «высокого» и «низкого». «Свалились в кучу беки» как будто выхвачено с пылу с жару низовой, фельетонной поэзии 1920-х годов с ее гротескно-сатирическими нотациями по поводу футбольного травматизма. «Меланхолический голкипер» сдвигает стихотворение в сторону элегии, а «в лиловом домике обои» и стареющая мама добавляют ей романсовый тон, с отзвуком «есенинщины». Разрастание элегии до погребального, френического плача («За ним загробная вода / Стекает в ямки вырезные»; «Спи, бедный форвард!») уравни-

²¹⁴ Альфонсов В. Слова и краски. СПб., 2006. С. 208.

вешивается в той же последней строфе пасторалью: «танцуют девочки с зарею у голубого ручейка».

Но все эти жанровые фрагменты и лоскуты, «мозаически» слепленные и сшитые в «Футболе», составляют единое целое только благодаря синтезирующему влиянию высокой оды. Прежде всего стихотворение захвачено одической стихией в духе высокой лирики XVIII века. Ликование и восторг форварда, конечно, вызывают в памяти знаменитое ломоносовское «Восторг внезапный ум пленил»; причем не только восторг, но и вся буря чувств, поднимающаяся в «Футболе», весь их диапазон (ликование, ужас, гнев, торжество, «пожар» в душе) и отсутствие (вплоть до последней строфы) каких-либо эмоциональных полутонов — все это несомненные признаки классической русской оды. Отсюда же во многом и предельный динамизм «Футбола», в котором все находится в состоянии «постоянного движения, изменения, мелькания»²¹⁵ («...даже описание могилы форварда <...> выглядит как действие»²¹⁶, — справедливо отмечает А. Полян). Наконец, одический подъем футбольной темы проявляется здесь в пространственном расширении, достигающем вселенского масштаба. Путешествие мяча «через моря и реки, / Просторы, площади, снега», с характерным охватом необозримых пространств, увиденных с высоты птичьего полета, — напоминание об одном из ключевых приемов ломоносовского одизма; ср., например, в той же Хотинской оде Ломоносова:

Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухия степи — равен путь...²¹⁷

²¹⁵ Полян А. Стихи о спорте Мандельштама и «Футбол» Заболоцкого: совпадение или подражание? // Литература. 2004. № 46. С. 25.

²¹⁶ Там же. С. 24.

²¹⁷ Ломоносов М. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л., 1950–1959. Т. 8. С. 20.

Или:

Орел когда шумя летит
И там парит, где ветер не воет
Превыше молний, бурь, снегов...²¹⁸

На этом скрытый экскурс в историю одической поэзии не останавливается. После четвертой, кульминационной строфы стихотворения совершается перелом; строфы пятая и шестая имеют уже другую эмоциональную окраску. Ликование и ужас, преобладавшие до этого, сменяются унынием и меланхолией, а азартные («Назад!»), возмущенные («измена!»), издевательские («спокойной ночи!», «добрый день!») восклицания — ламентациями: «Увы, / Здесь форвард спит / без головы». Но и это — не выход за рамки оды, а следующий шаг — от ломоносовской к державинской традиции, к «Оде на смерть князя Мещерского». Из «ночной» оды рубежа XVIII–XIX веков наплывает в футбольное стихотворение сама фигура Ночи, разворачивается эмблематическое описание надгробия; наконец, замыкание «ассоциативного круга» — от винограда жизни до винограда смерти — высекает искру соответствия с державинской «Одой»: «Где стол был яств, там гроб стоит». Финал же стихотворения отсылает к высоким жанрам XIX века — к знаменитой формуле шиллеровской античной баллады, воспроизведенной сначала В.А. Жуковским в «Торжестве победителей» (ср. с «Торжеством земледелия» Заболоцкого):

Спящий в гробе, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущий²¹⁹, —

а затем пропущенное через гейневскую иронию Н.А. Некрасовым в «В.Г. Белинском»:

²¹⁸ Ломоносов М. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 8. С. 27.

²¹⁹ Жуковский В.А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 161. Другие формулы Жуковского, актуальные для «Футбола» Заболоцкого: «Лучших бой похитил ярый!» (С. 159); «Ты своею силой пал» (С. 159).

Живой печется о живом,
А мертвый спи глубоким сном...²²⁰

Важны не только те, кто встраиваются в эту цепочку аллюзий, «мозаическую лепку» истории русской высокой поэзии, но и значимые пробелы: Заболоцкий творит новую, футбольную оду через голову торжественной традиции Ф.И. Тютчева и О.Э. Мандельштама, демонстративно отталкиваясь от них. Только прививка абсурда, «алогизма», тотальной иронии, фантастического сдвига сюжета, газетного быта может спасти и оживить высокий жанр — такая жанровая идея «Футбола». Что это значит для истории футбольной темы в поэзии 1920-х годов? Главным образом то, что новыми средствами именно на футбольном материале Заболоцкий создает *современную философскую оду* — а значит, и то, что для следующих десятилетий, после замораживания литературной эволюции в 1930–1940-х годах, за футболом будет авторитетно закреплен статус высокой поэтической темы²²¹.

Жанровый синтез под знаком оды как решающий и кульминационный момент в футбольной поэзии 1920-х годов поднимает на новый уровень и магистральную ее тему — тему юности в борьбе за новый мир. Всеединство, всеобщая связь, финальное «мы» — это новое состояние мира достигается только ценой

²²⁰ Некрасов Н.А. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 2010. С. 157.

²²¹ Интересно, что позднейшая — окончательная — авторская редакция стихотворения содержит ряд исправлений, тоже в каком-то смысле работающих на приобщение «Футбола» к «высокой» поэзии. Так, добавлены эпитет соответствующей лексической окраски «стремительное» (им заменен нейтральный эпитет «распахнутое» в четвертой строке) и сравнение «гремят, как сталь, его колена» (вместо «свинтив железные колена»). Сюда же можно отнести замену строчных букв в начале строк на прописные, снимающую изначальное противопоставление стихотворений Заболоцкого — как бы обычных строчек, записанных «столбцами» — канонической поэзии.

героического порыва и самопожертвования молодых. Кого выбрал поэт для усиления и утверждения этой идеи? Не летчика, не воина, не революционера, а футболиста²²².

²²² Футбольные мячи упоминаются также в детской прозаической книжке Заболоцкого, изданной под псевдонимом: «Роща состояла из дилебовых пальм, с виду очень похожих на кокосовые. <...> Среди листвы я заметил несколько орехов, с виду очень напоминающих обыкновенный кокосовый орех. <...> Эти фрукты очень удобны для футбола, они вполне могут заменить футбольный мяч» (*Белл. Письма из Африки / обработал Н. Заболоцкий. М.; Л., 1928. С. 40–42*).

III. «Эй, вратарь, готовься к бою...»: 1930-е годы

Два существенных обстоятельства определили тематику стихотворений о футболе этого десятилетия — резкое ужесточение идеологического диктата и мощное нарастание футбольного ажиотажа.

Под воздействием пропагандистской машины почти все футбольные метафоры в 1930-е годы попадают в резонанс одной, безусловно доминирующей: «футбол — война».

Вольно было третьестепенному московскому поэту (Дмитрию Самойлову), судившему в 1932 году конкурс любительских виршей в газете «Физкультура и спорт», бравировать объективностью и либерализмом:

Нас не удовлетворяет, если описание футбольного матча:

Но вот в цветистых майках неизменных
Они встают в испытанном порядке —
Одиннадцать бойцов голоколенных.
И пляшет мяч под крепкими ногами
И рвутся ввысь крутые дуги «свечек»...

заканчивается так:

Ну что ж, братва, работай-ка ногами,
Тогда и на всемирном стадионе,
Где уж не мяч — винтовки будут с нами,
В последний бой,
В последний бой вступив с врагами,
Им гол уверенно загоним.

(Черноморцев)

Это и есть та самая «идеологическая выдержанность», которую пришивают белыми нитками ради придания стихам хотя бы некоторой общественной ценности¹.

¹ С<амойлов> Д. Стихотворные итоги литконкурса // Физкультура и спорт. 1932. № 14. Ср., впрочем, в собственном

Но правда-то состоит в том, что самое известное стихотворение этого десятилетия о футболе (текст марша Василия Лебедева-Кумача из кинофильма «Вратарь» 1936 года, положенный на музыку Исааком Дунаевским) превратило вариацию военной метафоры («футбольный матч — боевое сражение на границах Советской Родины») в лозунг. Этот лозунг («Когда настанет час бить врагов, / От всех границ ты их отбивай!») не случайно был размещен в припеве песни — чтобы повторялся и лучше заучивался:

Ну-ка, солнце, ярче брызни,
Золотыми лучами обжигай!
Эй, товарищ! Больше жизни!
Поспевай, не задерживай, шагай!

Чтобы тело и душа были молоды,
Были молоды, были молоды,
Ты не бойся ни жары и ни холода,
Закаляйся, как сталь!

Физкульт-ура!
Физкульт-ура-ура-ура! Будь готов!
Когда настанет час бить врагов,
От всех границ ты их отбивай!
Левый край! Правый край! Не зевай!

Ну-ка, ветер, гладь нам кожу,
Освежай нашу голову и грудь!
Каждый может стать моложе,
Если ветра веселого хлебнуть!

Ну-ка, дождик, теплой влагой
Ты умой нас огромною рукой,
Напой нас всех отвагой,
А не в меру горячих успокой!

стихотворении Самойлова: «Фашистскому миру / могилу
вырыть / Придется / последней войной беспощадной, — /
Так двинь, / молодежь, / по стрелковым тирам, / Лети, мо-
лодежь, / на спортплощадки!» (Самойлов Д. Физкультурные
рифмы. М.; Л., 1931. С. 5).

Эй, вратарь, готовься к бою, —
Часовым ты поставлен у ворот!
Ты представь, что за тобою
Полоса пограничная идет!

Чтобы тело и душа были молоды,
Были молоды, были молоды,
Ты не бойся ни жары и ни холода,
Закаляйся, как сталь!

Физкульт-ура!
Физкульт-ура-ура-ура! Будь готов!
Когда настанет час бить врагов,
От всех границ ты их отбивай!
Левый край! Правый край! Не зевай!²

В этой песне с лозунговой броскостью и отчетливостью выражена одна из основных идей ключевого для 1930-х годов *прозаического* текста о советском футболе — той самой повести Льва Кассиля «Вратарь республики» (1937), по мотивам которой и был поставлен только что упомянутый фильм, — *борьба игроков на поле как идеологическое противостояние между защитниками и врагами СССР*.

Так, о причинах прибытия в нашу страну некой зарубежной команды со зловещим названием «Черные буйволы» в повести рассказывается следующим образом:

Команда ехала с особого разрешения Международной футбольной лиги. Политические соображения заставили блюстителей международных законов футбола согласиться на матч с командой, не входящей в ассоциацию. Непобедимая команда была послана, чтобы раз навсегда доказать, как отстали советские футболисты от европейского класса игры³.

² Коммунист. Череповец. 1937. 27 августа.

³ Кассиль Л. Вратарь республики. С. 170–171. Судя по всему, Кассиль здесь намекает на немецкую команду. Портреты британцев-футболистов в стихотворениях советских по-

На чествовании советской сборной (естественно, обыгравшей «Черных буйволов») герой повести, Антон Кандидов, выступает с речью, в финале которой он пугает уже не футбольных соперников, а гипотетических врагов на поле боя: когда «за тобой будет что-нибудь поважнее футбольных ворот, то чесать будем еще не так... Одним словом, я думаю, вам и так понятно...»⁴. Наречием «поважнее» здесь определяется соотношение не только между футбольным матчем и военным сражением, но и между различными эпизодами биографии Кандидова: метафора футбола как защиты в повести многослойна и расходится кругами — от малого к большому. Сначала Кандидов в качестве условного вратаря — ловца арбузов защищает честь небольшой артели грузчиков («Мы по арбузной линии знамя имеем»⁵), потом «отыгрывает» у Волги затопленный город и одновременно сражается за него в матче («Каждый мяч, как свая... а сваи вбивали, как голы!»⁶) и, наконец, защищает всю Республику⁷. При этом два первых эпизода тесно связаны с третьим военными мотивами: арбузы сложены «бастионами» и Антона «как бы бомбардируют ими»⁸, Волга «снимает осаду и уходит от земляных стен

этов этого периода едва ли не исчерпываются следующим двустишием из «Песни “Дюнкерк”» (1940) маститого киевлянина Николая Ушакова: «Коренастый, небольшого роста, / бывший форвард, хавбек или бек» (*Ушаков Н. Северное сияние. Стихи.* <Л.>, 1947. С. 5).

⁴ *Кассиль Л.* Вратарь республики. С. 189.

⁵ Там же. С. 183.

⁶ Там же.

⁷ В повести намечен и четвертый, наиболее глобальный уровень защиты: в общезитии гидраэровцев Антон профессионально ловит глобус и держит эту «модель планеты» над головой.

⁸ *Кассиль Л.* Вратарь республики. С. 117.

города»⁹. Все футбольные и околофутбольные моменты повести, в том числе эпизод с Маяковским, подобно вратарю защищающимся от нападков слушателей, являются звеньями одной цепи, все они по-своему важны. Это отличает футбольную игру, ведущуюся во «Вратаре республики», от упомянутого в нем же дореволюционного футбола.

Я мячом ворота сворачивал к чертям собачьим. Мы на тренировке матчи трамвайные с корнем рвали, пропади я пропадом! Дубы гнули, заборы валили, рельсы узлом вязали, из стенки кирпичи высаживали! ... Я вот раз, помню, навесил в ходу... Гольмана к чертям сшиб, сетку насквозь, окно вдребезги, собаку насмерть...¹⁰

— в этих полумифических воспоминаниях болельщика дяди Кеши дореволюционный футбол — лишь совокупность разрушительных и бессмысленных действий, в то время как в игре героев нового поколения особенно важна ее функциональность, то, как она способствует продвижению к итоговой цели — защите СССР. Последнее, несомненно, является сильной стороной советского футбола в противовес «старорежимному», и именно поэтому Крайнах, выслушав рассказ увлекшегося дяди, «ехидно» спрашивает: «А кто в 1910 году англичанам шестнадцать — ноль продул?»¹¹.

В смысле использования аналогии «футбол — военное сражение» повесть Кассиля — это еще и шаг вперед по сравнению с 1920-ми годами, когда такая аналогия весьма активно эксплуатировалась, а образ вратаря стремительно милитаризовывался. Кульминация матча между советской сборной и «Черными

⁹ Там же. С. 131. См. на этой странице речь председателя: «...каждый из нас сегодня должен стать голкипером, чтобы ворота нашего любимого города остались сухими».

¹⁰ Там же. С. 247.

¹¹ Там же.

буйволами» — это момент, когда Антон Кандидов неожиданно покидает пост вратаря и на глазах у изумленной публики сам забивает гол в ворота противника. Несмотря на то что этот поступок Кандидова оценивается далеко не однозначно (его друг Карасик в отчете о матче ставит вопрос о пределе риска), в метафорическом плане он недвусмысленно сигнализирует о готовности к переходу из обороны в наступление.

Уподобление футбола войне в эпоху «Вратаря республики» искривляет тематическую траекторию многих поэтических текстов эпохи. Например, стихотворный фельетон ленинградца Геннадия Фиша «Матч» (1931), начинающийся как вполне невинный репортаж о футбольной встрече, с пятой строфы перерастает в обличение лицемерия церковников на Западе, с тринадцатой — разворачивается в аналогию «футбольный матч — борьба политических партий» и, наконец, завершается метафорически «футбольными» угрозами идеологическим противникам Советского Союза:

Мяч перехвачен, заверчен слета,
Мяч беком принят на носок;
Мяч, перелетев через ворота,
Туго надутый шлепает в песок.

Шикарную пасовку форвард правый
Принимает — и снова на левый край.
Мяч запутался в бутсах у оравы,
Обведен
и снова справа игра.

Капли пота, выступая, виснут.
Не один сегодня вырежут карман.
На трибунах публика переполняет диспут
Двух в пыли сошедшихся команд.

Свечка и свечка.

Мяч под облаками —
Точкою мелькает в глазу любом.

Вот он звенит и дрожит как пламя, —
Поддан затылком и вынесен лбом.
Он летит, как с голубем легкая записка,
Он горячими молитвами жив:
Его благословил
 сам преподобие епископ,
На поле молебен отслужив.

Он сказал командам напоследок,
Тренированную осеняя плоть:
«Победит лишь тот, кому победу
Присудить захочет сам господь.

Ни пасовки, пенделя, ни свечки,
Ни голкипер, верный у ворот —
Только вера в Сына Человечьего.
Благочестие — победу принесет».

И команды истово молились.
Публика молилась.
 — Чорт дери!

Все у господа вымаливали милость,
Заключая громкие пари.

Мяч подхвачен, выброшен, заверчен,
В бутсы бьется.
 Слышен кожи звон.

Переверчен человечесьим смерчем
Выброшен и снова поведен.

И на мяч,
 распластывая в матче,
Грудь свою и руки расплескав,
Рушится голкипер.

 Мяч захвачен.
Хавбек бьет его уже с носка.

И трибуны все остервенели.
Чуть не плача, хохоча, стуча,
Шеи вытянув, и в самом деле
Дышат душной камерой мяча.

Дело благочестия решая,
Пендель бит.

И снова мяч ведут.
И идет, идет игра большая —
Два на три
за тридцать семь минут.

А епископ служит сейчас обедню,
Открывая сессию одной из палат.
Речь о благочестии,
на сегодня последнюю,
Слушает торжественный сенат.

Перелетает билья мяч.
Открыта сессия.
Гремит сенат.

Повели.
Начали новый матч
Республиканец и демократ.

Христианнейший председатель сел за стол.
Докладчик-форвард билья повел.
Бэк-демократ принял лбом с носка —
Аплодисментов бурный раскат.

Капли пота, выступая, виснут.
Не один сегодня вырежут карман.
На трибунах публика переполняет диспут
Двух в грязи сошедшихся команд.

Но в одном они согласны:
в силе божьей.
Безработным сам господь поможет.
Если бог не в силах помощь дать —
Смертным остается лишь молчать.

Металлисты, текстиля, шахтеры,
Плотники, монтеры, батраки,
Мы сорвем игру, в которой
Не с ноги играть нам,
не с руки!

Скоро сорван будет этот диспут.
Рефери полезет окорачь.
Извините, преподобие епископ, —
Без молитв войдем мы в этот матч!

Хавбеки и реформистов свора
По сторонкам!
 Наши форварда!
Мы вошли в игру,
 в игру, в которой
Побеждает армия труда!¹²

Эта зарифмованная агитка легко и без малейшей смены стилистического регистра переходит в финале в прозаический газетный фельетон. Стихотворение «Матч» завершается таким примечанием-разъяснением:

В САСШ молебны перед футбольными состязаниями, а также освящение мячей — дело обычное. Вот, например, выдержка из рапорта центрального бюро чикагских футболистов:

«Студенты так молятся перед состязанием, словно готовы отдать богу за победу все в жизни. И действительно, когда юноша с здравым рассудком и сердцем молится, его молитва должна быть услышана. Трудно врагам побить богобоязненную команду».

В городе Ингльвуд (Калифорния) пастор Горас Кешинг выступил в своей церкви с целой серией проповедей на тему: «Гольф и бог».

Сессии конгресса и сената также открываются богослужением¹³.

В пару к фельетону Геннадия Фиша приведем здесь стихотворение москвича Сергея Васильева (1933) «Церковь Петра и Павла», в котором описание футбольной игры тоже было использовано для разо-

¹² *Фиш Г.* Уральский блокнот. М.; Л., 1931. С. 74–78.

¹³ Там же. С. 78. Ср. с одним из примечаний в повести Кассиль: «Церковники за границей часто используют приверженность к футболу своих верующих. Не так давно в английском городе Кингстоне, в церкви Св. Павла, для привлечения публики алтарь был заменен футбольными воротами, а попы служили в майках и трусах» (Кассиль Л. Вратарь республики. С. 227).

блечения мракобесия церковников, только на этот раз — отечественных, православных. Эти бездушные церковники разворачивают настоящую «войну» с советскими пионерами, играющими в футбол, которая едва не закончилась жертвенной смертью одного из мальчиков:

Отлично помню я этот вечер...
Она созвездием риз пылала,
На Якиманке, в Замоскворечьи
Святая церковь Петра и Павла.
И будто тени, черны и глухи,
Косноязыки, с кадильной речью,
На Якиманку, в Замоскворечье
Стекались скрюченные старухи.
И мне казалось, что солнце гасло,
Обвито в клочья какой-то шерсти...
И густо пахло от этих шествий
На всю Москву деревянным маслом.
В нелепом грузе своих увечий
Старухи к паперти подступали —
Они тащили к Петру и Павлу
Свои грехи, костыли и свечи.
И это было совсем недавно.
На хрупкой шее моей плескался
Еще в ту пору, легко и славно,
Трехкрылый мой пионерский галстук!
Нас было много таких глазастых,
Таких горластых Сереж и Колей.
Мы все учились в широких классах,
На Якиманке, в советской школе.
Мы там доказывали теоремы,
Читали Пушкина, пели песни.
А как забудутся перемены!
В широких классах нам было тесно,
И мы, как дождик, шумны и рады
(Без всяких «пропусков», как попало),
Врывались в тихий простор ограды
Угрюмой церкви Петра и Павла.

...Урок не мал, но ведь он не вечен —
Из школы вылетев громким граем,

Мы в этот теплый апрельский вечер
 В футбол в церковном саду играли.
 ... Я помню Ганька инсайдом бегал
 (Не то был левым, не то был правым),
 А я отстаивал место бека,
 Которое я занимал по праву!
 Игра на славу была! Но странно:
 Наш лучший кипер Володька Радлов
 Забухал мячик на крышу прямо
 Святейшей церкви Петра и Павла.
 ... Петрова Ганьку мы в этот вечер
 На крышу с лестницы передали;
 И, наконец, мы его дождались:
 Он был с мячом и бежал навстречу!
 Он был с мячом! Но за ним с лопатой
 Бежал псаломщик (косой и ярый).
 И он догнал его и ударил
 Кленовым чернем между лопаток!
 ...Мы в этот вечер ходили стаей,
 Босых шагов завивая петли;
 И в наступившую ночь не спали,
 Не зная, выживет Ганька, нет ли?
 ...С какой тревогой считали числа
 Мы в этот месяц! Хотя мы знали,
 Что Ганьке легче (хоть он печален),
 И что псаломщик куда-то выслан.

Но время — ветер! — летит карьером.
 Мы все расстались по разным тропам:
 Кто стал поэтом, кто инженером,
 А кто, наверно, кассир в Мостропе.
 И все мы знаем: не умер Ганька!
 Он стал талантливым трактористом.
 Он премирован большой тальянкой,
 Широкой, ладной и голосистой.
 И все мы знаем: на месте голом
 Угрюмой церкви Петра и Павла
 Такая светлая встала школа,
 Которой хмуриться не пристало.
 И что на месте иконной чащи,
 На месте затхлых хранилищ ризных,

Шумит метелицей настоящей
Большая молодость нашей жизни¹⁴.

Сопоставление этого опуса С. Васильева с футбольными текстами из предыдущей главы позволяет еще раз ясно увидеть, чем стихотворения о спорте 1930-х годов радикально отличались от спортивных стихотворений 1920-х годов. Тогда с подлинной страстью изображалась жестокая, зачастую вызывающая у сегодняшнего читателя резкое отторжение, но действительно *захватывающая, живая* борьба за новый мир и свое место в нем. А вот из стихотворений, описывающих советские футбольные баталии 1930-х годов, в полном соответствии с общими тенденциями эпохи, жизнь была тщательно вытравлена. Победе над «старым миром» было положено свершиться где-то там, в прошлом, сегодняшнему же поэту полагалось ностальгически рассказать об этой победе, а затем перейти к воспеванию прекрасного и застывшего в своей монументальной неподвижности настоящего.

Заметим, что вопрос об уместности игры юных пионеров в такую травмоопасную игру, как футбол, в 1930-е годы, в отличие от 1920-х, уже не ставился¹⁵.

¹⁴ Васильев С. Вторая книга стихов. М., 1936. С. 14–16. Ср. в повести Л. Кассиля, в одном из эпизодов которой в качестве футбольных ворот используются... церковные Царские врата: «Антон стоял в царских вратах. Не целиком покрашенные угодники плавали за его плечами на взбитых облаках» (Кассиль Л. Вратарь республики. С. 227).

¹⁵ Утратило в 1930-е годы свою актуальность и представление о футболисте как о незавидном кавалере. См., например, либретто балета «Футболист», составленное бывшим участником гумилевского «Цеха поэтов» Всеволодом Курдюмовым. В этом либретто идиллически описываются взаимоотношения простых советских юноши и девушки — Футболиста и Метельщицы: «Несколько минут они резвятся, как дети, но затем Метельщица напоминает Футболисту, что ему пора вернуться к товарищам по команде», etc.

Парадоксально, но в советских футбольных стихотворениях, создававшихся в годы невиданной в мировой истории борьбы с «внутренними врагами» на всех фронтах, эта тема ни разу не была затронута даже намеком. Вся энергия авторов уходила, что называется, в свисток, в плакатные, словно по одному трафарету написанные, тексты о борьбе с внешним врагом — с мировой буржуазией и разжигателями войны.

Среди очень редких исключений — первая часть спортивного стихотворения ленинградца Бориса Корнилова «Физкульт-ура!» (1932), в котором истово обличаются ненавистные поэту литературные критики. Впрочем, во второй части Корнилов соскальзывает на привычное для эпохи 1930-х годов объявление войны Западному миру:

Как значенье, вызов и победа
нашей славной жизни молодой —
колесо и звон велосипеда
и весла упругая ладонь.

Финиша летящая минута,
молодость легка и горяча —
силою надута, как надута
камера футбольного мяча.

Ветер свищет по морю и по лесу,
солнце кожу красит в новый цвет —
все пригодно, все идет на пользу,
ничего отброшенного нет.

(Футболист. Музыка <В.> Оранского, либретто <В.> Курдюмова. <М.,> 1930. С. 6). Чуть ниже в либретто изображается и футбольный матч: «Футбольное поле. Побеждает та команда, к которой принадлежит жених Метельщицы. Он вбивает гол в ворота противника, блеснув предварительно редким по силе ударом — “свечкой”, т.е., вскинув мяч по прямой линии высоко вверх» (Там же. С. <9>). Первое представление балета «Футболист» состоялось 30 марта 1930 года. Одним из его постановщиков был молодой Игорь Моисеев.

Я не знаю, как сказать об этом
(речь моя корявая бедна), —
что загара красноватым цветом
вся покрыта лучшая страна!

Что моя излюбленная слава —
это не рифмованная цветь, —
это только званье центра-хава,
о котором следует запеть.

Не введи меня во искушение,
критик, наставитель вечный мой,
ибо здесь возможно возражение —
выпад легковесный, но прямой.

Получу критическую порку:
мне заявит критика сперва,
что такие дифирамбы спорту —
общие ненужные слова.

Что от диалектики далеко
пролегает мой прискорбный путь —
классовая спорта подоплека
мною не подмечена ничуть.

Томный критик, ты бессонной ночью
позабыл, что значит красота,
обнаружив собственный воочью
синеватый шарик живота.

Мне опять не впрок уроки эти, —
видно, я вступил в порочный круг, —
пусть грозят мне розовые плети
тоненьких твоих, непрочных рук.

Не тебе скакать блохой по классам
и стараться из последних сил, —
полным голосом, тяжелым басом
я тебе отвечу, мой зоил.

Я показывать наглядно буду —
сила посторонняя жива:
вот они огромные — по пуду —
накачали мышцы, буржуа.

Вот они пошли своим парадом
строю нашему наперекор,
недоросли вечные, а рядом
мировой качается рекорд.

Силы всесторонней не затронув,
нарушая собственный покой,
что их заставляет — чемпионов —
двигать только правой рукой?

Заявляю всем: плохая школа,
если результаты таковы,
что такие боги от футбола
абсолютно все без головы!

Так и получается калека,
словно но несчастью навек —
только четвертинка человека,
а отнюдь не целый человек.

Вот она тебе — основа класса —
заявляет прямо о себе
выставкою пушечного мяса
с ядовитой пеной на губе.

Мясники! И песня ваша спета,
и судьбина ваша нелегка,
и с пяти шестых земного света
вас рванет рабочая рука.

Мы пошли громадою — ограда,
лучшие республики сыны —
Всесоюзная спартакиада —
молодость великая страны.

И летят, развернутые в лаву,
песни молодые оттого,
что гордимся как один по праву
красными значками ГТО.

Это вам не бицепсы по пуду,
не рекордов ленты на виду —
это сила, годная повсюду,
годная к прекрасному труду¹⁶.

¹⁶ Красная газета. 1932. 23 августа. Вечерний выпуск.

Осевая «военная» метафора в предвоенное десятилетие явно или скрыто подчиняет себе все другие футбольные формулы и идеологемы. Это происходит, в частности, с такими значимыми мотивами, как «пластический» («Футбол — залог физического и душевного здоровья»; «демонстрация силы и красоты») ¹⁷, «динамический» («Футбол — игровое проявление социальной бодрости и активизма») и «природный» («Футбол — это слияние человека со стихиями»; «союз с солнцем, дождем, ветром и зеленой травой») ¹⁸. В одних стихотворениях прямо декларировалось, а в других с очевидностью подразумевалось, что совершенство тела, порыв, готовность к борьбе и «соляная» энергия стадионов должны обеспечить советскому человеку преимущество в физическом развитии, а

¹⁷ Мотив крепости тела советского человека — один из самых частотных в повести Л. Кассиля и вообще ключевой для 1930-х годов: если 1920-е проходили под знаком борьбы с последствиями массового недоедания и физического истощения во время голода и Гражданской войны, то культура следующего десятилетия работала на закрепление нового физического идеала — избыточно могучего, здорового тела в расцвете сил. В образе Кандидова этот идеал находит свое высшее выражение; приведем только одну цитату из множества напрашивающихся: «Полураздетый, Антон стоял у зеркала. Он поглаживал выпуклую свою грудь, мял бицепсы: — Здоровый я, Карасик! Ох, здоров, как бугай!» (*Кассиль Л.* Вратарь республики. С. 145). См. формулировки А. Гольдштейна, интерпретирующие «Вратаря республики»: «Утопия идеального тела, домогающегося совершеннейшей нравственности»; «невинная народная телесность»; «Футбол — это эмблема революционной универсальной культуры, атлетизм и фабула ее духа, сам этот дух, явленный в телесных ритмах агона» (*Гольдштейн А.* Расставание с Нарциссом. Опыты поминальной риторики. С. 206, 210, 212).

¹⁸ А. Гольдштейн выделяет «соляное искусство футбола» как один из основных мотивов «Вратаря республики» и смежных текстов (Там же. С. 212).

следовательно, и безоговорочную победу в будущем и последнем классовом бою.

Связь между гимнами здоровью и «боевой» идеологией в стихотворениях о спорте и футболе 1930-х годов Осип Мандельштам, очень тонко чувствовавший такие вещи, в своей рецензии на книгу стихов Аделины Адалис «Власть» (1934) назвал «социальной спайкой»:

Дорога в Балаклаву на автобусе, столы, накрытые в саду (быть может, на курорте, а быть может, и в совхозе), стеклянные шары нагретого степного воздуха, радость волейбола, радость футбола и радость яблока — получают у Адалис эмоциональную округлость, единство, — внутреннюю форму, социальную спайку¹⁹.

Боевой потенциал «социальной спайки» мог быть демонстративно обнажен, как в повести Кассиля и в марше Лебедева-Кумача, соединяющих восторжен-

¹⁹ Мандельштам О. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 277. В этом пассаже имеются в виду следующие строки из длинного стихотворения Адалис «Мы город выстроим в степи...»: «Хороший, сильный человек, / Который любит свет и снег, / Или стеклянные шары / Степной лазури и жары, / Бассейны, горные ключи, / Большие яблоки, мячи, / Столы, накрытые в саду, / Большую, чистую еду, / Дорогу в гору, гул морей, / Людей, моторы и зверей!» (Адалис А. Власть. М., 1934. С. 43). См. также прямое высказывание о футболе (в паре с хоккеем) в позднейшей «Не поэме» Адалис: «Только футбол и хоккей, — / Спорта святая проповедь — / Ныне и присно / Страсти для новых людей!» (Адалис А. До начала. М., 1966. С. 44). О советской «социальной спайке» см. отзыв Г. Федотова об одной из гастрольных поездок советских футболистов: «Как хороша русская спортивная молодежь в массовых спортивных состязаниях. Какая слаженность, какое единство координационных движений и усилий. Люди, смотревшие русские футбольные команды за границей, отмечали, что сила русской игры не в отдельных достижениях, не в атлетических талантах, а в согласованности и дисциплине» (Федотов Г.П. Полн. собр. статей: в 4 т. Т. 3. Париж, 1982. С. 296).

ные строки о «солнце» и «закалке» с призывами «бить врагов» у «границ», или в финале стихотворения тогдашнего ленинградца Александра Гитовича «Родина» (1936), обращенного к СССР:

И если военный ветер
 коснется тебя, неистов,
И трубы оркестров армии
 опять призовут к борьбе —
Подымут свои винтовки
 боксеры и футболисты,
И вновь принесут победу
 тебе — и только тебе²⁰.

Или же в стихотворении московского автора Германа Лапсина «Наша команда» (1937), в котором футбольный коллективизм (культ «команды» и «капитана») готов немедленно перерасти в воинский, совокупно направленный опять же против внешнего врага:

Ребята, рассаживайтесь по диванам,
Я прочитаю вам этот листок.
...Прошлой весной Сорокина Валю
Мы провожали на Дальний Восток.

Мы с капитаном простились крепко —
Без пышных речей и без громких слов.
Он махнул на прощание кепкой
И спрятал глаза в букете цветов.

Честное слово, ребята, мне больно
Читать короткое это письмо.
Наш капитан команды футбольной...
Наш капитан не вернется домой.

...Ночью с моря воровским десантом
Через границу ворвались враги.

²⁰ Гитович А. Стихи. Л., 1937. С. 93. Отметим, что перечисление боксеров и футболистов в одном ряду в 1930-е годы абсолютно утратило негативные коннотации, характерные для 1920-х годов.

Пули всаживая в диверсантов,
Валя Сорокин геройски погиб.

В дрогнувших пальцах письмо застыло.
Скупые строчки — тяжелый свинец.
И каждому слышно отчетливо было
Биенье одиннадцати сердец.

И мы написали наркомому прошение:
— Климентий Ефремович! Просим о том —
Наше футбольное отделение
Пошлите на Дальний Советский Восток²¹.

В тех же стихотворениях, где описывались футбольные матчи между *своими*, то есть между *советскими* людьми, «социальная спайка» как всегдашняя готовность к бою уходила в неглубокий, ясно различимый подтекст. Приведем для примера стихотворение вятского поэта Андрея Алдана (Семенова) (1933):

ФУТБОЛ

Широкой юности подарок,
Такой желанный и тугой,
Свистящий мяч над головой.
Во славу верного удара
Я поднимаю голос мой.

Над тишиной осенних дач,
Над потемневшими садами
Пронзенный жадными глазами
Стремится вверх футбольный мяч.

Борьбой и ловкостью гонимый,
Он возвращается. И вот,
Его опять неумолимо
Вратарь по воздуху берет.

²¹ Красный спорт. 1937. 5 ноября. Строка «Он махнул на прощание кепкой» из этого стихотворения напрашивается на сравнение со знаменитыми строками «...он кепчонку, как корону — / набекрень, и пошел на войну» из песни Булата Окуджавы «Король» (1957) (Окуджава Б. Стихотворения («Новая библиотека поэта»). СПб., 2001. С. 139).

И снова солнечный простор,
Мяча упругое вращенье.
Но соревнуйся, нападение
Ведет стремительный напор.

Похожий, с высоты, на блюде,
Молчит притихший стадион.
Мелькает мяч со всех сторон.
Удар ноги, одетой в буцу,
И наполняет сетку звон!

И гулкий гром над игроками.
Домой! Закончена игра.
Но в каждый дом приходит с нами
Борьбы и ловкости пора.

За мяч, свистящий и тугой,
За свежесть глаз, за крепость плеч,
За красоту футбольных встреч
Я поднимаю голос мой!²²

Метафора боя возникает и в мастеровитом стихотворении ростовчанина Юрия Казарновского, датированном 1932-м годом:

ФУТБОЛ

Ударь ногою быстро ты, —
И рыжим шаром упоенья,
В немом неистовстве вращенья
Взлетает мяч, как нетерпенье,
Как глаз косящей быстроты.

И, рассекая воздух люто
Чертой низринутых основ,
Он, в небеса вонзившись круто,
Минуту держится как будто
На взглядах задранных голов.

Потом уверенно и скоро,
Мурашки разбудив в ногах,
В глазах взрываясь, точно порох.

²² Алдан А. Книга стихов. Казань, 1935. С. 23–25.

Слетает яблоком раздора
В толпу раздувшихся рубаш.

И в ног переплетенном споре,
В зигзагах бешеных ходов,
Он мечется планетой скорой
В орбите юного задора,
В системе солнечных юнцов.

И майки сшиблись, как в бою,
И поворот за поворотом
Ведут упругий шар к воротам,
Как нежно пахнущую потом
К удаче молодость свою²³.

Еще более откровенно всегдашнюю готовность советского человека к отпору и наскоку демонстрирует стихотворение иркутского поэта Иннокентия Луговского «Другу футболисту» (1937), написанное на вполне мирную и даже идиллическую тему, посвященное сладостным воспоминаниям об утраченном детстве:

Помнишь луг?
На команду крича,
Выжимая десятый пот,
Шапку рыжую вместо мяча
Ты гонял от ворот до ворот?

Капитан!
Ты от ярости выл,
Когда зря пропадал твой пыл,
Когда шапка под адский визг
У ворот разлеталась вдрызг.

Вечно радостные года!
Незабвенной памяти песнь!
Я голкипером, помню, тогда
Защищал нашей улицы честь.

Вихри дней по далеким путям,
По заводам, по школам, полям

²³ Казарновский Ю. Стихи. М., 1936. С. 7–8.

Разметали нашу семью,
Разогнали команду твою.

Я с футбольной славой, кажись,
Распощался на долгую жизнь
И теперь по совету врача
Не хватаю штрафного мяча.

Ну, а ты?
Ты, как видно, пока
Водишь мяч под конвоем носка
И по-прежнему — весел и зол —
Забиваешь за голом гол.

Я шагаю на стадион.
Полосатая майка — он!
Вот она под трибунный гром
Ястребиным мелькает крылом.

Нападению — всех удач!
Я люблюсь, глаза луча,
Геометрией передач,
Хитроумной орбитой мяча.

Черной молнией падает он.
И голкипер атакой смущен.
Нет, не зря, ты, пленив молодежь,
Знаменитым «центром» слывешь.

Твоей славою окружен,
Покидаю я стадион.
Помнишь, помнишь,
Как гнали, крича,
Шапку рыжую вместо мяча?

Вечно радостные года!
Незабвенной памяти песнь!
Я голкипером, помню, тогда
Защищал нашей улицы честь.

Нашей улицы...
Много ль годов!
А теперь на парадах весны

Защищаешь ты честь городов,
Защищаешь ты честь страны!²⁴

В глаза бросаются многочисленные агрессивные метафоры и сравнения, использованные в этом стихотворении: «адский визг» юных игроков, «мяч под конвоем носка» и мяч, падающий «черной молнией», майка — «ястребиное крыло» и, как апофеоз, — военные «парады весны»...²⁵

Другое направление в развертывании «военно-футбольной» метафоры связано прежде всего с нарастанием футбольного бума в 1930-е годы²⁶: отчасти в продолжение идеологического мейнстрима, а отчасти на противоходе ему все больше набирает силу метафорический оксюморон — «футбол как дружеское сражение», «как потешный бой». Метафорическая «война понарошку» должна была удовлетворить народную потребность помимо хлеба еще и в зрелищах, придать массам «заряд» бодрости и оптимизма.

Вот и в стихотворении «Заманчивый маршрут» (1940) того самого Дмитрия Самойлова, высказыванием которого мы открыли эту главу, уподобление мяча снаряду должно усилить ощущение двойного праздника, ассоциирующегося с победой весны над зимой и возрождением природы²⁷, — Первомай и начала

²⁴ *Луговской И.* Россыпи: Стихи. Иркутск, 1937. С. 10–12.

²⁵ Характерно, что, перепечатавая это стихотворение в своей «оттепельной» книжке, Луговской многие агрессивные метафоры и сравнения снял. См.: *Луговской И.* Шагаю по нашему краю. Новосибирск, 1960. С. 54–55.

²⁶ Судя по стихотворению молодого Ярослава Смелякова «Любовь» (1932), посещение футбольных состязаний в 1930-е годы в Москве и в Ленинграде входило в круг престижных и не очень дешевых развлечений: «Она до его прихода / читает, скучает, плачет. / Он водит ее в рестораны / и на футбольные матчи» (*Смеляков Я.* Работа и любовь. Стихи. М., 1932. С. 59).

²⁷ Об ассоциативной связи открытия футбольного сезона с победой весны и футболе как празднике возрожденной при-

футбольного сезона. И в этом стихотворении описание подлинной борьбы подменяется сусальным и бесконфликтным изображением того, как «эх, хорошо в стране советской жить»:

ЗАМАНЧИВЫЙ МАРШРУТ

На старте — май! Навстречу ливень света,
Разлив тепла, земли цветущий сад.
Ширококрылый, как мечта поэта,
На яхтах ветер поднял паруса.

На старте — май! Растаявшею льдиной
Окончена дистанция зимы.
За летний приз отважный поединок
За первенство начнем сегодня мы.

На старте — май! Трибунам станет жарко,
Футбольной эры близится заря,
И мяч, набитый порохом азарта,
Как бомба! В сетку! Мимо вратаря!

На старте май и синяя погода.
Сверкают рельсы, реки вдаль зовут.
Романтика туристского похода,
Заманчивый заоблачный маршрут.

На старте — май! Стоногий топот кросса,
Встревожив рощу, замер вдалеке.
Шуршанье шин, блестящие колеса,
И взмах весла, и тонкий звон ракет

На матче — вымпел. Медленное солнце,
Атласной бронзой плечи покрывай!
Мечтатели, кроссмены, марафонцы,
На старте — май²⁸.

Два великих футбольных события инициировали победное шествие этой метафоры. Прежде всего это

роды см.: *Edelman R. Serious Fun. A History of Spectator Sports in the USSR.* P. 44–45.

²⁸ Красный спорт. 1940. 1 мая.

легендарный визит команды Страны басков в СССР (лето 1937 года).

«Дружеские баталии» с иностранными командами и до этого становились предметом газетных стихотворений. Так, в октябре 1935 года был опубликован поэтический репортаж москвича В. Медведева, написанный в преддверии серии матчей, которую игроки сборной СССР должны были провести с футбольными клубами Турции:

ОТЪЕЗД

Там, за сетью солнечной завесы,
Вечер созревает — тих и сер.
Покидают шумную Одессу
Футболисты сборной СССР.

В дальний рейс уходят теплоходы,
Дым по дебаркадеру стеля,
И за солнцем, и за непогодой
Скроется советская земля.

И когда их жаркой позолотой
Встретят и Стамбул, и Анкара,
Заволнуются в своих воротах
Замечательные кипера.

Встряхова утренняя негу,
Шли мы и на поле, и на старт —
И на пятки Жюлю Лядумегу
Наступала молодость ребят.

Хорошо нам! — зная, предрешая,
Ставим за рекордами рекорд —
Родина богатая, большая,
За плечами каждого встает...

В грозах шестибального разгула
Путь лежит советских кораблей.
Встретят нас в Измире и Стамбуле
Как своих испытанных друзей!²⁹

²⁹ Красный спорт. 1935. 7 октября. Жюль Лядумег (1906–1973) — прославленный французский бегун, серебряный

Но серия из девяти матчей московских, ленинградских, грузинских, украинских и белорусских команд со сборной Страны басков, состоявшаяся летом 1937 года, не идет ни в какое сравнение с прежними международными встречами: по словам Н. Старостина, это было в истории советского футбола «событие необычайное»; он уверял, что «ни до, ни после тех дней» не помнит «такого футбольного ажиотажа»³⁰. Что говорить, если на первые встречи с басками московский стадион «Динамо» принял более двух миллионов (!) заявок из разных городов СССР. Некоторые игроки баскской сборной, первой команды мирового уровня, посетившей советские стадионы, к тому же участвовали в гражданской войне в Испании, чем привычно не преминули воспользоваться авторы газетных отчетов о матчах советских и баскских футболистов. В частности, вездесущий Лев Касиль в репортаже об игре сборная Страны басков — «Локомотив» развернул уже привычный для нас ряд метафор:

У наших гостей двойная слава. Восемь из них были игроками знаменитой национальной сборной команды, защищавшей цвета Испании в самых ответственных международных матчах. Но есть еще одно обстоятельство, и вот оно-то делает баскских товарищей близкими, родными, знакомыми нам, — все они дрались на фронтах республики. И если в команде Страны басков не хватает 2–3 прославленных игроков, то это потому, что славные бойцы

призер Олимпийских игр 1928 года. Первый матч между нашей сборной и футбольной командой Стамбула состоялся 13 октября 1935 года. Сборная СССР победила со счетом 2 : 1. Второй матч (15 октября) закончился ничьей (2 : 2). Первый матч сборной СССР со сборной народных домов Турции (20 октября) также завершился ничейным результатом (3 : 3). Во втором матче сборная СССР победила со счетом 3 : 2. 27 октября сборная СССР сыграла с командой Измира вничью (3 : 3).

³⁰ Старостин Н. Футбол сквозь годы. С. 32.

футбольного зеленого поля сложили свои смелые головы на поле битвы³¹.

О приезде баскских футболистов в Советский Союз как о знаковом событии упомянул и Осип Мандельштам во второй строфе своего, наверное, самого просоветского стихотворения «Стансы», датированного 4–5 июля 1937 года:

Дорога к Сталину — не сказка,
Но только — жизнь без укоризн:
Футбол — для молодого баска,
Мадрида пламенная жизнь³².

Но еще за день до первой игры сборной Страны басков с советской командой (встреча с «Локомотивом» состоялась 24 июня) газета «Красный спорт» опубликовала стихотворение бывшего североморца Александра Ойслендера, поспешившего воспеть... еще не состоявшийся матч. Так было вольно или невольно подчеркнуто не спортивное, а общественно-политическое, пропагандистское значение предстоящей игры: будущий счет оказывался абсолютно не важным, а важным становилось нечто совершенно другое — дружеская солидарность советского народа с испанцами-республиканцами³³. Отсюда композиция стихотворения,

³¹ *Кассиль Л.* Матч с басками // Известия. 1937. 26 июня.

³² *Мандельштам О.* Полн. собр. стихотворений. С. 364.

³³ Следует заметить, что стихотворение Ойслендера, по видимому, отражает весьма идеализированное представление о восприятии предстоящего матча. Более правдоподобную картину происходящего дает в своих мемуарах Н. Старостин: «Тогда у начальства широко было распространено мнение, что в международных матчах даже против друзей-соперников советские спортсмены обязаны побеждать. Любое поражение расценивалось как подрыв авторитета социалистической Родины. Высокопоставленными чиновниками овладевало маниакальное желание не отпускать басков, не обыграв их» (*Старостин Н.* Футбол сквозь годы. С. 34).

реализующая метафору «дружеского сражения»; в первой-второй строках матч увиден как «бой», а ворота — как «крепость», в последних же двух строках битва разрешается «дружбы ароматом» и провозглашением обоюдной победы:

ФУТБОЛ

Рукопожатье капитанов,
Свисток — и начат первый бой,
Две хитрых тактики, два плана —
Оставить поле за собой.

Пробить встающие напротив,
Сильнее крепости любой,
Несокрушимые ворота.
Свисток — и начат первый бой!

О, учащенное дыханье,
Вздымающее стадион
На цыпочки... лишь ног мельканье —
И мяч гоним со всех сторон.

Куда ему уйти из сети
Бегущих стайкой форвардов?
О, как шумят мои соседи
С трибуны северных рядов!

...Но стадиону не до счета.
Вдыхая дружбы аромат,
Два полных юности народа
Очередной играют матч.

И чья бы ни была победа
На этот и в грядущий раз —
Крепки рукопожатья: это —
Победа каждого из нас!³⁴

Неудивительно, что в этом стихотворении акцент сделан не на игре футболистов, а на реакции зрителей, — ее описать было гораздо важнее. Автор ставил своей целью изобразить, как «все пятьдесят тысяч футболь-

³⁴ Красный спорт. 1937. 23 июня.

ных зрителей приподнимаются» «на цыпочки в решающую минуту матча» (цитируем пересказ Осипом Мандельштамом футбольного стихотворения еще одного поэта)³⁵.

Другим определяющим событием в истории советского футбола и, соответственно, в истории советской поэзии о футболе стало начало проведения футбольных первенств СССР весной 1936 года и разрастание первого клубного «великого противостояния»³⁶ — «Спартак» и «Динамо»³⁷. Все способствовало ожесточенности этого противостояния: и соперничество стоящих за ними ведомств (самого богатого — Промкооперации за «Спартаком» и самого могущественного — НКВД за «Динамо»), и социальные предпосылки клубных предпочтений (за «Спартак», например, болели многие представители творческой интеллигенции, композиторы, актеры, писатели — среди них авторы главных футбольных книг Ю. Олеша и Л. Кассиль), и чередующиеся победы в чемпионатах СССР, и, наконец, контраст результатов игры с басками («Динамо» два раза проиграло — 1 : 2 и 4 : 7, а спартаковцы сенсационно выиграли — 6 : 2, чем во многом и заслужили статус «народной команды»).

Своего рода прологом к истории футбольных первенств СССР стал легендарный матч, разыгранный московским «Спартаком» на Красной площади во время парада физкультурников. Когда мы читаем финал «Вратаря республики», он воспринимается как своего рода футбольная утопия, прямолинейно разворачи-

³⁵ Мандельштам О. <А. Коваленков. Зеленый берег (1935)> // Мандельштам О. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 412.

³⁶ Слова Н. Старостина (*Старостин Н. Футбол сквозь годы*. С. 29).

³⁷ О приезде баскских футболистов в СССР и о чемпионатах Советского Союза 1930-х годов см. увлекательные страницы в книге: *Нилин А. Век футбола*. М., 1998.

вающая метафорическое превращение в футбольное поле главной площади Страны Советов:

...от Лобного места покатился огромный зеленый вал во всю ширину площади.

Спортсмены разматывали гигантскую скатку. Толстый зеленый войлок лег посередине площади, прикрыв камни.

На обоих краях этого зеленого ковра появились белые футбольные ворота с сетками. <...>

Антон стоял в воротах. За спиной, за футбольной сеткой с крупными ячейками, витой, старый, мозаичный, высился Василий Блаженный. Солнце висело над шпилями Исторического музея и било прямо в глаза. Судья поднес свисток к губам.

Но в эту минуту куранты Спасской башни стали бить время. Они проиграли вступление, потом стали отвешивать мерные удары счета. На последнем ударе судья просвистел.

Матч начался³⁸.

Но метафора-то эта еще до появления романа реализовалась в действительном ритуале. Сказочное преобразование Красной площади в футбольное поле, зеленый ковер, сшитый спартаковскими футболистами, почти как в сказке, — если не за одну ночь, то все же за самый короткий срок, Сталин на трибуне Мавзолея и рядом первый секретарь ВЛКСМ Косарев с белым платком наготове, чтобы в случае неудовольствия вождя спешно сигнализировать отбой, — об этом как о воплощении утопии в реальность пишет один из организаторов выставочного матча, Н. Старостин:

По моему сигналу сотни рук взялись за 120-метровый войлочный рулон и быстро покатали его. Через несколько минут перед глазами зрителей предстала унылая картина. Площадь оказалась покрытой сморщенной, грязно-зеленой хламидой. Но в тот же миг по взмаху моей руки

³⁸ *Кассиль Л.* Вратарь республики. С. 279–280.

ковер вместе со мной взмыл в воздух, а через секунду от храма Василия Блаженного до Исторического музея, от гостевых трибун до ГУМа раскинулся стадион с изумрудно-зеленым полем, размеченным белоснежными линиями, с черной гаревой беговой дорожкой и золотистым легкоатлетическим сектором³⁹.

После 1936 года, отмеченного началом первенства СССР и матчем на Красной площади, мирно-ожесточенная борьба советских команд, и прежде всего двух равновеликих сил — «Спартак» и «Динамо», с ее «антагонистической непредрешенностью»⁴⁰, захватила самые широкие массы с невиданной силой, что так или иначе отразилось в стихах второй половины 1930-х годов. На страницах «Красного спорта» разворачивается хроника этого и других «сражений», как в стихотворении москвича Валентина Дурова «Матч» (1938), детально рассказывающего об игре киевского «Динамо» с московским «Спартаком»:

Зеленый стадион динамовский открыт,
И в сердце — вновь знакомое волненье.
Попробуй усиди, когда звенит
Проворный мяч футбольного сраженья.

Гудит пред матчем шумный стадион,
Пылают майки радуги цветистей.
Склоняем мы созвездия имен
И обсуждаем шансы футболистов.

Но вот свисток. И тишина
Накрыла стадион в мгновенье.
«Спартак» в защите. Как точна
У киевлян пятерка нападения!

И тут бессильны все слова,
И сердце замирает снова:

³⁹ Старостин Н. Футбол сквозь годы. С. 31–32.

⁴⁰ Гольдштейн А. Расставание с Нарциссом. Опыты поминальной риторики. С. 212–213.

Плетет Щегоцкий «кружева»,
Пока не встретит Соколова.

— Вот это Вася! — мой сосед
Кричит. — Надежный центр защиты!..
Но Киев жмет. Препятствий нет,
Стена ворот спартаковских пробита.

И тут же — мощь стремительных атак,
И, цепь хавбеков смело разрывая,
Проводит комбинацию «Спартак»,
И бьет под штангу Николай Исаев.

Какое слово крепкое: футбол!
Оно не испытает старости.
И я кричу: «Как мальчишек обвел,
Трех форвардов Андрюша Старостин».

...Вот Гончаренко мяч ведет,
Его движенья выверены, ловки.
Он в угол бьет. Но мяч берет
Вратарь спартаковцев Головкин.

И снова красные теснят,
Их форварды неотразимы,
Но, быстро вырвавшись, подряд
Два раза мимо бьет Касимов.

Свисток судьи. И застывает мяч,
Изведавший порядочно нагрузок.
И шли «болельщики». И обсуждали матч
На первенство Советского Союза⁴¹.

Жесткая футбольная стычка и здесь показательно представлена едва ли не как изящный балет: футболист плетет кружева, «пока не встретит» (мягче просто не скажешь!) соперника. Показательно, что момент физического контакта между игроками разных команд просто-напросто выпущен, элиминирован.

Дуров, кажется, был тайным болельщиком «Спартак» (явно отдавать предпочтение тому или иному

⁴¹ Красный спорт. 1938. 3 июня.

клубу спортивному поэту не полагалось). Он с видимым удовольствием, хотя и с подчеркнутой объективностью, рассказал в специальном стихотворении-репортаже о победе любимой команды в кубке СССР 1938 года над ленинградским «Электриком»:

ЗАВОЕВАННЫЙ КУБОК

В последний раз судьи свисток
Раздался властно. Это значит,
Что можно подвести итог
Борьбы упорной и горячей.

Утих сто первый вал атак,
Отхлынув от стены защиты.
И кубок получил «Спартак»
Трудом и потом им добытый.

Была победа нелегка,
И надо было крепко драться:
Не раз ворота «Спартака»
Атаковали ленинградцы.

Но от ворот оставшись в метре,
«Пятерка» заводилась зря.
И бил под облако «Электрик»,
Смутившись явно вратаря...

Атак стремителен был шквал,
И в вихре сложных комбинаций
«Спартак» напористо играл,
И были смелы ленинградцы.

Могу сказать я от души:
— Сражались резко, но не грубо,
Команды обе хороши,
И честно завоеван кубок!⁴²

Дуров здесь хотя и констатирует, что соперникам «надо было крепко драться», но самого описания

⁴² Красный спорт. 1938. 15 сентября. Описывается матч за кубок СССР, состоявшийся 14 сентября 1938 года между московским «Спартаком» и ленинградским «Электриком». «Спартак» победил со счетом 3 : 2.

«драки» в его тексте нет, стихотворение несколько не похоже на кроважанные советские вирши о футболе 1920-х годов.

В стихотворениях-репортажах и своего рода эпиникиях того времени раз за разом «склоняются созвездия имен» — героизируются любимые народом «бойцы». Так, воспетый Дуровым Андрей и его два знаменитых брата Старостины становятся героями восторженной эпиграммы старого юмориста Михаила Пустынина (1937) — с той же напрашивающейся рифмой и с той же гиперболой побежденного времени:

Мы помним о вас каждый час,
Но нет, не забыть и до старости нам,
Прекрасной игры вашей класс.
Привет, вечно юным, всем Старостиным!⁴³

Мифологизируются и сами команды, как, например, московское «Динамо» после чемпионского для него весеннего первенства СССР 1936 года; в стихотворении Бориса Корнилова «Молодость» «солярному» сравнению («мяч как солнце») метонимически соответствует небесно-голубой цвет динамовской формы, «голубое» и «золотое» также связаны многозначительной метонимией. При этом футбольная эпидейктика одним, но эмфатически выделенным местоимением («спорта *нашего* мастера») указывает на «социальную спайку» и «боевой» подтекст, который, впрочем, снова не реализуется:

Друг за другом,
по ниточке,
прямо —
гром приветствий со всех сторон —
выбегает команда «Динамо»
голубая
на стадион.
Солнца лучики золотые...

⁴³ Красный спорт. 1937. 25 июля.

начинать бы уже пора,
встали ловкие, молодые
спорта нашего мастера.
Может, рано еще?
не рано,
и судья просвистел: — Играй...
Мяч стремительно от капитана
улетает на правый край.
И рванулась к воротам лавина,
все сильнее, сильнее, сильней,
вьется ровная луговина —
мяч, как солнце, летит над ней⁴⁴.

А вот горьковский поэт Михаил Шестериков явно болел против московского «Динамо». В его стихотворении «Вратарь» 1937 года с чемпионом этого сезона успешно справляется лишь один (но какой!) игрок не-называемого клуба (по-видимому, великий голкипер московского «Спартака» Анатолий Акимов):

Мяч у динамовцев опять, —
Его инсайд ведет, —
Им надо здорово играть
У них позорный счет.

Они с расчетом мяч дают —
Не легких ждут удач;
Они опять по голу бьют...
Но кипер ловит мяч.

И снова левый край дошел
До самых до ворот.
Сейчас они сквитают гол...
Но кипер мяч берет.

Они дают на правый край
(Теперь, голкипер, плачь!).
Бьет по воротам правый край,
Но кипер ловит мяч.

И не спуская глаз с ворот,
Цветы бросая вниз,

⁴⁴ Красный спорт. 1936. 23 июня.

В восторге публика ревет:
— Бис, браво, кипер, бис!

А нападение, осмелев,
Еще сильнее жмет,
Но кипер прыгает, как лев,
Он все мячи берет.

Он достает из-под штанги,
Берет с любых подач,
У центрафорварда с ноги
Снимает мертвый мяч.

И этот класс игры зато
Такой вздымает рев,
Такую бурю, что никто
Своих не слышит слов.

И только девушка одна
Не разжимает рук.
Ужасно сердится она
На шум и рев вокруг.

Она измучилась душой:
К чему и шум и смех?
Ведь этот кипер не чужой,
Он ей дороже всех.

И с губ слетает потому
Мольба, досада, плач:
— Да не мешайте вы ему
Ловить противный мяч!⁴⁵

Неистовству «агонистов» футбольного поля соответствует «патос» трибун. Когда стихотворные фельетоны 1930-х годов дают болельщика крупным планом, тот предстает «воюющим» или с собой (во власти навязчивых идей), или с воображаемым врагом (в состоянии маниакальной одержимости). Первый тип находим в стихотворении А. Ойслендера «Мой сосед» (1939); здесь выведен этакий безобидный чудака (хо-

⁴⁵ Шестериков М. Стихи. Горький, 1937. С. 51–53.

довое амплуа в тогдашних советских кинокомедиях), чье сознание как бы расколото на две половинки — «Спартак» или «Динамо»⁴⁶:

Кто сильней: «Спартак» или «Динамо»?
Кто возьмет: «Динамо» или «Спартак»?
Целый день гадает все упрямей
Мой сосед, милейший мой чудак!

Он вдогонку мчался за трамваем,
Он хватал билеты на лету.
В октябре дождливом или в мае
Все равно, — он на своем посту.

Он сидит, толкая всех соседей,
К полю прорываясь напрямик.
Что сказать такому непоседе,
Чтобы успокоить хоть на миг?

Не найти такого человека,
Доктора такого, чтобы мог
Вылечить однажды и навеки
Тех, кто этой страстью занемог.

Вариацию этой темы видим в стихотворении Валентина Дурова «Каверзный вопрос», на дату напечатания которого (10 июня 1941 года) невольно обращаешь особое внимание:

Утро серо, утро сыро,
И мечту о солнце брось!
Но с утра в любой квартире
Обсуждается все шире
Очень каверзный вопрос.

И в метро, в кино, в трамвае,
Где бы быть нам ни пришлось, —
Слышим — люди обсуждают,
От волненья замирая,
Тот же каверзный вопрос.

⁴⁶ Разумеется, описывается такой чудак (слесарь-болельщик дядя Кеша) и в повести Л. Кассиля «Вратарь республики».

Значит, надо торопиться,
Это значит — началось!
Завожу свою таблицу,
Но придется согласиться —
Труден каверзный вопрос.

Сто статей прочел в газетах,
Их пять пачек набралось.
В них советы и приветы,
Но остался без ответа
Этот каверзный вопрос.

Кто ж сильней? — ответьте, что ли,
Мне запутаться пришлось:
О сезоне, о футболе
Этот каверзный вопрос⁴⁷.

Как пример второго типа можно привести персонажа фельетона «Сосед» (1933) москвича Андрея Иркутова (Каррика), который тоже рвется «к полю... напрямик», но с другими целями — словно «Аника-воин» из русской поговорки:

Купаясь в море бранных слов,
Крича, ругаясь вволю,
Сосед мой ринуться готов
С трибуны прямо в поле.

Придя в невероятный раж,
Потея, словно в бане,

⁴⁷ Красный спорт. 1941. 10 июня. Пройдут считанные дни, и всех советских людей, включая и футболистов, начнут волновать совсем другие «каверзные вопросы». Приведем еще одно «погодное» стихотворение-шутку о футболе, автором которого был Р. Роман: «В футбол играли летом мы везде: / На суше, в воздухе, в грязи, в воде... / Коль осень угостит погодой такой, / В футбол играть мы будем... под водой. / ...О жизни судей беспокоясь, / Дадим ходули им или пробковый пояс!» (Красный спорт. 1935. 11 августа). Ср. с примечанием в повести Л. Кассиль: «Болеельщики верны себе! «Матч состоится при любой погоде», — значитя в афише, и стихии никого не остановят» (Кассиль Л. Вратарь республики. С. 129).

Он лезет на седьмой этаж
Неповторимой брани.

Его не понимаю я
Смотрю в недоумении:
Как... этот вот?.. вон тот?.. судья
Его привел в волнение?

Тот, что свистит сквозь крик и вой,
Внося в сражение ясность?
Тот, что рискуя головой
Бросается в опасность?

Тот, чьим свистком заверен гол,
Прорвавший оборону,
Кто тщетно подчинить футбол
Пытается закону?..

Он оскорбил вас, мой сосед,
Игру следящий зорко?
Ему вы грозно шлете вслед
И «жулик» и «касторка»?

Вы... Стоп! А где я видел вас?
Я помню вас, не зная...
Ах, да... Вечерний поздний час...
Какая-то пивная...

Вы выходили из дверей
Походкою нетвердой,
И в ярком свете фонарей
Кому-то лезли «в морду».

Дрались, кусаясь и рыча,
Людей сбивали с ног,
Пока у вашего плеча
Не прозвучал свисток.

Вас увели. Ночной туман
Скрыл от меня ваш след...
.....

Ну, да!.. Вы — просто хулиган.
Я вас узнал, сосед!⁴⁸

⁴⁸ Красный спорт. 1933. 30 октября.

Такова низшая точка метафорической траектории «футбол — война». Высшую точку попытался обозначить в своем стихотворении 1939 года рано умерший сталинградец Николай Отрада (псевдоним Николая Турочкина). Метафора здесь стремится дорасти до мирового, универсального принципа: футбол предстает чуть ли не священным воплощением жизни как диалектической борьбы сущего с сущим, чем-то вроде гераклитовского «война есть царь вещей, отец вещей». Читателя, пожалуй, может смутить неуклюжесть стихотворения Отрады, но как разительно оно и в этом отличается от большинства гладких и выхолащенных футбольных опытов современников молодого поэта:

ФУТБОЛ

И ты войдешь. И голос твой потонет
в толпе людей, кричащих вразнобой.
Ты сядешь. И как будто на ладони
большое поле ляжет пред тобой.

И то мгновенье, верь, неуловимо,
когда замрет восторженный народ, —
удар в ворота! Мяч стрелой и... мимо.
Мяч пролетит стрелой мимо ворот.
И, на трибунах крик души исторгнув,
вновь ход игры необычайно строг...

Я сам не раз бывал в таком восторге,
что у соседа пропадал восторг,
но на футбол меня влекло другое,
иные чувства были у меня:
футбол не миг, не зрелище благое,
футбол другое мне напоминал.

Он был похож на то, как ходят тени
по стенам изб вечерней тишиной.
На быстрое движение растений,
сцепление деревьев, переплетенье
ветвей и листьев с беглою луной.

Я находил в нем маленькое сходство
с тем в жизни человеческой, когда

идет борьба прекрасного с уродством
и мыслящего здраво — с сумасбродством.
Борьба меня волнует, как всегда.

Она живет настойчиво и грубо
в полете птиц, в журчании ручья,
определенна,
как игра на кубок,
где никогда не может быть ничья⁴⁹.

Это впечатление усиливается благодаря легко считаваемому сходству стихотворения, особенно его четвертой строфы, с поэмой Николая Заболоцкого «Лодейников»⁵⁰ — первоначальный ее вариант Отрада, следивший за современной поэзией, мог прочесть, в частности, в сборнике Заболоцкого «Вторая книга» (1937). Но если в «Лодейникове» растения ведут между собой настоящий бой, то в четвертой строфе «Футбола» противостояние как таковое уходит на второй план, смещается. Борьба на поверку оказывается обратной стороной царящей в природе гармонии: напряженно-динамическая «сердцевина» строфы («движение растений, / сплетение деревьев») обрамлена гораздо более мирными картинами вечерних теней и лунного сияния и сливается с ними в одно целое. В результате и футбол начинает восприниматься как предельно возвышенное занятие, достойное стать темой «высокой» поэзии.

Товарищи вспоминали про Николая Отраду как про фанатика футбола, видевшего в этой игре «уладу

⁴⁹ *Отрада Н.* Кочуют зеленые звезды. Волгоград, 1965. С. 9–10.

⁵⁰ Ср.: «Трава пред ним предстала / стеной сосудов. И любой сосуд / светился жилками и плотью. Трепетала / вся эта плоть и вверх росла, и гул / шел по земле. Прищелкивая по суставам, / пришлепывая, странно шевелясь, / огромный лес травы вытягивался вправо — / туда, где солнце падало, светясь. / И то был бой травы, растений молчаливый бой» (*Заболоцкий Н.* Вторая книга. Л., 1937. С. 10).

человечества»⁵¹ и буквально разрывавшегося «на части между поэзией и футболом»⁵². Может быть, поэтому Отрада, хотя и числился в обойме комсомольских авторов, не захотел ограничить футбольную метафору набором идеологических клише, более того — даже подразумеваемое в последней строке стихотворения слово «победа» он решился истолковать не в пропагандистском, а в философском смысле.

А как же сама собой разумеющаяся формула «футбол — игра»? В своем чистом, не замутненном идеологией виде она уходит на дальнюю периферию, в поэтические катакомбы или в эмиграцию. Характерно, что «свободная стихия» в стихотворении уроженца Одессы Аркадия Штейнберга «Взморье» (1932) сравнивается именно с «забытой футбольной площадкой»:

Кто б мог его от жизни развязать?..
Оно лежит внушительно и шатко,
Большое, старое, — ни дать ни взять,
Забытая футбольная площадка⁵³.

Это лишний раз указывает, что такие значения, как «футбол — игра стихий», «футбол — игровой прорыв в свободу», являются, скорее, выпадениями из принятой системы значений. Об этом в подцензурной поэзии теперь можно только обмолвиться, как это сделал свердловчанин Константин Реут во «Вступлении в поэму» (1934), описывающем окончание рабочего дня:

Но вдруг (так грузят в склады жечь и цинк)
Внезапный всплеск, как гол в шальном футболе:

⁵¹ Из стихотворения Юрия Окунева «Николай Отрада» (см.: Николай Отрада: стихи и письма, воспоминания о поэте, посвящения. Волгоград, 2008. С. 114).

⁵² Из стихотворения Виталия Балабина «Улица Николая Отрады» (Там же. С. 116).

⁵³ Штейнберг А. К верховьям. М., 1997. С. 34.

Звонок! День израсходовал часы,
Шагами заполняется линолеум⁵⁴.

Дальше уже идет та сфера значений, обратиться к которой в советской печати в те годы не представлялось возможным. Взять хотя бы метафорический вариант «футбол — игра животных сил», как по волшебству превращающая нужные и ненужные предметы в мяч. Его мы находим, конечно вне советского контекста, у тогдашнего парижанина Саши Черного в стихотворении «Футбол» (1932), вошедшем в его цикл «На пустыре». В этом стихотворении идеология отсутствует начисто, зато еще одной реалией пополнен реестр предметов, которыми можно играть в футбол, с 1910-х годов составлявшийся русскими поэтами:

ФУТБОЛ

Три подмастерья, —
Волосы, как перья,
Руки глистами,
Ноги хлыстами
То в глину, то в ствол, —
Играют в футбол.

Вместо мяча
Бак из-под дегтя...⁵⁵
Скачут, рыча,
Вскинувши когти,
Лупят копытом, —
Визгом сердитым
Тявкает жесь:
Есть!!!

⁵⁴ Реут К. Убеждение. Свердловск, 1934. С. 52.

⁵⁵ Ср. в «Кондуите» Льва Кассиль о дореволюционных забавах гимназистов: «На пустырях играли в особый “футбол” вывернутыми телеграфными столбами и тумбами. Столб надо было ногами перекатить через неприятельскую черту. Часто столб катился по упавшим игрокам, давя их и калеча» (Кассиль Л. Конduit. Последняя повесть о гимназии. М., 1930. С. 15).

Тихий малыш
В халатике рваном
Притаился, как мышь,
Под старым бурьяном.
Зябкие ручки
В восторге сжимает,
Гладит колючки,
Рот раскрывает,
Гнется налево-направо:
Какая забава!⁵⁶

То же значение метафоры развернуто в шуточном стихотворении москвича Николая Глазкова «Про футбол» (1939), дополнившем к тому же упомянутый реестр еще одним предметом. Футбол здесь перемещается из сферы целесообразности в сферу свободы — но и пишется это стихотворение заведомо не для печати:

ПРО ФУТБОЛ

А вот младенца два
Бегут, по лужам мчатся.
Все в мире трын-трава,
А шапка — это мяч.
Им она на кой?
Они ее ногой.
Их головы обнажены,
Навыкате безумные глаза.
Бегут те юноши без друга, без жены...
Но все равно: да здравствует азарт!⁵⁷

Единственное известное нам советское стихотворение 1930-х годов о спорте, в котором «социальная спайка» была демонстративно разомкнута, — это «Футбол» харьковчанина Владислава Эллиса. Футбол тут становится лирической темой, метафорически истолкованный как «игровая отдушина», «лечебный бальзам». Характерно, что в этом стихотворении воскрешена и

⁵⁶ Последние новости. Париж, 1932. 5 апреля.

⁵⁷ Глазков Н. Хихимора. М., 2007. С. 376.

ключевая для 1920-х годов тема футбола как «злой» и беспощадной борьбы за первенствование:

ФУТБОЛ

Мне больше всех земных утех
Бальзам, от боли и урона,
С мячом законченный пробег,
Ковром зеленым стадиона.

В кругу несчастий и удач,
Вперед толкающие бури.
Там у ворот, в борьбе за мяч,
Большая жизнь в миниатюре.

Ребят здоровая гурьба,
И мышцы в бронзовом порядке.
На поле честная борьба,
Без политической подкладки.

Она ушла, ее любил,
Страданья временно забыты.
Чудесно горечь растворил,
Забитый мяч, и плач защиты.

Был в комсомоле,— я не вру.
Обрел в борьбе мечту желаний;
За результатную игру,
Освобождение от собраний!

Но как бы не был зло-упрям,
Огонь горячего подростка.
Была бушующим страстям
Границей, белая полоска!⁵⁸

Но ведь и напечатать свой «Футбол» автору удалось лишь много лет спустя после написания — и в Лос-Анджелесе; да и неизвестно, таков ли был вариант 1930-х годов.

В завершение этой главы обратимся к стихотворению Даниила Хармса «АндДор», датированному самым началом интересующего нас сейчас десятилетия —

⁵⁸ Эллис В. Избранное. Лос-Анджелес, 1968. С. 60.

13–14 января 1931 года, — как к примеру смещения футбольной метафоры поздним поэтическим авангардом. Футбол у Хармса — не просто игра, а *игра саморазворачивающаяся*, вырывающаяся за пределы человеческой воли; от игроков поэтический фокус сдвигается к мячу, именно мяч становится субъектом стихотворения, и люди не в состоянии ему помешать. Почему совершается футбол как событие? Потому что так хочет мяч — такова алогическая логика хармсовской футбольной метафоры:

Андор

Мяч летел с тремя крестами
быстро люди все местами
поменялись и галдя
устремились дабы мяч
под калитку не проник
устремились напрямик
эка вылезла пружина
из собачей конуры
вышиною в пол аршина
и залаяла кры-кры
одну минуту все стояли
тикал в роще метроном
потом все снова поскакали
важно нюхая долото
пришивая отлетевшие пуговицы
но это было все не то
когда сам сын, вернее мяч
летел красивый им попутный
подпрыгнет около румяч
руками сплещет у ворот
воздушный голубец
потом совсем наоборот
ложится во дворец
и медленно стонет
шагая словарь
и думы палкой гонит:
прочь прочь бродяги
ступайте в гости к Анне Коряге
и думы глотая живого леща

топчет ногами колоши ища
волшебная ночь наступает
волшебная ночь наступает
волшебная кошка съедает сметану
волшебный старик долго кашляя дремлет
волшебный стоит под воротами дворник
волшебная шишка рисует картину:
волшебную лошадь с волшебной уздечкой
волшебная птичка глотает свистульку
и сев на цветочек волшебю свистит
ах девочки куколки где ваши ленточки
у няни в переднике острые щепочки
ах девочки дурочки
полно тужить
холодные снегурочки
будут землю сторожить⁵⁹.

Пусть все приведенные выше тексты 1930-х годов послужат для хармсовского стихотворения контрастным фоном. В отличие от своего литературного соратника, Николая Заболоцкого, Хармс как поэт ни на йоту не был ангажирован советской эпохой; его стихотворения (как и стихотворения Александра Введенского) язык не поворачивается назвать *советскими* или, скажем, *антисоветскими*. Они были *несоветскими*, вписывающимися в контекст мирового авангарда куда органичнее, чем в поэтический советский контекст 1930-х годов⁶⁰.

⁵⁹ Хармс Д. Дней катыбр. Избранные стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. М., 1999. С. 172–173.

⁶⁰ Таким взглядом на творчество Хармса мы обязаны М.О. Чудаковой.

IV. «Хочет мяч целый мир облететь» (1945–1950)

Настроение эпохи — прямо или косвенно — передается в ее песнях. В первые послевоенные годы два поэта претендовали на то, чтобы унаследовать славу Василия Лебедева-Кумача с его маршем из «Вратаря», — Евгений Долматовский как автор «Песни футболистов» из кинофильма «Центр нападения» (1946) и Лев Ошанин, чья «Футбольная песенка» прозвучала год спустя. Оба этих песенных стихотворения бодро подхватывают кумачовский «соляренный» зачин: «Ну-ка, солнце, ярче брызни, / Золотыми лучами обжигай!». Долматовский цитирует его почти буквально, с теми же «золотыми лучами», заменив только «металлургическую» метафору «обжигай» («как сталь») на «сельскохозяйственную» — «согрели» (как колосья). Может быть, поэтому он и прячет солнце в последний куплет, начиная с образа «загорающихся», солнечных глаз:

Наша молодость вышла на поле,
Загораются тысячи глаз.
Весь наш город сейчас на футболе —
Он душою болеет за нас!

Припев:

Футболисты, в наступленье!
Мы, как буря, грозны в нападеньи,
А в защите, как стена, —
Так учила нас война!
Дружбой молодость сильна!

Горячиться, товарищ, не нужно,
Поработай сперва головой!

Побеждает советская дружба
И весёлый напор боевой!

Припев:

Закалила спортсмена работа,
Золотые согрели лучи.
В заграничных далеких воротах
Побывали и наши мячи!¹

А у Ошанина образы распределяются в том же естественном порядке, что и на «рисунке мальчишки» из его будущей песни; первая строка «Песенки» приветствует солнечный свет, последняя — жар молодежи:

На лучистом, чистом небе солнце светит,
С высоты с любопытством глядит.
Быстроноги футболисты, словно ветер.
Кто кого в этот раз победит?

Удар короток —
И мяч в воротах!
Кричат болельщики, свисток дает судья.
Вперед, друзья!
Быстроноги футболисты, словно ветер.
Кто кого в этот раз победит?

В небе злая грозовая панорама,
Мяч плывет у ворот по воде.
Но упрямо едет прямо на «Динамо»
Вся Москва, позабыв о дожде.

Мы нередко, мы нередко били метко:
Ну-ка, друг, мимо рук получи!
И к британцам, и к шотландцам прямо в сетку
Из Москвы залетали мячи.

Над зеленым стадионом с легким звоном
Хочет мяч целый мир облететь.
Слава смелым и умелым чемпионам
И привет тем, кто любит «болеть»!
Не гордитесь, берегитесь, чемпионы,
Мастера — ветераны мяча:

¹ Долматовский Е. Книга ровесников. М., 1947. С. 46.

В каждом поле, в каждой школе стадионы!
До чего ж молодежь горяча!

Удар короток —
И мяч в воротах!
Кричат болельщики, свисток дает судья.
Вперед, друзья!
В каждом поле, в каждой школе стадионы!
До чего ж молодежь горяча!²

Но при всем сходстве образного строя и образцов песни эти расходятся по существу в демонстрации своей главной темы — футбола. Хор из «Центрального нападающего» продолжает линию «Вратаря» по прямой: на смену футбольной подготовке к войне («Закаляйся!»; «Будь готов!»; «Не зевай!») приходит футбольное подтверждение боевой славы («Так учила нас война!»), закрепление вооруженной экспансии («Футболисты, в наступленье!») и удвоение военной угрозы («Мы, как буря, грозны в нападеньи, / А в защите, как стена»). В довоенном марше преобладает риторика учения и полигона, разворачивающаяся в серии «штабных» императивов («отбивай!»; «не зевай!»; «готовься!»), — после Победы она закономерно сменяется парадной риторикой, стремящейся перевести временное в вечность, свершившееся в непреложный закон (не просто «победила», а «побеждает советская дружба»).

В песне Долматовского происходит своего рода реализация метафоры, привычной с 1920-х и особенно с 1930-х годов: «футбол — война»; уже не только о футболе говорится как о войне, но и о войне как о футболе — в духе газетного фельетона Р. Романа 1942 года «На боевом стадионе» (это едва ли не единственные поэтические строки с футбольными мотивами, напечатанные в «Красном спорте» с конца июня 1941 по май 1945 года):

² Комсомольская правда. 1947. 15 июня.

Футболисты в ночь глухую
 Немцев встретили. Изволь!
 Обыграли их всухую
 Матч окончен. Десять — ноль!³

Любопытно, что «Песня футболистов» в припеве соскакивает с анапеста на ту же глуповатую хореическую скороговорку, что и заказные вирши из «Красного спорта», с теми же сомнительными гиперболами («Десять — ноль!» — «как буря»). В фельетоне слишком поспешно взятая тема мстит за себя ассоциациями с неприличной детской загадкой: «Кому не спится в ночь глухую?». В стихах из «Центрального нападающего» возникает нечто подобное: доверившись инерции «готового слова», поэт-песенник соскальзывает то в метонимическую двусмысленность («Наша молодость вышла на поле»), то в алогическую толкотню разнородных лозунгов («Так учила нас война! / Дружбой молодость сильна!»).

В метафорической связке «футбол — парад» проявляется давление поздней сталинской культуры, стремящейся подвести все живое к единому монументальному знаменателю. То, что у Долматовского дано пунктиром, обстоятельно разворачивает, например, другой поэт-песенник, Александр Жаров в своем стихотворении «На стадионе» (1947):

Традиционный круговорот
 Сказочных красок, узоров нарядных.
 На радостный праздник послал народ
 Девушек статных, юношей ладных.

 Задорны они, стройны и сильны.
 Как бронза, — загар на лицах довольных...
 Бодрость и свежесть принесены
 С теннисных кортов, с полей футбольных.

 Флаги, флажки и цветы пестрят.
 Радует блеск оркестровой меди.

³ Красный спорт. 1942. 1 мая. С. 3.

Солнцем пронизанный, спортпарад
Мощью своей посвящен Победе.

Льется прозрачных знамен река.
Вот вдалеке, над волною алой,
Пышно кипят голубые шелка
Нежною пеной, красой небывалой.

Лица торжественны. Песни светлы.
Гордо, подобно весеннему грому,
Вспыхнуло слово любви и хвалы
Нашему Сталину дорогом⁴.

Всякое движение здесь застывает, словно повинуюсь заклятью: «круговорот» остановлен прилагательным «традиционный», «бодрость и свежесть» — опредмечены («принесены»), «кипение» знамен сковано застывшими, затверженными формулами — «пышно», «красой небывалой». Эпитеты и метафоры тавтологически долбят в одну точку — в утверждение доминирующей статуарности («статные», «ладные», «стройны и сильны», «торжественны», «мощь», «бронза» и «медь») — вплоть до исчерпания «восторженной» синонимии («сказочные», «нарядные», «задорны», «довольные», «пестрят», повторы: «радостный» — «радует», «солнцем пронизанный» — «светлы»).

Тем знаменательнее разворот футбольной темы в ошанинской «Песенке». В ней не только нет ни одной формулы под знаком войны, она вообще лишена какой-либо агрессии, здесь даже борьба и конкуренция как будто понарошку. В стихах Ошанина есть «дружья», но нет врагов; если бы только в припеве подогнали своих: «Вперед, дружья!», но ведь и к противнику в куплете обращаются всего лишь с дружеским лукавством: «Ну-ка, друг, мимо рук получи!». В начале песни солнце освобождено от привычной повинности — закалять и выращивать бойцов; оно движимо той же страстью, что и любой обыкновенный болельщик

⁴ Жаров А. Московская юность. М., 1947. С. 30–31.

(«С высоты с любопытством глядит»). Ближе к концу песни Земля — для подобного ей круглого мяча — предстает единым стадионом, лишенным границ и идеологических ориентиров.

Это ощущение единства захваченного футболом мира только усиливается курьезной строкой с детской ошибкой в политической географии: «И к британцам, и к шотландцам прямо в сетку...»; грация сбивается на тавтологию, противоречие части и целого — ну и что? Главное — вдохновленная футбольным «ветром» «легкость в мыслях», веселье резвящихся слов. Нелепость оказывается в ошанинской «Песенке» не досадной, а забавной — еще больше разгоняющей инфантильную динамику стиха, фразировки, мотивных сцеплений. Образы песни нельзя оценивать по смыслу, как пулю в известном тыняновском высказывании — по цвету и запаху. Они сильны разгоном, энергией восторженной суеты: «вся Москва» — «едет прямо на Динамо», футболисты бегут с быстротой ветра, подгоняемые болельщицким криком («Вперед, друзья!»), мяч — «плывет», летит в цель («били метко»), в полете множится («залетали мячи»), персонифицируется и гиперболизируется («хочет мяч целый мир облететь»). Синтаксис немедленного действия и спонтанных эмоций («Удар короток — / И мяч в воротах»; «Ну-ка, друг, мимо рук получи!»; «До чего ж молодежь горяча»), грамматика «сиюминутного» настоящего («Кричат болельщики, свисток дает судья»); резкая смена кадров («На лучистом, чистом небе солнце светит» — «В небе злая грозная панорама»). Как это контрастирует с футболом в песне Долматовского, сведенным к статике плакатных правил и предписаний!

У Ошанина футбол вдруг сбрасывает пути предустановленных метафор — в его «Песенке» это игра и только игра. Детский игровой настрой есть уже в названии с уменьшительным суффиксом; затем, как бы в ответ на «легкий звон» мяча, затевается легкомысленная стиховая игра, с перезвоном внутренних

рифм. Каждое слово стремится стать рифмой соседнему слову (иногда они теснятся до трех в строке: «Над зеленым стадионом с легким звоном»; «Но упрямо едет прямо на “Динамо”»); иногда угадываются в созвучиях: «С высоты с любопытством глядит»; «И привет тем, кто любит болеть»; «Мастера — ветераны мяча»). Вопросы, уже вовсе не риторические, заданы в куплете и припеве увлеченным ожиданием, предвкушением игры («Кто кого в этот раз победит?»), императивы и восклицания продиктованы не дидактикой, а игровым азартом («Вперед, друзья!»). Игра не дает поэту времени даже воспеть героев — столь стремительна здесь композиционная перебежка; стоит хору приблизиться к пьедесталу эпиникия («Слава смелым и умелым чемпионам...»), как его уже норовят опрокинуть («Не гордитесь, берегитесь, чемпионы...»).

Установки двух спорящих песен — одной на политучебу, другой на игру — определили их отсылки к значимым футбольным событиям и явлениям эпохи. «В заграничных далеких воротах / Побывали и наши мячи», — торжествует солист в «Песне» Долматовского; его соперник, Ошанин, не стесняется почти повторить эти слова, но при этом переставляет акценты: «И к британцам, и к шотландцам прямо в сетку / Из Москвы залетали мячи». О чем идет в обоих случаях речь, очевидно — о триумфальном турне московского «Динамо» по Великобритании осенью 1945 года (наша команда в играх против «Челси», «Кардифф Сити», «Арсенала» и «Глазго Рейнджерс» добилась одной ничьи и трех побед, с общим счетом 19 : 9). Но, в отличие от Долматовского с его тяготением к завоевательной метафорике (и, соответственно, антитезой «заграничные — наши», скрытой причинной связкой «“закалка” — захват “далеких” рубежей»), Ошанин вольно или невольно замещает «героические» ассоциации «приключенческими». «Песенка» не ведет и не призывает, а рассказывает — взхлеб, перескакивая и не договаривая; зато в ней угадываются обрывки и

нарративного зачина («нередко»), и острого диалога («ну-ка, <...> получи»), и даже фантастического сюжета — «авантюра мяча» («И к британцам, и к шотландцам прямо в сетку / Из Москвы залетали мячи»).

И вот что важно: ошанинская восторженная говорная припрыжка гораздо вернее передает то настроение, которым были проникнуты непосредственные свидетельства и репортажи о динамовском успешном турне. Если, например, открыть книгу, по горячим следам собравшую впечатления участников и очевидцев тех событий, — «Девятнадцать на девять» («Молодая гвардия», 1946), то можно легко убедиться: поездка «Динамо» в Великобританию воспринимается и описывается скорее не как героический поход, а как увлекательное приключение. Рассказчики вовсе не стремятся обобщить достижения «Динамо» пропагандистской формулой; они гораздо больше внимания уделяют деталям, создающим нарративное напряжение. Участниками сборника активно используются такие приемы, как комический внутренний монолог (вратарь «Динамо» А. Хомич, которого британские журналисты прозвали «тигром»: «Тигр так тигр — постараюсь почувствовать себя в тигровой шкуре»⁵), интригующая реплика (форвард Вс. Бобров: «Хорошо дашь мяч, забью! Ей-богу, Костя, забью! Бесков, всегда хладнокровный и выдержанный, только улыбается»)⁶, метафора невыполнимого задания (Хомич: «...расколдовать английские ворота»⁷); метонимия необычного состояния (Бобров: «У всех наших игроков лихорадочно блестят глаза»⁸), градация эмоционального нагнетения (Бобров: «Время истекает. Стрелка на часах торопится. Обогнать ее!») и разрешения (журналист

⁵ Девятнадцать на девять. Футболисты московского «Динамо» в Англии. М., 1946. С. 26.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ Там же. С. 33.

⁸ Там же. С. 48.

Ю. Жуков: «На трибунах творится нечто невообразимое. Все встают, кричат, аплодируют»⁹; Бобров: «Наконец свершилось»; «Сетка! Гол! Рев, трещотки... До чего же я счастлив!..»¹⁰). Особенно обостряется механизм перипетии в воспоминаниях об игре с лондонским «Арсеналом» в сплошном тумане. Футболисты и журналисты пытаются усилить читательское впечатление за счет остранения (Жуков: «Представьте себе глубокую овальную чашу, наполненную дымчатым молоком. Где-то внизу изредка мелькают то бело-голубые, то красно-белые точки. Это игроки Динамо и английской команды ведут игру»¹¹), мистификации (Хомич: «...только яркие вспышки фотоламп помогли определить, где сейчас ведется борьба за мяч»¹²), смены повествовательного ритма (форвард К. Бесков: «Я внезапно удалился вправо и исчез в тумане»¹³).

Восприятие футбола как авантюрного текста подогревалось еще и голосом знаменитого комментатора Вадима Синявского. «Рапсоды собирали свой эпический текст из готовых блоков, — рассуждает М.Л. Гаспаров, — как В. Синявский складывал забываемые футбольные репортажи из “обводит одного, другого, третьего”, “навешивает на штрафную площадку”, “надо бить!”, “мяч уходит на свободный...” Я не знал, что все это такое, но слушал радио не отрываясь, и из фраз складывались картины, фантастические, но разнообразные. Когда наступил телевизор и мне показали, как выглядит футбол на поле, я не понимал решительно ничего»¹⁴. Основными приемами

⁹ Девятнадцать на девять. Футболисты московского «Динамо» в Англии. С. 63.

¹⁰ Там же. С. 46.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² Там же. С. 41.

¹³ Там же. С. 55.

¹⁴ *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М., 2000. С. 125.

Синявского-«рапсода» были легкая и убедительная гиперболы, градация числительных, эпитет в превосходной степени; игрок обходил одного — а из репродуктора звучало: «одного, второго, третьего», любой удар становился «сильнейшим», бросок вратаря — «потрясающим» и «неимоверным», атаки — непрекращающимися («Игра не знает моментов затишья»¹⁵). Голы залетали только в верхние углы, и в верхних же углах отбивали мячи вратари («просто потрясающий бросок Хомича, на этот раз в левый верхний угол»; «блестящий удар Архангельского на месте правого инсайда, и мяч затрепетал в верху сетки ворот Челси» — так он повествовал о первом матче динамовского турне — с «Челси»). «Представьте себе прямоугольник, стиснутый трибунами, — вспоминает К. Бесков, — сугубо футбольный стадион без беговых дорожек и секторов для легкой атлетики, затянутый густомолочным туманом, в котором мелькают темно-голубые и красно-белые футболки. С трибуны не видна противоположная трибуна. И “суп” все сгущается. Першит в горле, режет глаза. Радиокомментатор Вадим Синявский подходит к бровке поля и спрашивает ближайшего к нему динамовца: “Леня, что там сейчас было?” — “Точно не скажу, — отвечает Леонид Соловьев, — но, кажется, Бобров бил по воротам, а голкипер парировал... — “Прорыв Боброва! — кричит в свой микрофон Вадим Святославович. — Сильнейший удар в верхний угол ворот “Арсенала”! Вратарь Гриффитс в неимоверном прыжке с трудом переводит мяч на угловой!” В лучшем стиле Синявского. На Родине люди замирали у радиоприемников»¹⁶.

Голос Синявского — «неизмеримо больше, чем голос футбольного комментатора», это «опознавательный

¹⁵ Кинохроника из документального фильма «Футбол нашего детства». 1984. <<http://my.mail.ru/list/manyunya/video/1602/20056.html>>.

¹⁶ Бесков К. Моя жизнь в футболе. М., 1994. С. 126–127.

знак эпохи» (Леонид Зорин)¹⁷. Вот и ветеран комсомольской поэзии А. Безыменский не скупится на «орфические» комплименты обладателю этого голоса — комментатору приписываются не только поэтические способности, но и поэтическая магия, метафорически связывающая пространство и метонимически проникающая в души миллионов:

В дни матчей
 города и села
В игру команд
 Синявским включены.
Он радиопозт —
 советского футбола,
Глаза и уши
 всех болельщиков страны¹⁸.

Похоже, ошанинская «Песенка», как и многое в послевоенные годы, тоже подстраивается под голос Синявского, на свой лад переиначивая сказовый стиль комментатора. В песне ведь, как и в репортаже, не обходится без лукавых присказок и подбадривающих восклицаний: «Ну-ка, друг, мимо рук получи!»; «Вперед, друзья!»; «До чего ж молодежь горяча!» — не перекликается ли это с характерными репликами Синявского вроде: «Неплохо взял!»; «Большая суматоха у ворот Спартака»; «Кажется, Спартак рассердился не на шутку»; «Да бей же, бей!»?¹⁹ Оба ускоряют темп речи, но мягко, без агрессии и ораторского взвинчивания; слова замечательного драматурга и прозаика Леонида Зорина о Синявском («Интонация удивительно доверительная»; «Ощущение интимного раз-

¹⁷ Футбол нашего детства. <<http://my.mail.ru/list/manyunya/video/1602/20056.html>>.

¹⁸ *Безыменский А.* Вокруг мяча: Альбом дружеских шаржей и эпиграмм. М., 1947. С. 16.

¹⁹ Футбол нашего детства. <<http://my.mail.ru/list/manyunya/video/1602/20056.html>>.

говора было его открытием»²⁰) можно, с поправкой на жанр, задающий маршевую интонацию, отнести и к Ошанину²¹.

«Голос Левитана — голос трагедии, голос войны, — обобщает Л. Зорин. — Голос Синявского — это был голос возвращения к миру, голос новой поры, голос возвращения на ту планету, на которой много света, радости, молодости, весны, голос праздника»²². Та же жизнеутверждающая энергия чувствуется в ошанинской «Песенке»: в ней все откликается на футбольную веселую лихорадку, вдвойне охватившую страну после войны. В то время как Долматовский сводит футбольный быт к абстракции, к формуле народного единения («Весь наш город сейчас на футболе»), Ошанин делает моментальный снимок эпохи во власти футбольного бума — и эпоха узнает себя в нем.

Не случайно К. Бесков, вспоминая московскую жизнь тех лет, прежде всего цитирует ошанинские строки: «Переполненные трибуны! “Но упрямо едет прямо на ‘Динамо’ вся Москва, позабыв о дожде...” “Нет ли лишнего билетика?” — сакраментальный вопрос, раздававшийся тысячекратно в былые времена под стенами стадионов Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, любого футбольного города страны. Право, для моего слуха нелепо звучит: “На матче сегодня присутствует 20352 зрителя”. Это на каком матче — мо-

²⁰ Футбол нашего детства. <<http://my.mail.ru/list/manyunya/video/1602/20056.html>>.

²¹ Даже такой громкий поэт, как тот же Безыменский, обращаясь к теме динамовского турне, невольно перенимает веселую разговорность Синявского и Ошанина: «— Нет в Европе дали, / Стран и берегов, / Где бы не видали / наших игроков. / Правильной работой / Был наш каждый матч. / В многие ворота / Мы вбивали мяч. / Был он даже в зеве / Лондонских ворот... / ДЕВЯТНАДЦАТЬ : ДЕВЯТЬ / — Подходящий счет!» (Безыменский А. Вокруг мяча. С. 4).

²² Футбол нашего детства. <<http://my.mail.ru/list/manyunya/video/1602/20056.html>>.

сковских спартаковцев и динамовцев? Невероятно! Подобное было бы невозможно в сороковые и пятидесятые годы. Если стадион вмещал, допустим, 56 тысяч зрителей, то на матче присутствовало обычно больше»²³. «Особая тяга была в ту пору к зрелищам, праздникам, — вторит бывшему динамовцу Бескову спартаковец Н. Симонян. — Народ изголодался по ним, и теперь, когда тревоги отступили... В дни футбольных матчей, казалось, вся Москва устремлялась на стадион “Динамо”. Битком набитые вагоны метро, переполненные троллейбусы с открытыми дверями. Пассажиры гроздьями висели на подножках трамваев, некоторые ухитрялись прицепиться сзади к автомобилям... Обладатели билетов считались самыми счастливыми людьми. О том, чтобы стрельнуть лишний билетик, и речи быть не могло. Легче было всеми неправдами шмыгнуть мимо контролеров. Иногда самым шустрым пацанам удавалось отвлечь милицию и перемахнуть через ограду стадиона. <...> Тот, кому довелось ощутить непередаваемую атмосферу послевоенных стадионов, может лишь грустить по ней. <...> Люди после всего пережитого испытывали невероятную потребность в широком радостном общении, которое дает только стадион, в открытом выражении чувств»²⁴.

«Очереди за билетами выстраивались с вечера, — рассказывает А. Габрилович в документальном фильме “Футбол нашего детства”. — ...Тысячные толпы простаивали ночами у стадиона, ожидая открытия касс. <...> В дни большого футбола потоки людей и машин буквально захлестывали Ленинградское шоссе и соседние с ним улицы. <...> Перед началом игры перед стадионом скапливалось около полумиллиона болельщиков. Казалось, вся Москва была охвачена

²³ Бесков К. Моя жизнь в футболе. С. 109–110.

²⁴ Симонян Н. Футбол — только ли игра? М., 1989. С. 17–18.

футбольной горячкой»²⁵. Даже в неловкой шутке Безыменского, взявшего на себя в конце 1940-х годов роль поэтического хроникера футбольной жизни, есть немалая доля правды; уже сама возможность проникнуть на стадион в те годы почиталась за чудо:

«МНОГОБОРЬЕ» В ДЕНЬ МАТЧА

Здесь²⁶ выразительно рассказан
Одной пробежки протокол,
Чтоб ты, читатель, в нем прочел:

— БОЛЕЛЬЩИК,

ЛЮБЯЩИЙ ФУТБОЛ,

ВСЕ ВИДЫ СПОРТА

ЗНАТЬ ОБЯЗАН!

Не то никак не сможет он

В Москве

попасть на стадион²⁷.

Итак, в самом отказе Ошанина от идеологической метафоры сказались скрытая, подразумеваемая метафора: «футбол — это мир». Она была поистине выстрадана в 1940-е годы, как и другая метафора, тесно связанная с ней: «футбол — это праздник жизни»²⁸.

²⁵ Футбол нашего детства. <<http://my.mail.ru/list/manyunya/video/1602/20056.html>>.

²⁶ Стихотворение сопровождается в книге шестью карикатурными иллюстрациями: болельщик участвует в «многоборье» — в беге с препятствиями, в прыжках с подтягиванием, слаломе, «выжимании», «стойке» — и в конце концов празднует победу (Безыменский А. Вокруг мяча. С. 20).

²⁷ Там же.

²⁸ Как послание: «Город жив!» — был воспринят футбольный матч, проведенный в блокадном Ленинграде 6 мая 1942 года. В связи с этим Н. Симонян в своих воспоминаниях разворачивает метафору «футбол — это жизнь»: «Когда провалилась очередная попытка фашистов взять город и они заявили, что не вошли в него только потому, что он мертв и все улицы завалены трупами, ленинградские спортсмены предложили командованию организовать в городе футбольный матч. И он состоялся — между ленинградским

О футболе как мирной забаве грезили фронтовые поэты; так, в стихотворении Ярослава Смелякова «Ржавые гранаты», многозначительно датированном октябрем 1941 года, футбол вписывается в элегический ряд школьной счастливой жизни, зачеркнутой войной:

Мы не однажды ночевали в школах,
Оружие, пристроив в головах,
среди белых стен, ободранных и голых
На подметенных наскоро полах.

И снилось нам, что в школах может сниться:
Черемуха, жужжанье майских пчел,
Глаза и косы первой ученицы,
Мел и чернила, глобус и футбол²⁹.

Соответственно, уже в первые месяцы после Победы «футбольные поля» стали восприниматься как анти-

“Динамо” и командой гарнизона. Как ни измучен был Ленинград непрерывными артобстрелами, голодом, на стадионе собралось немало народа. Репортаж с этого матча шел и на немецком языке, и громкоговорители полевых установок на оборонительных рубежах далеко окрест разносили голос радиокomentатора, гул трибун. На гитлеровских солдат это произвело ошеломляющее впечатление: перед ними был не город мертвецов, как им внушали, — твердыня... Так разве футбол — только игра?» (Симолян Н. Футбол — только ли игра? С. 11).

²⁹ «Идет война народная...». Стихи. М., 2010. С. 59. В одном из более поздних стихотворений смеляковского близкого друга и поэтического соратника, Бориса Слуцкого, футбол даже предстанет спасением от воспоминаний об ужасах войны. Там будут описаны чувства болельщика — ветерана войны: «В любом движенье этой дрожью связан, / Как крестным знаком верующий черт, / Он был разбит, раздавлен и размазан / Войной, не только сплюснут, но растерт / — И так — всегда? / Во сне и наяву? / — Да. Прыгаю, а все-таки — живу! / (Ухмылка молнией кривой блеснула, / Запрыгала, как дождик, на губе.) / — Во сне — получше. Ничего себе. / И — на футболе» (Слуцкий Б. Футбол // Слуцкий Б. Память. Стихи 1944–1968. М., 1969. С. 272–275).

теза полям сражений. Свидетельством тому — характерный куплет из «песни спортсменов» Юрия Князева («Физкультурная»):

Поединок окончен суровый,
Вновь свободна родная земля,
Мы с победой вернулись и снова
На футбольные вышли поля³⁰.

Исключения — рецидивы возвращения к «военной» метафоризации футбола — были редки и, скорее, подтверждали правило. Взять хотя бы стихотворение заслуженного художника и подпольного поэта Павла Зальцмана «Футбол» (25 июня 1945 года):

Мы вам воткнем стальной рукой
Железный нож в спину,
А вы положили на нас такой...
А я его скину.

А вы, подмявши меня за жо...,
Дадите нам звону,
А я, расставшись с своим ножом,
В свою очередь выну.

А вы... а я... а вы... А кто
Остался сбоку,
Того мы, мать его в пальто,
Убьем, собаку.

А мы вас провожали
До самых врат,
А вы нас уважали
В душу и в рот³¹.

Стоит заметить, что уподобление футбола войне здесь становится возможным только за порогом поэтической, больше того — речевой, нормы и способно реализоваться лишь в бранном жесте, в хулиганской порче языка. Эффект от «боевого» выпада Зальцмана тем

³⁰ Красный спорт. 1945. 13 августа. С. 2.

³¹ Зальцман П. Сигналы Страшного Суда. М., 2011. С. 156.

сильнее, что он рассчитан на «мирный» фон: если дело сразу после окончания войны дошло до карнавального переворачивания «мирной» метафорики, опрокидывания ее назло воображаемой публике, значит, эта метафорика уже тогда начинает восприниматься как нечто привычное и ожидаемое. Разумеется, стихотворение писалось в стол — но именно такие тексты порой лучше других испытывают и диагностируют литературную ситуацию. «Футбол» Зальцмана ясно дает понять, что в 1940-е годы футбольная тема отторгает и поржавевшую сталь прославляющих эпитетов («стальная рука» — чтобы воткнуть «железный нож в спину»), и заевший механизм сталкивающихся анти-тез («А вы... а я... а вы...»), и разложившиеся до обшеченной междометности метонимии борьбы («вы положили на нас такой...»; «подмявши меня под жо...», «в свою очередь выну»). «Мать его в пальто», «в душу и в рот» — эта поэтическая выходка, пусть и разыгранная втайне, оставшаяся «сбоку», — не карнавальное ли это прощание с метафорой «футбол — война», не знак ли того, что всерьез ее воспринимать больше нельзя?

«Стальная рука» (или «стальная нога», как в зальцмановском черновом варианте³²) — это еще и намешка над героикой футбола. В 1940-е годы идея игры-подвига и образ игрока-героя ушли на дальнюю периферию футбольной мифологии, в область полузабытых ассоциаций. Это не значит, что публика потеряла интерес к личности игрока, — напротив, футболистов в послевоенные годы любили как никогда, до самозабвения. «Наши кумиры казались нам богами, — рассказывает А. Габрилович, — слава окутывала их имена, порождала легенды, загадочные и достоверные»³³.

³² Зальцман П. Сигналы Страшного Суда. С. 156.

³³ Футбол нашего детства. <<http://my.mail.ru/list/manyunya/video/1602/20056.html>>.

Константин Ваншенкин в следующем десятилетии вспомнит об одной из таких легенд:

В сумерках спускающихся мгlistых,
С головы до ног в густой пыли,
Мы о легендарных футболистах
Разговоры долгие веди.

Помню, как звучало на полянке:
— Есть один. Играет он давно.
С левой он мячом ломает штанги,
С правой бить ему запрещено³⁴.

Это стихотворение, как и многие другие свидетельства, убеждает в том, что футбол в 1940-е годы едва ли не на равных спорил с кинематографом, «фабрикой грез», за власть над душами. Но, соответственно, сменилась и роль футбольной знаменитости — в те годы это уже не герой-боец, как в 1930-е, а «звезда», артист мяча на сцене стадиона. По словам Н. Симоняна, «звезды тех лет держались попроще, не заносились, не возносились. Их положение среди “простых смертных”... определяло время. Понятия “подвиг”, “героизм” относились не к тем, кто выходил на футбольное поле, а к тем, кто сидел на трибунах, поблескивая боевыми орденами. И футбольные отчеты не изобиловали словами “накал борьбы”, “мужество”, “драматизм”, “самоотверженность”»³⁵.

Зато игроков все чаще узнавали в лицо. Уподобление футболистов кинозвездам выразилось в повальном увлечении 1940–1950-х годов — собирании фотокарточек игроков. Упоенные перечни имен и фамилий звезд-футболистов мы находим и во многих газетных стихотворениях-репортажах этого времени:

Казалось, «размочили» счет, —
Но вот вперед выходит резко

³⁴ Цитируем стихотворение «Футбол» (Ваншенкин К. Портрет друга: Стихи. М., 1955. С. 47).

³⁵ Симонян Н. Футбол — только ли игра? С. 18.

Неутомимо-быстрый Бесков,
Обводит всех... и в угол бьет!
Опять под сеткою густой
Мяч бьется рыбкой золотой —
И Никаноров-рыболов
Его берет без лишних слов,
Твердя в уме: «Ну, и улов!»
(А. Ойслендер. «ЦДКА» — «Динамо») ³⁶

Опять восходит мяч футбольный
Над берегами невских волн.
Болельщик, мученик загольный,
Проснулся, дум футбольных полн:
Хороший ли привез улов
Нам с юга Окунь-рыболов?
Каких ершей Таланов ловит?
Что день текущий нам готовит:
Билетов хватает или нет?
О сфинкс-Фепонов, дай ответ!
(В. Невский. Ленинградская весна) ³⁷

Сколько тут имен знакомых —
Семичастный и Бобров,
Сам Бутусов тут за промах
Получает — будь здоров!
(Л. Хаустов. Во дворе) ³⁸

В духе эпохи многие газетные поэты тогда с готовностью обслуживали культ футбольных звезд, добавляя стихотворные подписи к их шаржированным портретам. Приемы таких стихотворений определялись общей тактикой — комической мифологизацией народных кумиров: если использовалась метафора, то с непременным уклоном в сказочную гиперболу, «мюнхаузенское» преувеличение атакующих или оборонительных способностей. Обычное дело — гиперболизация метафорических клише, как у Безыменского,

³⁶ Красный спорт. 1945. 24 июля.

³⁷ Советский спорт. 1947. 9 мая.

³⁸ Советский спорт. 1947. 31 мая.

Он мяч ведет так тонко и красиво,
Как будто бы танцует Шамиля⁴³.

Но все эти хвалебные преувеличения вовсе не означают героизации спортсменов: в стихах 1940–1950-х годов восхищаются не подвигом, а блестяще сыгранной ролью.

Метафора «футбол — это мир» в первые послевоенные годы оказывается на удивление безмятежной, разворачивающейся по ту сторону идеологии и политического заказа. А ведь это был едва ли не самый страшный период в истории СССР, а может быть, и России: от постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» в августе 1946 года до смерти Сталина в марте 1953 года. Парадокс: во всех областях советской жизни после недолгой передышки началось тогда жестокое закручивание гаек, но только не в футболе. Видимо, эту столь любимую массами и столь долгожданную в военные годы забаву было решено, директивно или по умолчанию, оставить как отдушину, как необходимую дань народной жажде «хлеба и зрелищ». Так, футбол поздней сталинской эпохи превращается в вожделенное и одобренное властью развлечение без поучения, в дозволенную страсть, более того — в волшебную страну творческой и эмоциональной свободы. «Для нас футбол значил гораздо больше, чем просто игра, — признается Е. Габри-

⁴³ *Безыменский А.* Вокруг мяча. С. 12. Соответственно, мяч у Безыменского от простой метонимии футбольной техники смещается к сказочной функции волшебного предмета — то невесомого, то двоящегося: «Не раз А р х а н г е л ь с к и м показан / Большой игры высокий класс, — / И людям кажется подчас, / Что мяч к ноге его привязан» (Там же. С. 9); «Наш Д ё м и н мал и кругл. Когда лихим налетом / Обводит он с мячом любого ловкача, / Всем кажется порой, что катятся к воротам / Два разноцветные мяча» (Там же. С. 10). Ср.: «Опять под сеткою густой / Мяч бьется рыбкой золотой» (*Ойслендер А.* «ЦДКА» — «Динамо». Мелодрама в двух таймах и шести эпизодах // Красный спорт. 1945. 24 июля. С. 2).

лович, — он был главной радостью нашей жизни»⁴⁴; «Народ-то был праздничный, он шел на праздник», — добавляет жена одного из тогдашних звездных футболистов⁴⁵.

Разумеется, над этим вдруг восставшим из пепла «человеком играющим» в течение всего праздничного футбольного семилетия (1945–1952) был занесен дамоклов меч сталинской репрессивной машины. И он обрушился на футбольное сообщество в 1952 году, после проигрыша сборной СССР на хельсинкской Олимпиаде сборной Югославии (5 : 5, 1 : 3). Последствия этого поражения были тем страшнее, что к 1952 году уже пятый год в СССР клеймили югославский «полицейский режим фашистского типа» и «кровавую клику Ранковича — Тито» (С. Маршак: «А у бандита Тито / Навеки карта бита»)⁴⁶. «Был разгневан Сталин, — вспоминает Бесков. — Естественно, все его окружение вторило вождю. “Проиграть ревизионистам-югославам, на радость клике Тито и Ранковича!” — так ставился вопрос. “Не проявить подлинного патриотизма, не суметь выиграть при том, что нас более двухсот миллионов, а югославов сколько?” За это мало было снять звания заслуженных... Футбол, его закономерности, специфика, наконец, его случайности — в расчет не принималось ничего. Виновных нужно было наказать, и это сделали. Комитет по физкультуре и спорту оперативно отреагировал. Все — по проторенным в других областях жизни дорожкам»⁴⁷. После Олимпиады пер-

⁴⁴ Футбол нашего детства. <<http://my.mail.ru/list/manyunya/video/1602/20056.html>>.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Как раз Маршак в этот период продолжал оставаться в плену у главной советской метафоры 1930-х годов «война — футбол». См., например, его политический фельетон «Сирийский футбол» (Правда. 1949. 19 августа). О детских стихотворениях Маршака о футболе см. в нашей книге далее.

⁴⁷ Бесков К. Моя жизнь в футболе. С. 75.

вым делом была расформирована базовая команда сборной, ЦДКА, назревала очередная сталинская кампания — теперь уже против вредительства в футболе. Только смерть Сталина оградила любимую народную игру от репрессий.

Но все же в то удивительное семилетие футбольного бума (от динамовского турне по Великобритании до Олимпиады в Хельсинки) ни клубы, ни болельщики, ни журналисты, ни пишущие о футболе поэты не испытывали на себе практически никакого давления со стороны органов власти. Футбол был предоставлен сам себе — и поистине расцвел.

Футбольный бум в 1940–1950-х годах проявлялся не только в грандиозном движении масс, в коллективных эмоциях тысяч на стадионе и миллионов возле радиоприемников, но и в сознательной переоценке успешными и деятельными людьми той эпохи своих личных приоритетов. В фильме А. Габриловича «Футбол нашего детства» демонстрируется записная книжка Дмитрия Шостаковича, в которой на первых страницах даны списком названия всех его сочинений, а следом за этим аккуратно расчерчена и заполнена таблица футбольного первенства. Соседство этих рядов весьма знаменательно. Футбол в тогдашней иерархии ценностей часто идет сразу же за делом всей жизни; это сопутствующее делу увлечение всей жизни; это то, что наполняет смыслом и яркими эмоциями время досуга; то, без чего нет ощущения полноты бытия.

Интересно, что присутствие на трибуне футбольного стадиона позволяло поэтам и поэтессам затрагивать почти табуированную в «большой литературе» того времени тему: любви не к партии и Сталину, а к мужчине и женщине.

Эта тема могла быть решена в жанре фельетона, как в газетном стихотворении Вадима Малкова «Спор влюбленных» (1946):

Я любил игру «Торпедо»,
Оле нравился «Спартак»,
Были споры, были беды,
Мы не ладили никак.

Как-то на футбольном поле
Проиграл «Спартак» игру.
Я мороженого Оле
В утешение беру.

Я сияю, я доволен,
Оля сумрачна и зла...
«Мало смыслишь ты в футболе»...
Повернулась и ушла.

Я звоню по телефону,
Отвечает: «Я больна».
Догадался я по тону
Что «болеет» вновь она.

Я хожу за Олей следом,
На игру зову опять...
И, представьте, вдруг «Торпедо»
Умудрилось проиграть!

О, как я теперь страдаю,
Всю неделю хмур и зол.
В воскресенье покупаю...
Вновь билеты на футбол.

Все пошло у нас сначала,
Нет согласия никак:
То «Торпедо» проиграло,
То опять подвел «Спартак».

Чтоб с болельщицей упрямой
Нам любовь не погубить,
Я тбилисское «Динамо»
Предлагаю полюбить...

Или, может, ЦДКА?
Не решили мы пока⁴⁸.

⁴⁸ Советский спорт. 1946. 29 июня.

Но возможен стал и вполне серьезный поворот любовной темы, как, например, в драматическом стихотворении Екатерины Шевелевой «На трибуне стадиона» (1947), которое, впрочем, поэтесса решила напечатать лишь в 1979 году:

Да, безусловно,
 с точки зрения разума
Любовь — потом,
 на первый план — дела.
Но вы стихи прочтите.
 Все в них сказано:
Любила вас, иначе не могла.
Ничем карьеры вашей не испорчу я,
Не трону ни супруги, ни детей,
И для себя — ни пули в лоб,
 ни прочего
Из цикла романтических смертей.
Рассталась я с литературной рубрикой:
Стихами перегружена печать.
На стадион пришла
 с футбольной публикой,
Здесь все орут.
 И я могу кричать⁴⁹.

Тема не только любви, но и болезненной ревности возникает и в футбольном стихотворении Я. Козловского и В. Прибыткова «Осенние мотивы»:

На зиму замазывают рамы,
Над Москвою тают облака,

⁴⁹ Шевелева Е. Избранное. М., 1979. С. 110. В опубликованной же в 1946 году поэме Шевелевой «Юноша» все акценты были идеологически расставлены правильно: «По его почину целый класс / Бредил “кролем”, увлекался “бассом”. / По его примеру, свысока, / Спорил о команде “Цедека” / И гудел насмешливо, сердито: / “Это ‘сундуки’, а не защита!” / Оглушен громадный стадион / Яростным “ура” и резким свистом. / “Молодец Федотов! Все же он / Может называться футболистом!” / Матч окончен. “Два — один” на вышке. / Победили воля и талант! / Прыгают московские мальчишки / Около взволнованных команд» (Шевелева Е. Юноша. М., 1946. С. 3–4).

Но опять мы едем на «Динамо»,
Как всегда, болеть за ЦДКА.

Ничего, что поле пожелтело,
Форварды бросаются вперед,
И в игру вступают то и дело
Верные защитники ворот.

Мяч взлетает на штрафной площадке.
Чем сейчас окончится прорыв?
Ты, волнуясь, комкаешь перчатки,
Обо мне на время позабыв.

Я тебя, мне кажется, ревную,
К игрокам — они герои дня,
Где мне взять болельщицу такую,
Чтоб «болела» только за меня?

Чтобы так же сердцем замирала,
Чтобы так же на глазах у всех,
Всей душою, с самого начала
В мой спортивный верила успех?

Но когда пойдем со стадиона,
Я тебе об этом не скажу,
Подарю янтарный листик клена,
До знакомой двери провожу.

Скоро, скоро клены золотые
Запорошит новая зима,
День морозным будет, и впервые
Ты за мною убежишь сама.

Спросишь — все ли у меня в порядке,
Под руку мы выйдем со двора.
Ты на старте будешь мять перчатки,
Прошептав: «Ни пуха, ни пера».

И снега, седые, как сказанья,
Завихрит стремительный слалом.
Должен взять я приз на состязанье,
Чтобы подойти к тебе потом,

Чтобы репортеры обступали,
На плечо легла твоя рука,

Чтоб ко мне тебя приревновали
Игроки команды ЦДКА⁵⁰.

И уж совсем в духе будущих 1960-х годов связал темы любви и футбола тот же Яков Козловский в своем длинном стихотворении «Предмайское» (1947), из которого здесь мы приведем небольшой отрывок:

Глазастая цветочница
Фиалки продает.
Мне стать мальчишкой хочется,
Водить бумажный флот.
И споря, словно школьные
Друзья мои,
Предсказывать футбольные
Грядущие бои.
И мне уже мерещится
Мяча упругий звон,
Болельщики, болельщицы,
Гудящий стадион.
И по такому поводу
Звоню тебе домой.
И слышу, пусть по проводу,
Веселый голос твой⁵¹.

Итак, *отсутствие идеологического диктата, превращение любимой народной игры в своего рода альтернативный общественный институт и переоценка ее житейского и даже жизненного значения* — все это привело в 1940–1950-е годы к смещению акцентов как в авторской, так и в массовой, газетной, футбольной поэзии. Прежде всего сменилась точка зрения поэта на футбол: теперь это уже был не дидактический взгляд сверху или со стороны, суждение наставника и контролера, а взгляд из толпы — лирическое высказывание болельщика или дворового игрока. Отсюда — новый тематический поворот в тогдашних стихах о футболе, под знаком «праздничной» метафоры: *игра*

⁵⁰ Советский спорт. 1947. 25 октября.

⁵¹ Советский спорт. 1947. 19 апреля.

как превращение будней в праздник, как ежедневное чудо.

Получается, что в соперничестве двух поэтов-песенников победу за явным преимуществом одержал Ошанин: «Песня» Долматовского отзвучала и вскоре была забыта — «Песенка» завоевала популярность на долгие годы. Более того, ошанинская футбольная тактика была если не скопирована, то уж точно взята на вооружение поэтом, которому уже довольно скоро предстояло стать едва ли не самым известным в мире шестидесятником.

Кажется совсем не случайным, что Евгений Евтушенко дебютировал именно в газете «Советский спорт», — только здесь он мог, как, например, в стихотворении «Футбол», написанном в грозном 1949 году, пытаться игнорировать идеологические гримасы взбесившегося государства:

Раскрыты зонтики поспешно
перед атакой водяной,
но все болельщики с усмешкой
про дождик говорят:
— Грибной...

«Футбол!
Футбол!»
кричат афиши
везде,
куда бы ни пошел.
Пусть летний дождь
стучит
по крышам,
но все равно —
«Футбол!
Футбол!»

И пусть
летит поток студеный
на поля бархатный покров,
крутая чаша стадиона
полна сегодня
до краев!

«ЛИКУЕТ ФОРВАРД НА БЕГУ...»

За каждый метр
 команды бьются.

Но труден
 этот бой.

Ведь, как свинцом,
 набиты
 бутцы

тяжелою водой.

В погоду
 даже и такую
молниеносен
 темп игры.

Команды
 дружно атакуя,
выходят на прорыв.

И пущен
 ударом
 метким,
силы и точности полным,

мяч
 врезается
 в сетку,
как шаровая молния!

...Дождь
 затих
 оробелый.

И в небо,
 ветра отведасть,
рванулись
 голуби белые
вестниками
 победы!⁵²

⁵² Советский спорт. 1949. 14 июня.

V. Вместо эпилога

«В ГОЛОВЕ У НЕГО ЕРУНДА:
ХАВБЕКИ ДА ФОРВАРДА»:
ФУТБОЛ В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ
ДЛЯ ДЕТЕЙ XX ВЕКА

В советской детской поэзии тема футбола возникает десятилетием позже, чем в поэзии взрослой, то есть в 1920-е годы. Тогда же детская литература, как и футбол, становится объектом пристального внимания со стороны государства.

Впрочем, на детский футбол власть и тогда глядела сквозь пальцы. В течение некоторого времени, правда, существовали ограничения на участие в матчах юных спортсменов, о чем знаменитый впоследствии футболист Петр Дементьев вспоминал так:

Каждый клуб в первенстве города выставлял по пять взрослых команд, комплектовавшихся по уровню мастерства. Детских и юношеских команд в то время не существовало. Поэтому, чтобы играть во взрослой команде, мне, единственному в городе тринадцатилетнему подростку, было выдано специальное разрешение Ленинградского комитета по физической культуре и спорту, сохранившееся в его архиве: «Петр Дементьев, 1913 г. рождения, включается в команду в силу исключительной талантливости»¹.

Ситуация довольно быстро изменилась, и как грибы стали возникать детские футбольные клубы и специальные школы. Однако в массовом сознании занятия футболом по-прежнему оставались не слишком престижным родом деятельности. Родители видели в своих сыновьях «будущих шахтеров», «будущих полярников», после войны — «будущих космонавтов», но отнюдь не «будущих футболистов». Игра детей в фут-

¹ Дементьев Н. Пека о себе, или Футбол начинается в детстве. М., 1995. С. 19.

бол обычно рассматривалась как развлечение, форма досуга, не предполагавшая дальнейшего превращения мальчика, гонящего мяч во дворе, в спортсмена-профессионала, а мечты о карьере футболиста вызывали у большинства взрослых в лучшем случае смех, в худшем — возмущение². Об этом со знанием дела рассказывает в книге «Право на гол» Олег Блохин:

Что слышат обычно мальчишки и девчонки от своих мам и пап? «Не гоняй!», «Не прыгай!», «Не шали!» и еще десятки всевозможных запретов. Даже судя по прессе, кажется, что почти всем нашим известным мастерам в детстве их матери запрещали гонять мяч. Сам читал в книге Виктора Понедельника, как он поступил в одну из школ Ростова, которая была по соседству со стадионом, и его отец сказал матери: «Ну, мать, быть твоему сыну футболистом!» Но мама будущего центрфорварда сборной СССР, обладателя Кубка Европы и заслуженного мастера спорта в ответ только охала, махала на мужа руками и приговаривала: «Не дай бог!»³

Блохину вторит Валерий Четверик:

Началось мое увлечение футболом в 1966 году. Я учился во втором классе, и однажды наша учительница, кстати, моя тетка, завела разговор с учениками на тему, кем бы они хотели стать, когда будут взрослыми. В ответах, как водится, упоминались инженеры, врачи, милиционеры, космонавты. А один паренек из сорока в классе встал и сказал: «А я буду футболистом». О том, как тетка прореагировала на мой ответ, не надо, думается, говорить: круглые глаза и вызов родителей в школу. Был скандал. Отец после этого по двору за мячом с вилами гонялся...

В восьмом классе в сочинении «Кем я буду?» я осмелился изложить сокровенную детскую мечту и написал: «Я стану футболистом!», после чего к нам домой явилась целая делегация учителей. «Наших в детсаде воспитыв-

² В значительной степени это было обусловлено тем, что официально в СССР не существовало профессионального футбола

³ Блохин О., Аркадьев Д. Право на гол. М., 1984. С. 61.

ваешь, а своего не можешь направить на путь истинный», — выговаривали они моей маме, работавшей воспитателем в детском саду⁴.

Еще меньше, чем детским футболом, государство интересовалось детскими стихами о футболе и спорте в целом. Они изначально заняли периферийное положение в детской поэзии, оказавшись в тени текстов, затрагивавших куда более актуальные проблемы:

В тему о пролетарском и крестьянском ребенке врываются новые сюжеты: классовая борьба, гражданская война, разруха, борьба нового со старым в быту, настроения активности, протеста, уверенности в победе, переживания классовой солидарности. Темы социальной и политической борьбы занимают в детской книге главное место, вытесняя большинство старых сюжетов⁵.

«Новые сюжеты», по сути, уравнивали взрослого и маленького читателя: социальная и политическая борьба во взрослой и детской литературе освещалась под одним смысловым углом, разговор на эти темы велся в одной и той же тональности — лишь с минимальной поправкой на возраст⁶.

С темой футбола дело обстояло иначе. В то время как во взрослой поэзии самый популярный вид спорта все чаще героизировался и идеологизировался, в детской поэзии он, как правило, не отягощался какими-либо дополнительными смыслами.

⁴ Четверик В. Безумная жизнь в безумном футболе. М., 2002. С. 10.

⁵ Покровская А. Основные течения в современной русской литературе. М., 1927. С. 12.

⁶ Причем иногда это неразличение доходило до карикатурного предела. См. замечание Л. Дубровиной: «Со страниц детских книг почти исчезли детские шалости. А задушевные разговоры между детьми происходят главным образом на темы, связанные либо со строительством электростанции, либо пришкольного участка» (Дубровина Л. Советская школа и детская литература. М.; Л., 1953. С. 48).

Казалось бы, то обстоятельство, что спортивное воспитание детей и молодежи в советское время стало важным направлением внутренней политики, должно было способствовать популярности «футбольной» темы.

Для того,
 и футбол
 И кегли,
Чтоб не горбились
 в комнатах тусклых,
Чтоб на солнце,
 на воздухе
 крепли,
Чтобы легкие
 крепли
 и мускулы.
Там, где прежде
 пустырь и копать,
Там сейчас —
 вся на солнце
 площадка.
Будут
 дети здоровые
 топать
По дорожкам
 утопанным
 гладко

— предсказывала на исходе 1920-х годов Мария Дубянская в стихотворении «Площадка»⁷. Но наличие социального заказа на детские стихи о зарядке и гимнастике приводило и к прямо противоположным результатам — часто необходимость писать о спорте воспринималась авторами как повинность и не вызывала у них ни малейшего энтузиазма. В статье Т. Богданович о детской литературе, вошедшей в одноименный сборник 1931 года, «физкультура» помещена в

⁷ Дубянская М. Всей ватагой. Л., 1929. С. 9.

один ряд с такими откровенно скучными темами, как сбор утиля:

Меньше всего, конечно, детскую литературу можно упрекнуть в игнорировании текущих запросов жизни. Да это было бы и невозможно. На каждом съезде, на каждом совещании и педагоги, и библиотекари не устают твердить об этом:

— Дайте нам художественную книжку на темы, на задачи сегодняшнего дня. Объявлен сбор утиля, а нет ни одного рассказа на эту тему. Нет рассказов на день работницы, на антипасхальную кампанию и т.д., и т.д.

Не слышать эти жалобы нельзя. Их и слышат. С ними считаются. Но как? Издательства спешно требуют от своих авторов-беллетристов дать в кратчайший срок рассказ о сборе утиля, рассказ о школьном соревновании, о физкультуре и т.п.⁸

Что же касается собственно «футбольной» темы, то здесь важную роль играл гендерный фактор. Во-первых, значительная часть детских поэтических книг в СССР была написана авторами-женщинами, не вникавшими в тонкости футбольной игры и избегавшими подробных описаний матчей, специальной терминологии и т.д.⁹ «...Было у нас с Кассилем одно явное расхождение: с полным безразличием относилась я к его неизменному увлечению, к его пламенной страсти — футболу»¹⁰, — признавалась, пожалуй, самая известная советская поэтесса для детей Агния Барто. Во-вторых, примерно так же обстояло дело с читательской аудиторией — большинство детских книг было

⁸ *Богданович Т.* Агитация в детской литературе // *Детская литература*. Критический сборник. М.; Л., 1931. С. 48.

⁹ Это отчасти подтверждается и примером взрослой поэзии: нам не известно ни одного дореволюционного «футбольного» стихотворения, написанного женщиной; количество женщин — авторов стихотворений о футболе, написанных на протяжении всего советского периода, тоже очень невелико.

¹⁰ *Барто А.* Записки детского поэта. М., 1976. С. 273.

ориентировано как на мальчиков, так и на девочек, а футбол был чисто мальчишеской игрой:

Почему от Пети
Держат все в секрете?
Почему девчонки
Шепчутся в сторонке?
Он к девчонкам подошел —
Таня прячет что-то,
Говорит: — Играй в футбол,
Вот твоя забота!¹¹

Сходный мотив возникает еще в одном стихотворении Барто «Колыбельная», где брат пытается успокоить сестренку обещанием подарить ей футбольный мяч:

Баю-баюшки,
Не плачь,
Подарю
Футбольный мяч,
Хочешь —
Будешь за судью,
Баю-баюшки-баю!¹²

Неудивительно, что в большинстве советских стихотворений для детей «футбольная» тема сведена к случайным упоминаниям об этой игре. Так, в книге Владимира Волженина (псевдоним Владимира Некрасова), описывающей путешествие деревенского мальчика Вани в город и превращение его в настоящего пионера, об игре в мяч сказано вскользь как о примете пионерского быта:

Побеседовав, ребятки
Мяч гоняют на площадке,

¹¹ Барто А. Собр. соч.: в 4 т. М., 1981–1984. Т. 2. С. 541.

¹² Там же. С. 141. Ср. также: «Проводим конкурс. / Наш девиз: / “На нужды младших / Отзовись”. / И отозвался / Наш Кирилл. / Сестренке мячик / Подарил, / Играть в футбол / Учил сестру...» (Там же. С. 245).

И Ванюшка с ними вскачь
 Подает упругий мяч.

А потом всем юным роем
 Заниматься ходят строем,
 И подсчитывает шаг
 Звеновой лихой Спартак¹³.

На тех же правах футбол присутствует в стихотворении Евгении Трутневой, с умилением изображающей вольготную жизнь пионеров в послевоенное время:

Это чей дворец нарядный,
 С пышной лестницей парадной,
 Полон музыки и книг?
 Кто ходить в него привык,
 Строить, петь, клеить модели,
 Поиграть в крокет и в мяч?
 Кто же, кто же, в самом деле,
 Этот сказочный богач?¹⁴

Таким образом, футбол в детской поэзии прежде всего — с первых упоминаний — видится как одна из примет обыденной жизни, рядового увлечения советских ребят. Впрочем, иногда на страницах детских поэтических книг появлялись и взрослые футболисты — и тогда сразу давала знать о себе пропасть между ними и юными любителями погонять мяч. Взрослые футболисты, как правило, изображались в ореоле славы; подчеркивались их неординарность, уникальность их достижений.

Так, в стихотворении Сергея Михалкова «Автографы» футболисты оказываются в числе знаменитостей, чьи автографы собирают две подружки — Варя и Вера:

У подружек в двух альбомах
 Сто фамилий, всем знакомых,—

¹³ Волженин В. Пионеры. Л., 1925. С. 39–40.

¹⁴ Трутнева Е. У нас // Трутнева Е. Пионеры. Свердловск, 1949. С. 5.

Не коллекция, а клад!
Знаменитые артисты,
Футболисты, хоккеисты
И поэт-лауреат!¹⁵

А в михалковском «Дяде Степе» футболисты особо выделены среди других советских спортсменов — олимпийских чемпионов, заслуженно пользующихся всенародной славой:

У людей в руках билеты,
И букеты, и пакеты.
Громкий говор. Шутки. Смех.
Только это не туристы,
А гимнасты, и штангисты,
И, конечно, футболисты —
Мы отлично знаем всех!
Все они по именам
С детских лет знакомы нам¹⁶.

На недосыгаемую высоту вознесены футболисты в стихотворении Бориса Раевского «Команда»:

С волненьем стадион следит
За вихрями атак...
Удар!
И счет открыт!
Итак —
Ведет «Спартак»!

Трибуны хлопают, шумят,
Сосед мой рад,
А я не рад!

Ведь мой сосед —
Какой чудак!
Болеет за «Спартак».
Но я-то знаю, что «Зенит»,
Конечно, победит!
Ага! «Зенит» на штурм пошел!

¹⁵ Михалков С. Собр. соч.: в 1 т. М., 2003. С. 36.

¹⁶ Там же. С. 20.

Штрафной удар!
Вниманье...
Гол!

Трибуны хлопают, шумят:
Теперь я рад,
Сосед не рад!

Забавный у меня сосед,
Ему всего-то десять лет,
Но так стремителен, горяч
Болезьщик этот юный,
Что кажется — вот-вот на мяч
Он ринется с трибуны!

Его б в команду «Спартака»:
Забил бы гол наверняка!

Шумят, кричат вокруг него,
Грохочет стадион,
Но он не слышит ничего,
Атакой увлечен.

Помочь желает «Спартаку»,
Дает советы игроку.

Как заговорщик, шепчет он
(Противник чтоб не слышал!):
— На левый край
Пасовку дай,
Налево, дядя Миша! —

И словно там, вдали от нас,
Услышав паренька,
Дает налево быстрый пас
Защитник «Спартака».

Атака!
Мяч вперед пошел!
Прорыв!
Удар под штангу!
Гол!

Шумит, грохочет и гудит
Весь стадион огромный,

И только мой сосед молчит,
Глаза потупив скромно...

Ведь он участвовал в борьбе:
Не станешь хлопать сам себе!¹⁷

На протяжении всего стихотворения поддерживается иллюзия единения игроков «Зенита», «Спартака» и простых болельщиков — как всей огромной толпы, так и отдельно взятых мальчиков. Общими порывами радости и сочувствия дело не ограничивается, возникает видимость того, что на процесс игры можно повлиять, находясь на трибуне, одним только усилием воли: кажется, что защитник «Спартака» подчиняется советам юного болельщика. В итоге граница между футбольным полем и трибунами словно размывается, исчезает: мальчик готов в любой момент «ринуться на мяч», и можно легко представить себе, как он «забил бы гол наверняка». Но условное наклонение использовано здесь отнюдь не случайно: знаменитые футболисты, при всей их кажущейся близости к зрителям, неизменно остаются «вдали от нас», а чрезмерная вовлеченность «паренька» в процесс игры — иными словами, претензия на нарушение невидимой границы — воспринимается как нечто «забавное» и описывается иронически.

Обыкновенность, ординарность не только мальчиков-футболистов, но и юных футбольных болельщиков постоянно подчеркивалась в детской советской поэзии¹⁸. В перечень типовых примет советского

¹⁷ Раевский Б. Наша команда. М.; Л., 1953. С. 25–27.

¹⁸ Причем не только советских; так, в цикле стихов Барто «Краснокожие» советские дети и американский мальчик находят общий язык на почве футбола без помощи переводчицы: «При чем тут переводчица? / Побегать людям хочется! / Все кричат: Хау-ду-ю-ду! / Погоняем мяч в саду! / А гость как расхохочется. / Он, видно, весельчак! / При чем тут переводчица? / Понятно все и так» (Барто А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 105).

«обычного мальчика» увлечение футболом включено, например, Владимиром Мусиковым:

Кто же он? Обычный мальчик:
Учится, играет в мячик,
Ловит мотыльков, букашек —
Петя наш — натуралист.
Больше, чем его, гербарий
Вы разыщете едва ли¹⁹.

Для героя поэмы Барто «Ему четырнадцать лет», готовящегося к вступлению в комсомол, футбол тоже является воплощением обычной, ничем не примечательной жизни:

С волнением ждет он октября,
Он должен дать ответ:
Не может быть, что прожил зря
Он все тринадцать лет?

Он ничего не изобрел,
Учил урок, играл в футбол,
Ходил с портфелем в класс
И никого не спас²⁰.

Таким же обыденным занятием, как писание палочек в тетради, игра в мяч является и для учащегося в первом классе героя стихотворения Марии Моисеевой «Письмо»:

И целых две страницы
Я напишу о том,
Что начал я учиться,
Что стал учеником;

Что лучше нашей школы
Нигде, наверно, нет;
О том, какой веселый
Андрейка, мой сосед;

¹⁹ Мусиков В., Пегов А. Детские стихи. Архангельск, 1940.

²⁰ Барто А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 314.

О том, как на площадке
Я в мяч вчера играл,
И как в своей тетрадке
Я палочки писал²¹.

Разрыв между выдающимися взрослыми футболистами и ничем не примечательными футболистами-детьми усугубляло и то обстоятельство, что в советской детской поэзии отсутствовал образ, который мог бы послужить промежуточным звеном между этими двумя крайностями, — образ увлекающегося футболом *отца*. Так, в футбольном детском стихотворении Иосифа Оратовского отец весьма сочувственно относится к своему любящему футбол сыну-школьнику, но сам не является ни спортсменом, ни даже болельщиком; он, как подчеркивает автор, — «мастер буровой»²².

В этом отношении весьма симптоматично стихотворение все той же Барто «Петя на футболе», в котором посредниками между мальчиком и миром футбола оказываются мама и бабушка, а не папа²³:

Мамы нету дома!
Петя так и знал,
Не придется Пете
Ехать на финал!

А погода чудная,
И в руках билет.
— Положенье трудное! —
Говорит сосед.

Вдруг выходит бабушка,
Надевает шаль,

²¹ *Моисеева М.* Первый класс. Минск, 1952. С. 11–12.

²² *Оратовский И.* Маленькие граждане. Баку, 1952. С. 13.

²³ Здесь, по-видимому, сыграло свою роль то, что стихотворение было написано в 1947 году — сразу после войны, когда у многих детей не было отцов.

Заявляет бабушка:
— Мне ребенка жаль.

Правда, на футболе я
Сроду не была,
Погляжу тем более,
Что там за дела.

«Цедека» — «Динамо»
Вывешен плакат.
Всюду о футболе
Люди говорят.

Бабушка вздыхает:
— Не пойму пока,
Я-то за кого же?
— Ты за «Цедека».

Как начнут в ворота
Забивать мячи,
Дожидайся счета,
Топай и кричи.

Стадион громадный
До отказа полн
Вот идут команды.
Буря! Рокот волн!

Крики на трибунах,
На трибунах гром!
Это невозможно
Описать пером!

Повторяет бабушка:
— Мы за «Цедека»! —
Вздрагивает бабушка
От каждого свистка.

Петя здесь не зритель,
Человек он свой.
Он кричит: — Смотрите,
Принял головой!

Хвалит он кого-то:
— Это футболист! —

Мяч влетел в ворота,
На трибунах свист.

— Нет,— сказала бабушка,—
Капитан горяч.
Так нельзя, товарищи,
Налетать на мяч.

Вдруг она динамовцам
Хлопать начала.
Петя возмущается:
— Что ты в них нашла?

Рассердилась бабушка:
— Взрослых не учи!
Разбираюсь правильно,
Как берут мячи.

— Ладно, — шепчет Петя,—
Мы сравниваем счет! —
Он и не заметил:
Дождь давно идет.

Небо потемнело.
Дождь как из ведра.
Разве в этом дело?
Здесь идет игра!

Не сдастся бабушка,
Говорит упрямо:
— Все равно я, Петенька,
Болею за «Динамо»!²⁴

На первый взгляд, это длинное стихотворение (непосредственно описанию матча уделено целых четырнадцать строк) противоречит процитированному выше признанию Барто в равнодушии к футболу. Даже более того — закрепившаяся в детской литературе традиция сниженно-бытового описания игры в футбол преодолевается в восьмой и девятой строфах, где стадион воспевается в традициях высокой, геро-

²⁴ Барто А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 347–349.

ической поэзии: здесь и восклицания (четыре восклицательных предложения в восьми строках), и гиперболы («громадный», «до отказа полн»), и само это устаревшее торжественное «полн», и метафора футбола как стихии («буря», «рокот волн», «на трибунах гром»), и, главное, характерный риторический прием — признание поэтического бессилия автора («Это невозможно / Описать пером!»). Но здесь-то и кроется подвох: за традиционной поэтической формулой стоит реальная *неспособность* писать о футболе. Все дальнейшее описание матча в стихотворении сводится к набору примитивных и малозначащих фраз, обрисовывающих происходящее в самых общих чертах («Принял головой», «Мяч влетел в ворота, / На трибунах свист») и перемежающихся с отвлеченными репликами героев. Во всех четырнадцати строках нет ни одного сколько-либо значимого замечания о характере игры; об одном игроке мы узнаем только то, что он, по мнению бабушки, «горяч», похвала в адрес другого еще менее информативна: «Это футболист!». Описание игры удлинняется за счет постоянного использования тавтологии («Крики на трибунах, / На трибунах гром!», «Петя здесь не зритель, / Человек он свой», «Дождь давно идет. / Небо потемнело. / Дождь как из ведра») и, по сути дела, стоит на мертвой точке. Скажем, в предпоследней строфе (!) читателю сообщается, что «здесь идет игра». В итоге смыслового прорыва, преодоления повседневности, обещанного в восьмой и девятой строках, так и не происходит — футбол оказывается вполне обыкновенным зрелищем, не представляющим никакого интереса для автора. Неудивительно, что итоговый счет матча ЦДК — «Динамо» остается читателю неизвестным.

Характерная для взрослой советской литературы интерпретация игры в футбол как средства вырваться за пределы обычного мира для детской поэзии была нетипична. Вот и в стихотворении Бориса Иовлева

«Наша улица» «любители футбола» привлекают внимание идущих по улице детей не больше, чем увиденные ими ранее машины, фонари, светофоры:

У стадиона детвора.
Он возле новой школы.
Там давно идет игра
Любителей футбола.
Пришла пора им отдохнуть, —
И опустело поле...
А ребята — снова в путь,
Идут к начальной школе²⁵.

Намек автора здесь весьма отчетлив: футбольная пора заканчивается, приближается осень, и вот-вот начнутся школьные занятия. В детской поэзии за футболом сразу же прочно закрепилась репутация *летней* игры:

Где товарищи мои?
Как проводят лето?
Без меня ведут бои
На футболе где-то...²⁶

Впрочем, противопоставление лета — как футбольного сезона — осени²⁷, как мы помним, было существенным не только для детской поэзии, но и для взрослой. Но если во «взрослых» стихах расставание со стадионом и мячом было окрашено, как правило, в печальные, подчас элегические тона, то в «Нашей улице»

²⁵ *Иовлев Б.* Наша улица. Иваново, 1953. С. 10.

²⁶ *Барто А.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 239.

²⁷ Картины осеннего футбола в советской детской поэзии чрезвычайно редки; одно из исключений — стихотворение Барто «Как Вовке ветер помог»: «Листья, листья / На пути, / На площадке — листья, / И площадку / Размести / Вышли футболисты... / Ветер, листьями шурша, / Провожает лето. / Вовка — добрая душа / Громко крикнул ветру: / — Ты зачем ребят подвел? / Как теперь играть в футбол? / Ты бы сам листву подмел!» (*Барто А.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 290).

Иовлева эти эмоции меняются на прямо противоположные. Школьники не только не сетуют на приближение осени, но и откровенно ему радуются:

Как интересно детворе
 Стоять у школьной карты!
 Скорей бы осень на дворе,
 Скорей б сесть за парты!
 Раскрыть портфель. Достать пенал.
 Над букварем склониться...
 Великий Ленин завещал
 Учиться и учиться²⁸.

Сезонная привязка футбола тоже способствовала отходу в детской советской поэзии «футбольной» темы на второй план, ведь с идеологической точки зрения школьная пора была гораздо значимее, чем противопоставляемое ей лето²⁹.

Но и в летних стихах, будучи включенным в контекст обычных для этого времени года занятий, игр и увлечений советских школьников, футбол попросту терялся среди них. Так происходит, например, в стихотворении Трутневой «Наш отряд». Посвятив целых две строфы игре в аэродром, поэтесса упоминает футбольный мяч лишь мельком:

Веселый ветер лагерей
 Встречает нас весной,
 Цветы лугов, простор полей,
 Зеленый шум лесной.

²⁸ Иовлев Б. Наша улица. С. 13.

²⁹ Следует также заметить, что советские детские стихи зачастую претендовали на охват всего годового цикла — перечислялись основные занятия и игры, характерные для того или иного сезона. «Футбольная» тема в стихотворениях такого рода по определению не могла доминировать. См. стихотворение Е. Трутневой «Вожатый»: «В лагерях и на футболе, / В зной и в холод зимних вьюг... / В чистом поле, в клубе, в школе, — / Всюду с нами старший друг!» (Трутнева Е. Пионеры. С. 13).

И речка у крутой горы,
И земляничный бор,
И пионерские костры,
И пионерский сбор.

Травой, как шелковым ковром,
Покрыт аэродром.
Мы целый день на нем с утра —
У нас идет игра:

Мы все пилоты, вся семья
На несколько недель.
Из нас у каждого своя
Крылатая модель.

Леса, поля, футбольный мяч
Меняем мы на класс.
В мир сочинений и задач
Зима уводит нас!³⁰

Радостный призыв не грустить по уходящему лету и радоваться наступлению учебного года превратился в одно из общих мест советской детской поэзии, причем символом лета почти всегда представлял как раз футбол:

Прощай, зеленая лужайка,
Где мы гоняли быстрый мяч.
Старушка-елка, лапу дай-ка,
Мы уезжаем. Но не плачь!

Смахни с ветвей дождевки-слезы,
Тебе не долго поскучать:
Ведь дом, где лагерь был веселый,
Зимою снова станет школой,
Сюда ребята из колхозов
Вернутся с книгами опять³¹.

Или:

До свиданья, лес, и речка,
И тропинка, и овраг,

³⁰ Трутнева Е. Пионеры. С. 3–4.

³¹ Сурская В. Пионерское лето. Минск, 1950. С. 32.

И площадка, и линейка,
Где взлетал на мачту флаг,

И столовая, где смена
Собиралась к четырем,
И футбольные ворота,
Где стоял я вратарем...

.....

Скоро в школу. Я в ней не был
Девяносто девять дней,
И, сказать вам откровенно,
Я соскучился по ней³².

Или:

Потемнела речки просинь.
Зябко галькам-голышам.
Сколько радости приносит
Осень шустрым крепышам.

.....

Слышен говор, смех веселый,
Сколько здесь их голосистых
Собралось от каждой школы:
Бегунов, гребцов, туристов,

Футболистов, скороходов,
Зноем лета опаленных
На стоянках и в походах
И кострами прокопченных³³.

Однако порой именно футбол как летняя игра подвергался своего рода обесцениванию — как в стихотворении Владимира Лифшица «Школьные товарищи»:

Кругом — народ,
и, главное,
Погодка нынче
славная!..
Судья

³² Лифшиц В. Школьные товарищи. М.; Л., 1954. С. 49–50.

³³ Куликов П. Крепыши. Уфа, 1951. С. 51–52.

с флажком малиновым
Командует:
— На старт!.. —
Внимание,
внимание,
Идут
соревнования!
На лицах
у болельщиков
Волненье
и азарт.
Девчата
пестрой стайкою
Бегут
за белой майкою!
И мы
за белой майкою
Следим,
который круг...
Сначала шла
десятою,
Потом — шестюю,
пятою,
Потом второй,
а к финишу —
Всех обошла подруг!
Она не знает
устали,
У ней литые
мускулы,
Напористая,
быстрая,
«Вперед!» —
ее девиз.
Не сразу
стала ловкою, —
Добилась
тренировкой!
И ей судья
под музыку
Вручает

первый приз!..
Внимание,
внимание,
Идут
соревнования!
Вот
у ворот
сумятица,
Вот подан
«угловой»!
Сыгралось
нападение, —
Ну, прямо
заглядение, —
И мяч
под штангу верхнюю
Направлен
головой!..
А рядом,
за полянкою,
Прыгун
взлетел
над планкою, —
Взлетел
и сделал «ножницы»
ногами на лету!
Откуда
столько опыта?
Все тренировкой
добыто!
Возьмите-ка, —
попробуйте, —
такую высоту!..
Команда
волейбольная,
Игрой
весьма довольная,
Под сеткою
беседует
Про что-то
про свое.

А на поле
метатели,
Что время зря
не тратили,
Метнуть
земель за тридевять
Стараются
копье!..
Внимание,
внимание,
Идут
соревнования!
Кому судья скамандует?
Чья очередь теперь?..

Веселыми
и бодрыми,
С отрядными
рекордами,
Вернемся мы
из лагеря
И в класс
откроем
дверь!³⁴

Говоря о других видах спорта, автор старательно подчеркивает значимость усилий, предварительно затраченных спортсменами (бегунья «не сразу стала ловкою, — / Добилась тренировкой», метатели «время зря / не тратили», в случае с прыгуном «все тренировкой / добыто»), и, соответственно, — заслуженность победы. Гол же, забитый «в сумятице», выглядит как случайность, ничего не говорящая о навыках и опыте футболистов, — напротив, нападение вообще «сыгралось» как бы само собой.

Отметим в скобках, что в полиспортивных стихотворениях о животных — еще одном популярном жанре советской детской поэзии — футбол тоже не

³⁴ Лифшиц В. Школьные товарищи. С. 41–44.

удостаивается особого внимания авторов. Так, в книге Екатерины Хомзе «Мишуки-физкультурники», описывающей неудачные попытки четвероногих героев попробовать себя в различных видах спорта, футболу уделяется лишь две строчки:

Взялись мишки за футбол, —
Прямо в нос забили гол!³⁵

А в книгах Давида Виленского и Леонида Гамбургера «Четвероногие спортсмены» и Григория Брежнева «Слон и его друзья на спортплощадке» — по четыре строчки:

В лесу футбольный матч.
Мишка отбивает мяч,
но по ошибке Мишка
попал в сынишку³⁶.

И:

Матч на первенство идет.
Мишка вырвался вперед.

Но напрасны все хлопоты —
Не откроет слон ворота³⁷.

Здесь, как мы видим, результаты игры и вообще все происходящее на футбольном поле тоже преподносятся как случайность, цепочка совпадений, а не как следствие хорошей или плохой подготовки к матчу очеловеченных зверей. У Виленского и Гамбургера Мишка попадает мячом в медвежонка «по ошибке», у Брежнева невозможность забить гол мотивирована только природными данными слона, который на сопровождающей текст иллюстрации выглядит весьма и

³⁵ Хомзе Е. Мишуки-физкультурники. М., 1927. С. 11.

³⁶ Виленский Д., Гамбургер Л. Четвероногие спортсмены. Киев, 1929. С. 12.

³⁷ Брежнев Г. Слон и его друзья на спортплощадке. Черновцы, 1941. С. 5.

весьма крупным. Пренебрежение авторов к технической стороне футбола особенно бросается в глаза на фоне описаний, которых достаиваются представители других видов спорта:

Лягушенка-рекордсмена
Уважают все спортсмены:
Ловко прыгать без разгона —
Стиль особый чемпиона.

Лягушонок любит спорт.
Прыг! И снова взял рекорд!³⁸

Среди редких исключений из анималистической поэзии такого рода — стихотворение Людмилы Татьяничевой «Медведь-футболист»:

Он приходит из тайги,
Сняв у входа сапоги,
Чтобы сторож не услышал
Слишком громкие шаги.
На медведе свитер бурый
И берет на нем хорош.
Богатырскою фигурой
На штангиста он похож.
Но медведь наш не штангист,
А заядлый футболист!
Мяч у мишки необычный —
Вот такой величины!
Может он броском отличным
Мяч добросить до луны.
Только строго соблюдает
Он все правила игры
И с азартом забивает
Чемпионские голы...
В норах спят сурки-засони.
Им бы, глупым, поглядеть,
Как всю ночь на стадионе
Тренируется медведь³⁹.

³⁸ Брежнев Г. Слоны и его друзья на спортплощадке. С. 7.

³⁹ Татьяничева Л. Веселый улей. Челябинск, 1965. С. 36.

Впрочем, и это исключение скорее подтверждает правило. Увлечение футболом здесь и в самом деле описывается с одобрением («заядлый футболист» ставится в пример «глупым» «суркам-засоням»), а в описании игры как таковой отчетливо слышатся нотки восхищения. Но сама ситуация стихотворения совершенно абсурдна: медведь тренируется на стадионе в полном одиночестве, да еще и ночью. В результате все происходящее обесмысливается; ни азарт, ни строгое соблюдение правил, ни умение забивать «чемпионские голы» и делать «отличные броски» не имеют никакого значения, поскольку речь идет об игре, которую и футболом-то сложно назвать. Кажущаяся серьезность стихотворения оборачивается чуть ли не насмешкой над оторванной от реальности и к тому же полузапретной (медведь вынужден прятаться от сторожа) игрой.

Серьезное отношение к футболу действительно нечасто проявлялось в детской поэзии. Даже в тех произведениях для ребят, где об увлечении футболом говорится сочувственно, то и дело проскальзывают иронические нотки.

Таково, например, стихотворение Барто «Володя, Вовка, Вова», где тема одержимости футболом доведена до комического предела:

Есть паренек молоденький,
Его зовут Володенькой
И называют Вовой.

Мальчишка он бедовый,
Он мяч гоняет дотемна,
А из открытого окна
Раздаются имена:
— Володя! Вовка! Вова!
— А он в ответ ни слова.

— Куда ты делся, наконец?!
Иди обедать, сорванец!
— Кричит сердито тётка.
А мать вздыхает кротко,

И раздаётся снова:
— Володя! Вовка! Вова!

Его зовут со всех сторон,
Ему кричат в окно.
У Вовки несколько имён,
Но отвечать не хочет он
Пока ни на одно!

— Володя! Вовка! Вова!
— А он не слышит зова.

Наконец с большим трудом,
Зазывают Вовку в дом.

Не успел он выпить чай,
Кто-то крикнул: — Выручай!
Вовка! — крикнул кто-то.
— Защищай ворота!

Если в дом его зовут —
Он не слышит зова,
А во двор — он тут как тут!
Не прошло и двух минут,
Мяч гоняет снова.

А из открытого окна
Раздаются имена:
— Володя! Вовка! Вова!
Володя! Вовка! Вова!
А он в ответ ни слова⁴⁰.

Или стихотворение Раевского «Наша команда»:

У нас в команде игроки
Сильны, выносливы, ловки.
Но в состязаньях — вот беда! —
Команду нашу бьют всегда.

У нас в команде правый край
Мячом владеет ловко,
Но не желает правый край
Другим давать пасовку!

⁴⁰ Барто А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 266–267.

А вот ведет защитник мяч,
 Игрок он знаменитый!
 Но не найдешь его, хоть плачь,
 На линии защиты.

В команде все играют врозь:
 Всем гол забить охота;
 Но никому не удалось
 Направить мяч в ворота!

А почему? Да потому,
 Что это трудно одному!

Зато противники умны,
 Играют так, как нужно:
 В защите все они дружны
 И нападают дружно.

Мячи летят без счета
 И прямо к нам в ворота!⁴¹

В этом стихотворении описание футбольных передраг явно играет вспомогательную роль и служит автору лишь для того, чтобы в очередной раз вбить в голову маленькому читателю нехитрую мысль: только дружный коллектив способен победить соперника, а индивидуалисты, как бы талантливы они ни были («Мячом владеет ловко», «Игрок он знаменитый»), в конечном счете только вредят окружающим и самим себе.

Действительно, в советской поэзии для детей за футболом прочно закрепляется репутация незамысловатой, даже примитивной игры, не требующей особых талантов. Этому во многом способствовала сезонная привязка футбола: устойчиво ассоциируясь с летом как временем каникул, свободы от уроков и школы, он неизбежно противопоставлялся прилежной учебе и примерному поведению. По сути дела, учащийся имел моральное право играть в футбол, только если это не мешало его успеваемости и не шло в ущерб остальным, более важным занятиям. Именно

⁴¹ Раевский Б. Наша команда. С. 2–3.

такой образцовый юноша описывается, например, в «Веселом путешествии от А до Я» одного из главных детских поэтов советского времени — Самуила Маршака:

Такими хлопцами, как он,
Гордиться могут в школе:
Он и в работе чемпион,
И в пляске, и в футболе.

Не зря такой же ученик
Был первым, кто на свете
В просторы космоса проник
На корабле-ракете⁴².

Или в книге Николая Корнеева «Случай с Колей Кубышкиным»: перечисляя спортивные достижения, которыми изобиловали школьные годы героя-летчика, автор словно спохватывается и «оправдывает» увлечения мальчика его высокой успеваемостью и совершенными впоследствии подвигами:

— Девять лет тому назад
Он закончил нашу школу.
— Был любителем футбола.
— Чемпионом по конькам,
По прыжкам, по городкам!
— В баскетбол играл прилично.
— А учился?
— На «отлично».
— Он наш город прикрывал!
— Он в Америке бывал!⁴³

Едва ли не единственный необычный персонаж в галерее образцовых советских мальчиков, с легкостью совмещающих учебу и футбол, — герой уже упомянутого нами выше стихотворения Оратовского «Перед экзаменом»:

⁴² Маршак С. Собр. соч.: в 8 т. М., 1968–1972. Т. 1. С. 323.

⁴³ Корнеев Н. Случай с Колей Кубышкиным. Курск, 1947. С. 13.

Утро занимается, —
Алик занимается.

Алик в жизни первый раз
переходит в пятый класс
и экзамены сдает он
в жизни тоже первый раз.

Потому
у них в доме
нет покоя никому.

Утро днем сменяется, —
Алик занимается.
Пятый час сидит подряд,
строчки аж в глазах рябят.

Помнил все — и вдруг опять
позабыл...
Действительно,
очень трудно рассказать
имя существительное.

Он прикрыл окно газеткой,
чтоб ребят не видеть в нем,
потому что малолетки
мяч гоняют за окном.
Целый день в «ворота» бьют
мячиком старательно.
Повторять мне не дают
имя прилагательное.

...Наконец, он встал с оглядкой,
отогнул газеты край,
поглядел в окно украдкой,
будто вправду невзначай.

Ах, «Бобров» ведет атаку.
Ой, прорыв! Скорей! Ударь!
Ай, пробил!..
И вдруг с размаху
наземь бросился вратарь,
словно чем его сразило...
Он лежит.
А мяч летит.

Пропустил он мяч, мазила...
Кто ж в воротах так стоит?

Если б я стоял в воротах,
ни за что б не пропустил.
Если б я стоял в воротах,
научил бы я мазил...

Алик снова на тетрадь
смотрит нерешительно.
Значит, будем повторять:
имя существительное...
Нет, не лезет ничего!
Стала память у него
просто отвратительная.
Если б я стоял в воротах,
был тогда б вопрос другой...

Возвращается с работы
папа — мастер буровой.
Видит, Алик мается:
долго занимается.
Входит папа в кабинет.
— Ну, сынок, устал?
— Да нет.
Просто там в футбол играют,
просто мне они мешают...

— Знаешь что, — отец сказал, —
ты, конечно, не устал.
Ты лишь пятый час, малыш,
за грамматикой сидишь.
Но вратарь у вас безрукий,
пропускает все мячи.
Преподай-ка им науку
и играть их подучи...

Папу слушают министры,
каждый с ним считается.
Потому довольно быстро
Алик соглашается.

— Я иду играть в футбол.
Укажи-ка тут глагол!..

Через час домой пришел,
красен, перемазан.
Принял душ и сел за стол,
и любую фразу
разбирать стал сразу.

Папа улыбается,
Алик занимается.

Мальчик к папе подошел,
поглядел внимательно:
— Я не думал, что футбол —
помощь для грамматики⁴⁴.

На общем фоне сусальной советской поэзии для детей стихотворение Оратовского, открыто говорящее о пользе футбола, намекающее на официальное признание этой пользы (совет поиграть Алику дает папа, которого «слушают министры») и чуть ли не уравнивающее его со школьными занятиями (футбол оказывается «помощью для грамматики»), выглядит необычным, почти крамольным. Но так ли это?

На самом деле никакого равенства между игрой в футбол и учебой в стихотворении нет — автор строго разграничивает их, буквально реализуя поговорку «делу время, потехе час»: Алик приходит домой ровно «через час» игры в мяч и вновь приступает к урокам. Право играть в футбол мальчик получает благодаря своей дисциплинированности и послушанию: он несколько часов героически борется с искушением выйти во двор к ребятам, позволяя себе только раз «украдкой» выглянуть в окно, и присоединяется к ним лишь с разрешения отца⁴⁵. Основная же мотивировка «футбольного» перерыва — не столько стремление «преподать науку» неумелым игрокам, сколько не-

⁴⁴ Оратовский И. Маленькие граждане. С. 10–13.

⁴⁵ Это, кстати, распространяется не только на Алика, но и на играющих в футбол ребят: указание на их возраст — «малолетки» — дано, чтобы оправдать их длительное («целый день») пребывание на футбольной площадке.

обходимость соблюдения баланса между умственной деятельностью и отдыхом. Именно с этой целью в текст вводятся регулярные указания на длительность времени, проведенного Аликом за тетрадками («утро занимается», «утро днем сменяется», «долго занимается», «пятый час сидит подряд», «пятый час, малыш / За грамматикой сидишь»⁴⁶) и на симптомы усталости («строчки аж в глазах рябят», «Алик мается», «не лезет ничего — / Стала память у него / Просто отвратительная»).

По сути дела, основное содержание стихотворения Оратовского — не футбол и любовь к нему, а нечто гораздо более прозаическое: режим дня и его правильная организация, поиск оптимального соотношения между трудом и отдыхом. В финале это соотношение четко определяется: футбол вторичен, он лишь «помощь для грамматики». Следует, впрочем, отметить, что стихотворение «Перед экзаменом» все равно оказывается исключением из множества текстов такого рода: в них преступный футбол предстает не «помощью» для грамматики, а ее врагом.

В самом деле, в большинстве детских стихотворений увлечение футболом и хорошие оценки взаимно исключали друг друга, и футбол, соответственно, изображался как опасный соблазн.

Таково, например, нравоучительное стихотворение Андрея Царева «Кончил дело — гуляй смело»:

За окном так много света.
Манит улица, зовет...
Вон лужайка зеленеет,
Пышно яблоня цветет.

Хорошо б сейчас оставить
Стол, чернила и тетрадь

⁴⁶ Слова о том, что Алик переходит «в пятый класс», тоже косвенно способствуют закреплению этой цифры в памяти читателя.

И с ребятами-друзжками
Мяч футбольный погонять,

Порезвиться, поразмяться,
В небо змея запустить...
Хорошо! А как задачи?
Надо прежде их решить.

Не стучи в окно, березка,
Не зови меня в лесок,
Не пойду гулять, куда
Я не выучу урок!⁴⁷

Но, разумеется, не всем персонажам советской детской поэзии удавалось быть такими же сознательными и стойкими — и тогда увлечение футболом приводило к весьма неприятным последствиям. Вот, например, стихотворение Марка Сергеева «Сережин год»:

Он в сентябре играл в футбол
И, целый день гоня мяч,
Он ни минуты не нашел
Для упражнений и задач.

Он в декабре швырял снежки,
Чертил коньками синий лед,
А в пятом «Б» ученики
По всем предметам шли вперед.

Но книги забывал Сергей,
Играя на катке в хоккей.

Зато, когда июль настал
И, сдав экзамены весной,
В футбол на улице играл
Не пятый «Б», а «Б» шестой,

Когда мальчишки-сорванцы
Пускали змея в небеса,
Когда заядлые пловцы
Купались в день по три часа,

⁴⁷ Царев А. Мои друзья. Ульяновск, 1951. С. 17.

Когда на берегу реки
Улова ждали рыбаки, —

Пришлось Сереже день-деньской,
Забыв о рыбах и крючках,
Глядеть на улицу с тоской,
Сидеть с учебником в руках.

А в жарком августе Сергей
Сдавал экзамены опять,
Чтобы догнать своих друзей,
Чтоб второгодником не стать.

И твердо помнит он сейчас:
Учебке — день, забавам — час⁴⁸.

Игра в футбол, как выясняется, разрешена — но лишь в умеренных количествах (а не «целый день») и в строго определенный период времени между экзаменами и началом учебного года (в июле и августе). Если же увлечение футболом переносится на школьную пору, то злосчастного футболиста почти с неизбежностью ждут неприятности. Конечно, не всегда столь катастрофические, как угроза остаться на второй год, — обычно речь идет просто о снижении успеваемости:

Говорили про Ванюшу мы
Всегда,
Что отличником не будет
Никогда.

Что учить уроки Ване,
Видно, лень,
Что играет Ваня в мячик
Целый день⁴⁹.

То же самое происходит и с героем стихотворения Барто «Сережа учит уроки» — он хоть и не становится второгодником, но, постоянно отвлекаясь, не успевает сделать домашнее задание:

⁴⁸ *Сергеев М.* Твои ровесники. Иркутск, 1952. С. 11–12.

⁴⁹ *Иванов А.* Славные ребята. Ташкент, 1951. С. 69–71.

Сереза взял свою тетрадь —
Решил учить уроки:
Озера начал повторять
И горы на востоке.

Но тут как раз пришел монтер.
Сереза начал разговор
О пробках, о проводке.

Через минуту знал монтер,
Как нужно прыгать с лодки,
И что Серезе десять лет,
И что в душе он летчик.

Но вот уже зажегся свет
И заработал счетчик.
Сереза взял свою тетрадь —
Решил учить уроки:
Озера начал повторять
И горы на востоке.

Но вдруг увидел он в окно,
Что двор сухой и чистый,
Что дождик кончился давно
И вышли футболисты.

Он отложил свою тетрадь.
Озера могут подождать.

Он был, конечно, вратарем,
Пришел домой не скоро,
Часам примерно к четырем
Он вспомнил про озера.

Он взял опять свою тетрадь —
Решил учить уроки:
Озера начал повторять
И горы на востоке.

Но тут Алеша, младший брат,
Сломал Серезин самокат.

Пришлось чинить два колеса
На этом самокате.
Он с ним возился полчаса
И покатался кстати.

Но вот Сережина тетрадь
В десятый раз открыта.

— Как много стали задавать! —
Вдруг он сказал сердито. —
Сижу над книжкой до сих пор
И все не выучил озер⁵⁰.

Отметим, что во всех трех последних процитированных нами стихотворениях футбол не имеет какой-либо самостоятельной ценности. Он упоминается в числе других многочисленных занятий (от пускания воздушного змея до разговора с монтером о пробках) и, судя по всему, не является серьезным увлечением для мальчиков — скорее, это просто способ отвлечься от надоевших уроков. Вернее, лишь один из способов — и в этом смысле симптоматично то, насколько незначительное место уделяет футболу Маршак в своей «Считалке», герой которой — тоже нерадивый ученик:

В нашем классе
Нет лентяев, —
Только Вася
Николаев.
Он приходит на урок,
Засыпает, как сурок.
Лодырь,
Лодырь,
Лежебока,
Проворонил
Три урока,
На четвертый
Опоздал,
Пятый
Где-то пропал,
На шестом
Мешал
Учиться,
На седьмом

⁵⁰ Барто А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 175–177.

Ходил
 Лечиться,
 На восьмом
 Играл в футбол,
 На девятый
 Не пришел.
 На десятом
 Корчил рожи,
 На четырнадцатом
 Тоже,
 На двадцатом
 Видел сон,
 На тридцатом
 Выгнан
 Вон⁵¹.

А в стихотворении «Что такое год», представляющем собой обращенный к второкурснику монолог героя-рассказчика, Маршак вырабатывает оптимальную, на его взгляд, формулу соотношения между учебой и увлечением футболом:

Был ты вчера на футболе,
 Славное дело — футбол,
 Если футбольное поле
 Не отбивает от школ.

Можешь болеть
 За «Динамо»
 Иль за «Торпедо»
 Болей,
 Но поболей за программу
 Школы советской своей!

Если, не сделав работы,
 Завтра получишь кол, —
 Значит,
 В свои же ворота
 С треском
 Забьешь ты гол!⁵²

⁵¹ Литературный современник. 1933. № 12. С. 149–150.

⁵² Литературная газета. 1949. № 72 (7 сентября).

Разговор о футболе начинается вроде бы вполне доброжелательно, а эпитет «славное» даже позволяет надеяться на то, что автор проявит к главному увлечению советских школьников нестандартное отношение. Надежды, впрочем, не сбываются — в следующей же строфе дружеская интонация сменяется назидательной, а футбол неожиданно становится метафорой успеваемости. Выясняется, что к самой игре герой-рассказчик не проявляет никакого интереса, с подчеркнутым безразличием говоря о разных командах. Переход от сочувствия к равнодушию маркирован не только интонационно, но и графически (в «сочувственном» катрене каждый стих записан отдельной строкой, следующие две строфы записаны столбиком), и ритмически (в третьей, кульминационной строфе, где речь идет об условном «голе», во втором и четвертом стихах пропущено по одному слогу). Соотношение между реальной игрой и условным «матчем за успеваемость» тоже красноречиво свидетельствует о безразличии к футболу: в первом случае второкурсник лишь пассивно наблюдает за футболом («бывает» на нем, «болеет» за определенную команду), во втором случае одновременно выступает в роли болельщика (за «программу») и в активной роли игрока («забивает гол»).

Использование футбола в качестве метафоры борьбы за оценки, подающееся как остроумная шутка, на самом деле таковой не является — по сути дела, Маршак незаметно приравнивает *интересную* игру к противоположной ей стихии *скучного*⁵³, растворяет ее в этой стихии и тем самым обесмысливает ее. Примерно то же самое происходит с футболом и в другом произведении Маршака, а именно в одном из эпизодов

⁵³ В этом смысле одно из ключевых слов «футбольного» отрывка — «советский»: благодаря ему футбол оказывается конкурентом не только школе, но и в каком-то смысле — государству и государственной идеологии.

«Веселого путешествия от А до Я». Правда, здесь автор использует несколько иные методы:

Фанфары слышатся вдали:
 На пристани у мола
 Наш пароход встречать пришли
 Любители футбола.

Команды двух военных школ
 Играть приехали в футбол.
 Идем смотреть на этот матч.
 Суворовцы с налета,
 Открыв игру, забили мяч
 Нахимовцам в ворота.

И хорошо, что не в свои!..
 Но слышен грозный свист судьи.
 Судья зовет к порядку
 Футбольную площадку.

Игра горячая футбол!
 Для уравниенья счета
 Нахимовцы забили гол
 Суворовцам в ворота.

Еще не кончена игра,
 А нам гудок из гавани
 Напоминает, что пора
 Опять пуститься в плаванье⁵⁴.

В очередной раз используемая рифма «школ — футбол» уже не предвещает ничего хорошего; худшие ожидания и оправдываются. Ни кажущаяся подробность описания, ни нагнетаемые эффекты (восклицания, эпитеты «грозный» и «горячий») не помогают скучному и схематичному действию, описываемому Маршаком, превратиться во сколько-либо занимательное зрелище: две команды, как по заказу, симметрично забивают друг другу по одному голу. Безразличие к футболу как таковому здесь еще заметнее, чем

⁵⁴ Маршак С. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. С. 327–328.

в цитируемом выше стихотворении: чего стоит одна только ремарка автора «И хорошо, что не в свои!..», ничем не объясняемая и не мотивируемая, или то обстоятельство, что описание матча внезапно обрывается на самом интересном моменте. Да и эпитет «горячая» употреблен явно не к месту: ничто не свидетельствует о том, что матч был действительно «горячим».

Тем очевиднее становится основная идея фрагмента — это тот самый «порядок», к которому призывает судья, но порядок, доведенный до крайности, до логического предела. «Идеальный» футбол по Маршаку — футбол, в котором господствует принцип «уравнения счета» (не для того ли, чтобы сохранить царящую на поле симметрию, Маршак так резко обрывает описание матча?), то есть игра, окончательно утратившая свой смысл.

Само слово «порядок» здесь симптоматично — именно идея порядка, господствовавшая в официальной детской поэзии, способствовала закреплению за футболом сомнительной репутации. Футбол порицался не только как помеха хорошей учебе, но и как хулиганская игра, неизменно сопровождающаяся шумом, криками, выбиванием оконных стекол и драками. Эта репутация закрепляется за игрой в футбол изначально и несомненно берет истоки в «футбольной» поэзии 1910–1920-х годов — с той лишь разницей, что акцент смещается с вреда, который игроки причиняют себе, на вред, причиняемый ими окружающим.

Тема футбольного травматизма тоже возникает в детской советской поэзии, хотя далеко не так часто, как во взрослой. В частности, печальные последствия игры в футбол изображаются в «поучительном рассказе для шалунов» Михаила Соловьева под названием «Гриша и Тиша два проказника»:

— Не сыграть-ли в мяч футбольный, —
Здесь в гостиной так привольно.

И пошел вокруг содом:
 Все в гостиной кверху дном.
 Вот картина Гришу — хлоп.
 В синяках у Гриши лоб.
 Ну а Тиша, — что за вид, —
 Без зубов и нос разбит...
 Да, в футболе Тиша — спец.
 Вдруг бежит на шум отец:
 Тут за все досталось им —
 Была трепка обоим...⁵⁵

Во многих других детских произведениях о футболе серьезность травм нередко преуменьшалась. Так, в стихотворении Барто «Володя болен» недомогание героя, не встающего с постели четвертый (!) день, названо «неопасным»:

Он неопасно болен,
 Но встать нельзя — хоть плачь!
 Он на футбольном поле
 Упал, гоня мяч⁵⁶.

Это преуменьшение, по-видимому, было вызвано, с одной стороны, нежеланием пугать маленького читателя, а с другой — тем, что в детских стихотворениях о футболе гораздо больше внимания уделялось беспокойству, которое по вине юных любителей этой игры испытывали взрослые. В подавляющем большинстве случаев футбол изображался как более или менее мелкое хулиганство:

Это кто разбил мячом
 Чашку на буфете?
 Петя был тут ни при чем,
 А попало Пете⁵⁷.

⁵⁵ Соловьев М. Гриша и Тиша два проказника. Пг., 1924. С. 16.

⁵⁶ Барто А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 369.

⁵⁷ Маршак С. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. С. 219.

Или:

Как вожатый, тетя Поля
Разбирает все дела:
Подрались мы на футболе,
Тетя Поля разняла⁵⁸.

Нарушением порядка в детских стихах часто оборачивалось и простое пребывание на стадионе во время матча:

Были в праздник
Вася с Колей
Вместе с папой
На футболе.

Только вверх
Взметнулся мяч,
Пес за ним
Помчался вскачь,
Гонит прямо через поле —
Получайте, Вася с Колей!

С этих пор на стадион
Вход собакам воспрещен⁵⁹.

«Во всей красе» мальчишеский футбол показан, в частности, в книге страстного поклонника этой игры Михаила Дудина «Веселый двор»:

Сохнут папины рубашки,
Мамин шарфик голубой...
Зашивается фуражка
С сеном, паклей и трухой.
Светит солнце. День горяч.
Над бельем летает мяч.

Пробежав широкий двор,
Боря прыгнул на забор.
Очень скучно стало Боре
Вверх ногами на заборе.

⁵⁸ Барто А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 193.

⁵⁹ Юность. 1958. № 5. С. <2>.

Широки в сарае двери,
 Раскрывается сарай...
 Капитан ребят проверил,
 Дал команду: «Начинай!»

Три свистка. Мельканье ног.
 Полетел в ворота
 Старый валяный сапог,
 И заплакал кто-то.
 Поднялся такой содом,
 Что проснулся управдом.
 Прямо с койки на балкон
 Неодетый вышел он.
 Страшный дядя управдом
 Всем ребятам был знаком:
 Разбежалась детвора
 По квартирам со двора⁶⁰.

Воцарившаяся в результате тишина, впрочем, не устраивает ребят, и они идут жаловаться председателю райсовета:

Мы ему сказали: «Дядя,
 Очень скучно мы живем».
 Мы ему сказали: «Дядя,
 Наш сердитый управдом
 Нам играть не разрешает,
 Гонит с нашего двора,
 Все игрушки отбирает, —
 Недовольна детвора»⁶¹.

Благодаря вмешательству управдома двор совершенно преобразуется — его старательно чистят, выметают, разбивают цветники. Непослушные дети, в свою очередь, моментально превращаются в образцовых пионеров и досуг проводят соответствующим образом («Мы в хасановцев играем, / Водим танки за сарай... /

⁶⁰ Дудин М., Кудрин В. Веселый двор. Иваново, 1940. С. 6–8.

⁶¹ Там же. С. 8–10.

Мы в саду читаем книжки, / Мы танцуем и поем»⁶²). Нетрудно догадаться, что футбол изгоняется из этого миниатюрного пионерского рая и заменяется регулярной зарядкой:

Рано утром по порядку
Мы выходим на зарядку,
Только галстуки подряд
Красным пламенем горят⁶³.

И здесь ключевое слово — «порядок», противопоставленное «содому», устойчиво (не только у Дудина, но и, например, у Соловьева) ассоциирующемуся с футболом. Вернее, даже не слово «порядок», а корень «ряд», встречающийся в трех находящихся в сильной позиции (на концах строк) словах («порядку» — «зарядку» — «подряд») и эхом отдающийся в слове «горят». Естественное неравенство, предполагаемое футболом (капитан команды, защитники, нападающие), уступает место единообразию, индивидуальность стирается: в строфе, описывающей зарядку, нет отдельных лиц и вообще нет лиц — лишь монотонный ряд красных галстуков. Более того, замещение футбола зарядкой преподносится и как переход от сферы «низкого», неприглядного быта (фуражка, набитая «сеном, паклей и трухой» и зашитая; ворота сарая; валенок в качестве мяча)⁶⁴ к сфере чистой идеологии: использование «пламени» в качестве метафоры красного цвета условно дематериализует пионерские галстуки. Футбол, таким образом, оказывается не только шумной и хулиганской, но еще и неприглядной, некрасивой, неказистой игрой (это, кстати, тоже общее у детских и взрослых советских стихотворений, в которых, как мы помним, футбол также нередко про-

⁶² Дудин М., Кудрин В. Веселый двор. Иваново, 1940. С. 12.

⁶³ Там же. С. 12.

⁶⁴ Изображенный, кстати, и на сопровождающей «футбольный» эпизод иллюстрации.

тивопоставлялся более выразительным и изящным видам спорта).

Весьма низкую оценку футбол получал не только по эстетической, но и по этической шкале. Например, в стихотворении Андрея Иванова «Не шумите»:

Нынче с самого утра
У детей идет игра.

Но игрою недовольна
Соня старшекласница.
— Ну, довольно вам, довольно!
То бороться схватятся,

То стреляют, то запели,
То начнут кричать ура.
Ой, как вы мне надоели,
Шли бы, дети, со двора!

Разыгралась детвора,
Не уходит со двора.

Прянул мяч футбольный ввысь.
Вдруг студент подходит, Митя:
— Эй, ребята, не шумите,
Вы б сегодня разошлись!

Мать пришла с ночной работы,
Маме хочется вздремнуть.
Шли б, ребята, за ворота,
Дали бы маме отдохнуть!

Перестали вмиг бороться,
Попритихла детвора,
Только шепот раздается, —
Все уходят со двора⁶⁵.

Футбол здесь назван в числе прочих детских игр и шалостей («То бороться схватятся, / То стреляют, то запели, / То начнут кричать ура»). Но если последние не влекут за собой сколько-либо значимых последствий (разве что раздражают старшекласницу Соню, к сло-

⁶⁵ Иванов А. Славные ребята. С. 14–15.

вам которой, впрочем, никто особо не прислушивается), то в момент появления «футбольного мяча» тон стихотворения меняется с иронического на серьезный и назидательный, а вполне невинное баловство перестает быть таковым. Причем автор настойчиво (посредством троекратного повтора слов «мать» — «мама» — «мама») подчеркивает, что речь идет не об абстрактной уставшей женщине, а о маме — обращение к сокровенным чувствам читателя словно призвано окончательно дискредитировать футбол в его глазах.

До своего логического предела тема «аморальности» футбола доводится в стихотворении Сергея Михалкова «Булка»:

Три паренька по переулку,
Играя будто бы в футбол,
Туда-сюда гоняли булку
И забивали ею гол.

Шел мимо незнакомый дядя,
Остановился и вздохнул
И, на ребят почти не глядя,
К той булке руку протянул.

Потом, насупившись сердито,
Он долго пыль с нее сдувал
И вдруг спокойно и открыто
При всех ее поцеловал.

— Вы кто такой? — спросили дети,
Забыв на время про футбол.
— Я пекарь! — человек ответил
И с булкой медленно ушел.

И это слово пахло хлебом
И той особой теплотой,
Которой налиты под небом
Моря пшеницы золотой⁶⁶.

⁶⁶ Михалков С. Собр. соч.: в 1 т. С. 37.

Футбол здесь противопоставляется не только моральным ценностям и основам жизни, но и жизни как таковой — достаточно сопоставить апеллирующее ко всем пяти человеческим чувствам описание пшеничных полей в финале стихотворения и краткие указания на неприглядность импровизированного футбольного поля (которые сводятся к словам «переулок» и «пыль»). К тому же, игру в футбол в «Булке» трудно назвать развлечением, веселым времяпрепровождением — в тексте нет ни слова об эмоциях, которые испытывают легкомысленные игроки, в то время как портрет и монолог пекаря сопровождаются развертыванием целого спектра эмоций. Тут и грусть, и негодование, и душевное тепло, и чувство собственного достоинства⁶⁷. В предпоследней строфе футбол и вовсе «забывается», а вслед за ним, в последней строфе, исчезают любители бессмысленной и пустой — согласно Михалкову — игры.

Своеобразную квинтэссенцию всех мотивов, связанных с футболом в советской детской поэзии, представляет собой стихотворение Евгения Шварца «До чего довел человека футбол»:

Был Васька Орлов
 Весел и здоров,
 Учился в Ленинграде,
 Состоял в отряде...
 А теперь где ты, Вася?
 Ни в отряде ни в классе!
 Эх, футбол, футбол,
 До чего ты человека довел!

Что такое футбольный матч?
 Гоняют ребята мяч,
 Из сил выбиваются,

⁶⁷ Слово как таковое здесь тоже важно — три паренька играют в футбол *молча*, а противопоставляемый им пекарь произносит слово, из которого в последней строфе фактически возникает целый мир.

Пóтом обливаются,
Глядят друг на друга врагами,
Лягают друг друга ногами,
Бодаются головой —
Сразу видно народ деловой!
А вся-то их работа:
Загнать мячик в ворота.

Увидал Орлов — и погиб,
К месту так и прилип,
Простоял четыре часа —
«Вот, говорит, чудеса!
Брошу отряд и школу,
Буду учиться футболу».

На футбольной площадке
Натер он себе пятки,
Сыграл двести таймов подряд,
Позабыл пионерский отряд.
Зовет Ваську вожатый:
Ты, говорит, работник слабоватый,
Ты у нас не пионер, а голкипер.
Тут он Ваську из отряда и выпер.

Работает Васька с утра.
В школу ему пора,
А он давай упражняться —
За куцым котом гоняться.
Прыгает кот, как мяч,
Носится по комнате вскачь,
А Васька его буцей —
Прыгай повыше куцый!

Сидит Васька в школе,
А думает о футболе.
Сосед шевелит мозгами,
А Васька Орлов ногами.
В голове у него ерунда:
Хавбеки да форварда.

По улице мостовой
Васька шлем гоняет свой.
Люди спотыкаются,
Лошади брыкаются.

Угодил ногой в стекло —
 Всю витрину разнесло.

Ходит Васька невеселый,
 Выгнали его из школы.
 Шлялся он без дела,
 Пока не надоело.
 Пришел на биржу труда —
 Не берут его никуда.

Дали Ваське две анкеты,
 Написал он все ответы,
 Указал: специалист —
 Знаменитый футболист.
 Посмотрел товарищ в кепке, —
 У тебя, брат, ноги крепки,
 В остальном ты слабоват,
 Сам, товарищ, виноват...⁶⁸

Логично предположить, что слово «человек», вынесенное в заглавие стихотворения и повторенное в последней строке первой строфы, использовано Шварцем в том его условно-ироническом значении, в каком оно традиционно возникало в разного рода нравоучительной литературе, — когда речь шла о плохом поведении, неуспеваемости и т.п. В стихотворении Шварца и вправду затронуты все эти проблемы — именно футбол способствует тому, что Васька все больше отклоняется от идеала советского школьника и пионера. Сначала его исключают из отряда, затем из школы, финальной же степенью падения оказывается его неспособность стать полноценным членом трудового коллектива. Соответствующим образом изображена и игра в футбол — увиденная через остранение, она сводится к набору примитивных хулиганских действий («Глядят друг на друга врагами, / Лягают друг друга ногами, / Бодаются головой»), бессмысленность которых очевидна («А вся-то их работа: / Загнать мячик в ворота»), хоть и замаскирована

⁶⁸ Советские ребята. Сборник для детей. Вып. 1. 1926. С. 77.

громкими, «красивыми» словами: «голкипер», «хавбеки да форварда».

Несколько даже необычно выглядит сосредоточенность автора на физиологическом аспекте футбола — едва ли не в каждой строфе сообщается о «натертых пятках» и неловких движениях Васьки, о том, как он шевелит своими «крепкими ногами» и пинает ими kota. Это и отличает стихотворение Шварца от множества других детских футбольных стихотворений — как правило, схематичных, скупых на подробности и не привлекающих внимание читателя к тонкостям футбольной «механики». А значит, можно предположить, что за привычным осуждением хулиганской и отвлекающей от уроков игры стоит и второй смысловой план. И ключ к нему вновь дает название стихотворения — ведь слово «человек» может быть понято и в строго биологическом смысле.

Действительно, сюжет стихотворения — не только история деградации Васьки Орлова как ученика и пионера, но, по сути, история его общей — можно сказать, видовой — деградации как биопсихосоциального существа. Уже во второй строфе стихотворения, где описывается футбольный матч, размывается граница между человеческим и животным мирами. «Гоняют», «из сил выбиваются», «потом обливаются», «глядят <...> врагами» — в этих действиях нет ничего специфически человеческого, а глаголы «лягают» и «бодаются» намекают на окончательное «расчеловечивание» игроков. Тот же путь проходит и Васька Орлов⁶⁹ — увлекшись футболом, он утрачивает способность к интеллектуальной деятельности («Сосед шевелит мозгами, / А Васька Орлов ногами») и отрывается от человеческого коллектива («позабыл пио-

⁶⁹ В этом контексте символична и «животная» фамилия героя — Орлов, и даже его имя Васька — уменьшительный вариант имени, по совместительству являющийся распространенной кличкой котов.

нерский отряд»). Зато повышенное внимание уделено его взаимоотношениям с животным миром — на улице Васька мешает не только людям, но и лошадям, дома гоняется за своим котом, да еще и с поистине звериной жестокостью избивает его буцей. Десоциализацией, впрочем, дело не ограничивается — игра в футбол фактически перестраивает и Васькин организм, что проявляется как в его раскоординированных движениях во время импровизированной уличной тренировки, так и в чрезмерной развитости его нижних конечностей — мотив, о котором уже шла речь выше. В финале «товарищ в кепке» едва ли не открыто говорит об «обратной эволюции» Васьки Орлова, превратившегося из обычного «веселого и здорового» ленинградского мальчика в непонятное существо, утратившее большинство человеческих навыков («в остальном ты слабоват») и характеризующееся только «крепостью ног».

Не исключено, что в 1926 году, на волне интереса к улучшению человеческой породы и к соответствующим экспериментам в различных областях науки, скрытый смысл стихотворения Шварца был более очевиден⁷⁰ и считывался гораздо легче. Как бы то ни было, вызванная футбольным увлечением изоляция Васьки Орлова, его отрыв от коллектива вполне вписываются — сколь бы странным это ни показалось — в общую тенденцию к изображению футбола как повседневной, будничной игры, занятия для обычных и ничем не примечательных детей.

⁷⁰ Любопытно, что в написанной в 1961 году и экранизированной двумя годами позже повести Валерия Медведева «Баранкин, будь человеком!» (в названии которой слово «человек» использовано столь же двусмысленно, как и у Шварца) футбол приобретает прямо противоположное значение: герои повести, превратившись в муравьев, пытаются сыграть в мяч (вернее, в используемое в качестве мяча круглое зерно) с настоящими муравьями, но трудовой инстинкт не позволяет им этого сделать.

Возможностей переломить этот стереотип и посмотреть на игру в футбол под другим углом у советской детской поэзии было, как нам представляется, три.

Первая возможность — *бытописательская*: увидеть в футболе не примитивную игру в мяч, а нечто большее, сосредоточиться на футбольном быте в различных его аспектах — техническом, психологическом, речевом и т.д. Ведь именно динамизм и сравнительная новизна футбола могли бы, по сути, сделать его идеальной темой новой детской поэзии, которую Тынянов в посвященной Чуковскому статье характеризовал следующим образом: «Лилипутская поэзия» дореволюционных лет «с однообразными прогулками героев, с их упорядоченными играми, с рассказом о них в правильных хорях и ямбах вдруг была сменена. Появилась *детская* поэзия, и это было настоящим событием. Быстрый стих, смена метров, врывающаяся песня, припев — таковы были новые звуки... Книжки открылись для изображения улиц, движения, приключений, характеров... Стих стал так гибок, что вдруг стали возможны передача и закрепление впервые подмеченных разговорных интонаций, стих стал просторен»⁷¹.

Вторая возможность, в полной мере реализовавшаяся во взрослой «футбольной» поэзии в 1920–1930-е годы, — *идеологическая*: спроецировать на футбольную тему социально-политические схемы и процессы, дать ей идейную подсветку.

Третья возможность — *игровая*: обнаружить магию футбола, выявить его волшебный потенциал. Эта возможность не без успеха нащупывалась в детской прозе — таково, например, пространное описание необычного футбольного матча в «Старике Хоттабыче» Лазаря Лагина. Описывая чудеса, совершаемые Хоттабычем по ходу игры — внезапное появление на поле «двадцати двух ярко раскрашенных в цве-

⁷¹ Воспоминания о Корнее Чуковском. М., 1983. С. 61.

та радуги мячей, изготовленных из превосходного сафьяна»⁷², сдвиг штанги ворот «сантиметров на пятьдесят в сторону»⁷³ и внезапное заболевание целой команды корью, — автор в то же время вскрывает магическую природу футбола как такового. Матч на «изумрудно-зеленом поле»⁷⁴, приковывающем взоры десятков тысяч человек, сам по себе оказывается чудом — не случайно слова Вольки, перед игрой предлагающего болельщикам билеты, открыто названы «магическими»⁷⁵.

Увы, ни одна из этих возможностей не была использована в советской детской поэзии. Ни бытописательская — футбол в изображении большинства авторов выглядел примитивной, скучной игрой, сводившейся к бестолковой беготне за мячом; язык детского футбола оставался за рамками поэзии, а динамизм самой игры не оказал на нее какого-либо ритмического или синтаксического воздействия. Ни идеологическая — детская футбольная поэзия на протяжении нескольких десятков лет не выходила за границы штампов, преодоленных во взрослой футбольной поэзии уже к концу 1920-х годов; единственное, что сколько-либо сближало ее с идеологией, — осуждение футбола как увлечения, негативно сказывавшегося на моральном здоровье советских пионеров. Ни игровая — едва ли не единственное стихотворение, отчасти намекающее на волшебную притягательность футбола, — это стихотворение Шварца, в котором Васька Орлов называет происходящее на футбольном поле «чудесами».

Результатом, как нетрудно догадаться, стал все усиливающийся разрыв детской футбольной поэзии с реальностью. Футболу, этому «повальному увлече-

⁷² Лагин Л. Старик Хоттабыч. М.; Л., 1940. С. 86.

⁷³ Там же. С. 89.

⁷⁴ Там же. С. 85.

⁷⁵ Там же. С. 85.

нию»⁷⁶ советских мальчишек, бывшему для них, по определению Никиты Симоняна, чем-то «естественным, как дыхание»⁷⁷, в поэзии отводилось весьма скромное место. О том, что значил футбол для многих поколений мальчишек, современному читателю тогдашней детской поэзии порой приходится догадываться буквально по одной-двум строкам. Так, для Алеши из стихотворения Барто «Сила воли» отказ от футбола является поистине героическим поступком («Может, целый день молчать? / Может, лечь на голый пол? / Перестать играть в футбол?»⁷⁸), как и для расхрабrivшегося первоклассника из стихотворения Михалкова «Прививка»:

Если только кто бы знал бы,
Что билеты на футбол
Я охотно променял бы
На добавочный укол!..⁷⁹

Отклонение от стереотипа «обычного мальчика», гармонично совмещающего увлечение футболом с другими занятиями и интересами⁸⁰, возможно было только в отрицательную сторону и никогда — в положительную. Образ сверходаренного, гениального ребенка-игрока, столь распространенный в мемуарах футболистов⁸¹, так и не возник в советской детской поэзии,

⁷⁶ Бесков К. Моя жизнь в футболе. С. 9

⁷⁷ Симонян Н. Футбол — только ли игра? С. 16.

⁷⁸ Барто А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 178.

⁷⁹ Михалков С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. С. 39.

⁸⁰ Таков, например, сознательный мальчик Володя из стихотворения Барто «Начался опыт»: «На новой площадке / Играют в футбол. / Звали Володю, / Но он не пошел. / Он говорит: / Я работать иду, / Я должен еще / Подкормить реzedу» (Барто А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 381).

⁸¹ См., например: Андреев С. Я — форвард. Ростов н/Д., 1990; Бесков К. Моя жизнь в футболе; Дементьев П. Пека о себе, или Футбол начинается в детстве.

на протяжении нескольких десятилетий нетерпеливо отмахивавшейся от «хулиганского» вида спорта и сводившей его к стереотипу — вплоть до постсоветской эпохи:

ФУТБОЛ

Сказала тетя:
 — ФИ, футбол! —
 Сказала мама:
 — ФУ, футбол! —
 Сестра сказала:
 — НУ, футбол...
 А я ответил:
 — ВО, футбол!⁸²

В чем главная причина этой нереализованности футбольной темы в детской поэзии? Вот в чем: игра детей в футбол означает празднование мальчишеского как такового, погружение без остатка в мальчишеский мир и отрыв от навязанных взрослыми норм. Детская же советская поэзия последовательно требовала от ребенка, чтобы он «воспитывался и перевоспитывался», в идеале — чтобы каждый его шаг был ей подконтролен. Ведь детские поэты всюду, во всех мелочах детской жизни брались указывать и ограждать — на этом пути футбол мог быть только досадной помехой или даже больше — грозящей опасностью («содомом»). Рассказывают, что на участок А. Барто в «Заветах Ильича» порой залетал пущенный каким-нибудь юным футболистом мяч, и тогда она на весь поселок материла ребят с крыльца — футбол мешал ей работать, писать детские стихи. Вряд ли этот анекдот — ложь⁸³, но в нем

⁸² *Сангир Г.* Чудаки: Книга для учащихся. М., 1994. С. 113.

⁸³ Услышано от непосредственного свидетеля этой сцены, тогдашнего юного обитателя «Заветов Ильича», Марка Иоффе. Тем более выразительным кажется нам следующее стихотворение Барто: «Нет, в жизни мне не повезло, / Однажды я разбил стекло. / Оно под солнечным лучом / Сверкало и горело, / А я нечаянно — мячом! / Ух, как мне

точно — намек: советская детская поэзия обесценивает футбол, потому что он ей органически враждебен, он по ту сторону баррикад в борьбе за ребенка. Ведь в дворовом футболе в высшей степени выражается то, что детская поэзия всегда пыталась взять под свой ограничительный контроль, а именно мальчишеская свобода. Свобода в том числе и от самой детской поэзии.

нагорело! / И вот с тех пор, / С тех самых пор, / Как только выбегу / Во двор, / Кричит вдогонку кто-то: / — Стекло разбить охота? — / Воды немало утекло / С тех пор, как я разбил стекло. / Но стоит только мне вздохнуть, / Сейчас же спросит кто-нибудь: / — Вдыхаешь из-за стекол? / Опять стекло раскокал? / Нет, в жизни мне не повезло, / Однажды я разбил стекло. / Идет навстречу мне вчера, / Задумавшись о чем-то, / Девчонка с нашего двора, / Хорошая девчонка. / Хочу начать с ней разговор, / Но, поправляя локон, / Она несет какой-то вздор / Насчет разбитых окон. / Нет, в жизни мне не повезло, / Меня преследует стекло. / Когда мне стукнет двести лет, / Ко мне пристанут внуки. / Они мне скажут: / — Правда, дед, / Ты брал булыжник в руки, / Пулял по каждому окну? — / Я не отвечу, я вздохну. / Нет, в жизни мне не повезло, / Однажды я разбил стекло»
(Барто А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 210).

СТИХИ РУССКИХ
И СОВЕТСКИХ ПОЭТОВ
О ФУТБОЛЕ
(1910–1950)

1910

Саша Черный
СКВОЗНОЙ ВЕТЕР 9

1912

Старый спортсмен
«Нельзя терять и мига...» 15
Старый спортсмен
«Победили футболисты...» 18 (сн.)
Евгений Хохлов
ОЛИМПИЙСКОЕ..... 25

1913

А. Барановский
«Футбол, футбол!..» 28
Александр Кранцфельд
ФУТБОЛ..... 29
Валерий Брюсов
У КРУГЛОГО КАМНЯ 36
Осип Мандельштам
СПОРТ 42
Осип Мандельштам
ФУТБОЛ..... 39
Осип Мандельштам
ФУТБОЛ..... 40

1914

Виктор Кальян
ФУТБОЛ..... 23

1915

Неизвестный автор

«Он не речист...»25 (сн.)

Константин Липскеров

«Может быть, это только злые дети...»..... 35

1916

Влад. Королев

СПОРТ 17

1920

Владимир Набоков

FOOTBALL 129

1923

Эдуард Багрицкий

ФУТБОЛ..... 83

1924

Миша Л.

«Красный Спорт» вышла газета...»..... 50

Василий Каменский

ГИМН 40-ЛЕТНИМ ЮНОШАМ..... 65

В. Дерягин

НА ПЛОЩАДКЕ..... 68

К-т

ФУТБОЛ..... 70

К-т

«Под лучами лениво нежится поле...» 71

В. Моряк

ФУТБОЛ..... 76

1925

- Неизвестный автор*
«Сотни лет варили пиво...»
(частушки)..... 48
- Неизвестный автор*
«А мой милый всем на смех...»
(частушки)..... 48
- Неизвестный автор*
«Хоть шла замуж без неволи...»
(частушки)..... 49
- Неизвестный автор*
«“Футболист я”, — врет Сережа...»
(частушки)..... 55
- Ярополк Семенов*
«О чем толкует футболист...»
(частушки)..... 60
- Неизвестный автор*
«Справок толком не давали...»
(частушки)..... 60 (сн.)
- Неизвестный автор*
«Футболистам невтерпежку...»
(частушки)..... 61
- А. Копьевский*
УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ФИЗКУЛЬТУРНИКИ
ДИСКВАЛИФИКАЦИЯ ФУТБОЛИСТОВ 56
- А. Копьевский*
ФУТ-МЯЧ 60 (сн.)
- Хоккляушка*
ФИЗКУЛЬТУРНОЕ
«ЛЯМ-ЦА-ДРИЦЦА-ГОП-ЦА-ЦА» 57 (сн.)
- Семен Оллендер*
МЫСЛИ БОЛЕЙЩИКА 86
- Владимир Маяковский*
ЛЕТАЮЩИЙ ПРОЛЕТАРИЙ
(отрывок)..... 92

Ярополк Семенов
ИЗ ЦИКЛА «НА ЗАРЯДКЕ ЗДОРОВЬЯ» 123

1926

<i>С. Б.</i>	ОКО ЗА ОКО	55
<i>Неизвестный автор</i>	«Спортом каждый занимайся...» (частушки).....	55 (сн.)
<i>Иван Молчанов</i>	«СПОРТСМЕН» СЕНЯ	58
<i>Николай Максимов</i>	ФУТБОЛ.....	141
<i>Николай Максимов</i>	«Не коронован я молвой стоустой...»	140
<i>Марк Тарловский</i>	ВЕСЕННИЕ ЖУРАВЛИ.....	143
<i>Николай Заблоцкий</i>	ФУТБОЛ.....	145

1927

<i>Владимир Вихлянец</i>	НА СТАДИОНЕ.....	78
<i>Яков Городской</i>	ФУТБОЛ.....	78
<i>Юрий Иванов</i>	СМЕРТЬ СЕЗОНУ	119
<i>Юрий Иванов</i>	ВЕСНА.....	121
<i>С. Успенский</i>	СКОРО	122
<i>Владимир Набоков</i>	УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПОЭМА (отрывок).....	134

1928

<i>Анатолий Борохович</i>	
ФУТБОЛ.....	81
<i>Саша Черный</i>	
ЗЕЛЕНое ВОСКРЕСЕНЬЕ	
(отрывок).....	125
<i>Борис Поплавский</i>	
ЛЮБОВЬ К ИСПАНЦАМ.....	127
<i>Неизвестный автор</i>	
СЕЛИН (эпиграмма).....	148 (сн.)
<i>Неизвестный автор</i>	
ИСАКОВ (эпиграмма).....	148 (сн.)

1929

<i>Топс</i>	
О ФУТБОЛЬНОМ РУКОВОДСТВЕ	
И КАДРАХ.....	51
<i>Неизвестный автор</i>	
МУССОЛИНИ-ФУТБОЛИСТ	54
<i>Александр Безыменский</i>	
ФУТБОЛ.....	63
<i>Аркадий Ситковский</i>	
ВЕСЕЛЫЕ ЭКСКУРСАНТЫ.....	72
<i>Евгений Забелин</i>	
НА СТАДИОНЕ.....	105
<i>Казимир Вежинский</i>	
ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ	112

1931

<i>Геннадий Фиш</i>	
МАТЧ.....	166
<i>Даниил Хармс</i>	
Андор	206

1932

Юрий Казарновский

ФУТБОЛ..... 180

Борис Корнилов

ФИЗКУЛЬТ-УРА! 173

Сашиа Черный

ФУТБОЛ..... 203

1933

Сергей Васильев

ЦЕРКОВЬ ПЕТРА И ПАВЛА 170

Андрей Алдан

ФУТБОЛ..... 179

Андрей Иркутов

СОСЕД 198

1934

Владислав Эллис

ФУТБОЛ..... 205

1935

В. Медведев

ОТЪЕЗД..... 185

Р. Роман

«В футбол играли летом
мы везде...» 198 (сн.)

1936

Василий Лебедев-Кумач

МАРШ ИЗ ФИЛЬМА «ВРАТАРЬ» 162

Борис Корнилов

МОЛОДОСТЬ 194

1937

Герман Лапсин

НАША КОМАНДА 178

Иннокентий Луговской

ДРУГУ ФУТБОЛИСТУ 181

Александр Ойслендер

ФУТБОЛ..... 188

Михаил Пустынин

БРАТЯ СТАРОСТИНЫ

(эпиграмма)..... 194

Михаил Шестериков

ВРАТАРЬ..... 195

1938

Валентин Дуров

МАТЧ..... 191

Валентин Дуров

ЗАВОЕВАННЫЙ КУБОК 193

1939

Александр Ойслендер

МОЙ СОСЕД..... 197

Николай Отрада

ФУТБОЛ..... 200

Николай Глазков

ПРО ФУТБОЛ 204

1940

Дмитрий Самойлов

ЗАМАНЧИВЫЙ МАРШРУТ..... 184

1941

Валентин Дуров

КАВЕРЗНЫЙ ВОПРОС..... 197

1942

Р. Роман

«Футболисты в ночь глухую...» 211

1945

Павел Зальцман

ФУТБОЛ..... 223

1946

Вадим Малков

СПОР ВЛЮБЛЕННЫХ 230

Евгений Долматовский

ПЕСНЯ ФУТБОЛИСТОВ 208

1947

Александр Безыменский

«МНОГОБОРЬЕ» В ДЕНЬ МАТЧА 221

Александр Жаров

НА СТАДИОНЕ..... 211

Екатерина Шевелева

НА ТРИБУНЕ СТАДИОНА..... 232

Лев Ошанин

ФУТБОЛЬНАЯ ПЕСЕНКА 209

Я. Козловский, В. Прибытков

ОСЕННИЕ МОТИВЫ 232

1948

Евгений Евтушенко

ФУТБОЛ..... 235

Akmaldinova, A., Lekmanov, O., Sverdlov, M.

“The Running Forward Is Exulting...”: Football in Russian and Soviet Poetry, 1910–1950 [Text] / A. Akmaldinova, O. Lekmanov, M. Sverdlov; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2016. — 304 p. — (Cultural Studies). — 1000 copies. — ISBN 978-5-7598-1366-8 (hardcover).

The monograph belongs to the series of studies written by different authors shedding light on how Russian poetry of the 19–20th centuries was assimilating the new realia previously unfamiliar to the society of that time — telegraph, cinema, telephone, radio. The landmarks of the evolution of the subject of football in the Russian poetry between 1910 and 1950 are traced for the first time by this monograph: the football motifs first adapting to the unfamiliar environment being practically smuggled into the poetry; then gaining more and more place on the pages of literary magazines and collections of poems; and, finally, accumulating the whole set of persistent semantic halos. The authors aim to show how the new poetic motifs were changing, reflecting the immediate demands of the modern times, either being deformed under or desperately resisting their pressure. The book has a double task of, on the one hand, collecting and classifying as many poetic lines about football written in the first half of the 20th century as possible, and, on the other hand, of analyzing the logic of the development of the subject of football in terms of historical poetics.

The book addresses both professional researches and a wide audience of readers. Its academic approach by no means interferes with presenting fascinating topics at the junction of football and poetry histories such as the encounters of Soviet and Basque teams in 1937, the Dynamo Moscow tour to Great Britain in 1945, the confrontation between two eminent Moscow clubs, Dynamo and Spartak, in the 1930–1940s, poetically refracted.

Научное издание
Серия «Исследования культуры»

АЛСУ АКМАЛЬДИНОВА,
ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ,
МИХАИЛ СВЕРДЛОВ

«ЛИКУЕТ ФОРВАРД НА БЕГУ...»
ФУТБОЛ В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ 1910–1950 ГОДОВ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ЛЮБОВЬ МАЛИКИНА

Корректор
ВАЛЕРИЯ КАМЕНЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 06.05.2016. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 10,7
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Изд. № 2021. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (495) 988-63-76, тел./факс: 8 (496) 726-54-10

АЛСУ АКМАЛЬДИНОВА –

студентка бакалавриата школы филологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Автор семи опубликованных работ, в том числе в журналах «Новый мир» и «Новое литературное обозрение». Переводы печатались в журналах «Теория моды» и «Новое литературное обозрение».

ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ –

доктор филологических наук, профессор школы филологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, автор более 500 опубликованных работ, в том числе монографий «Книга об акмеизме и другие работы» (Томск, 2000), «Mandelstam» (Boston, 2010), «Поэты и газеты» (М., 2013) и др.

МИХАИЛ СВЕРДЛОВ –

кандидат филологических наук, доцент школы филологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, автор книг «По ту сторону добра и зла. Алексей Толстой: от Буратино до Петра» (М., 2004), «Почему умерла Катерина? "Гроза": вчера и сегодня» (М., 2005) и др.

В Ы С Ш А Н

Ш К О Л А

Э К О Н О М И К И

